Екатерина Андреева

Баллада Мефистофеля

Издательство „Детская литература"

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

О власти золота над людьми и жажде наживы, которые толкали народы к войне, к завоеванию новых стран и отчасти к распространению и накоплению знаний, как в алхимии…

О поисках золотых месторождений, эпидемиях «золотой лихорадки» и насилии, грабежах и рабстве…

О скрытой власти «жёлтого дьявола» в капиталистических странах и об изменившемся отношении советских людей к золоту…

Обо всём этом и написана книга, стремящаяся показать всё то зло, которое приносит людям жажда золота, жажда наживы — всё, о чём поёт Мефистофель в своей балладе.

- Е. В. Андреева. Баллада Мефистофеля
  - Введение
  - Золото древнего мира
  - Под солнцем Эллады
  - Жажда наживы
  - Алхимия
  - Открытие Нового Света
  - Сокровища инков
  - Богатства горы
  - Морские разбойники
  - Современные пираты
  - Кайо-Авалос
  - Золото на морском дне
  - «Здесь земля родит только золото!»
  - Как золото насмеялось над человеком
  - Металл войны
  - Пятая часть света
  - Золотая лихорадка
  - «Змеиные места»
  - «Золото мыть — голосом выть!»
  - Ленский расстрел
  - За советское золото
  - «Золотая земля»
  - Загадки золота
  - Самородки
  - В ценности — причина гибели
  - Проклятие золота
  - Слуги золота
  - Миллиардеры

- Символ капитализма
- «Золотая Америка»
- Скрытое господство «жёлтого дьявола»
- Контрабанда золотом
- Современная добыча и применение
- Заключение

Е. В. Андреева. Баллада Мефистофеля

Екатерина Андреева

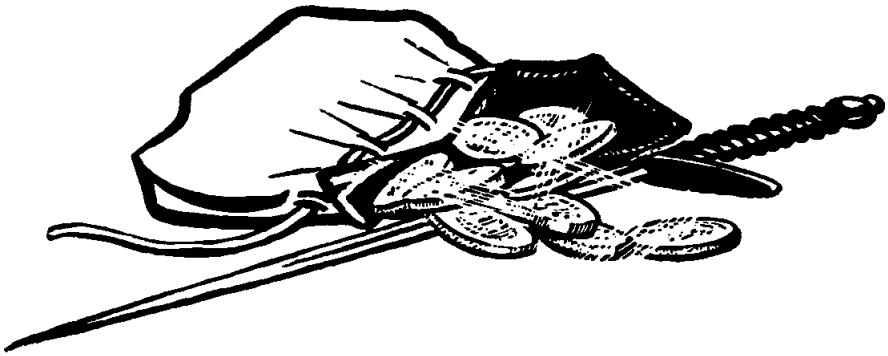
Баллада Мефистофеля

Издательство
„Детская литература“
Ленинград

1965

Екатерина Владимировна Андреева
Баллада Мефистофеля
Рисунки Е. Кршижановского

Введение



На земле весь род людской
Чтит один кумир священный!
Он царит над всей вселенной,
Тот кумир — телец златой!

В умилении сердечном
Прославляя истукан,
Люди разных каст и званий
Пляшут в круге бесконечном,
Окружая пьедестал.

Сатана там правит бал,
Сатана ликует там…

Этот идол золотой
Волю неба презирает,
Насмехаясь, изменяет
Он закон небес святой!

В угожденье богу злата
Край на край встаёт войной,
И людская кровь рекой
По клинку течёт с булата

Люди гибнут за металл,
Сатана там правит бал! —

так поёт Мефистофель в известной опере Гуно «Фауст»,

издеваясь над людьми, одержимыми страстью к золоту. Для удовлетворения жажды золота люди были готовы на любое преступление. И действительно, золото — это металл войны, грабежа и убийств, металл слёз и горя, надежд и отчаянья!

Для многих накопление золота делалось целью жизни, и они поклонялись «золотому тельцу», о котором написано ещё в библии — «священной» книге древних иудеев.

В самой колыбели человеческой культуры, на всём протяжении истории с поклонением золоту связана борьба, ненависть и кровь. Золото стало настоящим властителем мира. Блестящий жёлтый металл стал символом богатства и власти.

Богат и всемогущ был тот, у кого оказывался большой запас золота и драгоценных камней. Но цена драгоценных камней зависит не от количества, а от величины, цвета, блеска, игры и отделки — их шлифовки. Стоимость же золота зависит только от его количества и остаётся неизменной, в каком бы виде оно ни предлагалось. Это постоянство цены золота и сделало его мерилом для оценки всех других вещей и товаров.

В природе золото находится в свободном состоянии и не требует никакой обработки. Вероятно, первые золотые крупинки, жёлтые и сверкающие, были найдены первобытным человеком в песках на берегу реки, и красивый, блестящий, ковкий металл стал употребляться прежде всего для украшений.

Отделение золотых зёрнышек от песка делалось очень просто. Песок промывали водой в сосуде на берегу реки. На дне сосуда оседали тяжёлые золотые крупинки, песок же смывался. А если воды близко не было и в песке замечали золото, тогда человек подхватывал рукой или на лопату кучку песка и подбрасывал кверху. Ветер относил пыль и лёгкие песчинки в сторону, а на разостланную на земле тряпку падали более крупные и тяжёлые зёрнышки золота.

Так делали в глубокой древности люди, ещё не знавшие настоящей цены золота. Денег у них не было, и золото шло только на выделку украшений. Даже в конце XIX века арауканец в Южной Америке, найдя кусочек золота, ценил его только как украшение. Он расплющивал его молотком и тонкую пластинку протыкал иглой и привешивал себе к уху, на грудь или у пояса.

В древние времена в местах добычи золота его иногда обменивали на другие товары. Постепенно оно сделалось мерой стоимости всех товаров, потому что не портилось, не ржавело, не изменялось ни в весе, ни в качестве, и его можно было взвешиваньем отмерять в любых количествах. Так золото стало играть роль денег.

Как только началась торговля среди людей, появилась и

страсть к обогащению. Люди стали накапливать товар, чтобы заменить его золотом. Ведь на него можно было купить решительно всё. Кроме необходимых жизненных товаров, покупали свободу людей и делали их рабами, покупали совесть и честь, отпущение грехов и «святые мощи», служебные должности, чины, ордена, учёные и духовные звания.

Софокл, древнегреческий драматург, писал в своей пьесе «Антигона»:

> Ведь нет у смертных ничего на свете,
> Что хуже денег. Города они
> Крушат, из дома выгоняют граждан,
> И учат благородные сердца
> Бесстыдные поступки совершать,
> И указуют людям, как злодейства
> Творить, толкая их к делам безбожным.

С древних времён и до наших дней власть золота была безграничной, потому что в любое время оно могло быть обращено в любой товар, в любое действие, во всё, что продавалось и теперь ещё продаётся в капиталистическом мире.

О власти золота над людьми и жажде наживы, которые толкали народы к войне, к завоеванию новых стран и отчасти к распространению и накоплению знаний, как в алхимии…

О поисках золотых месторождений, эпидемиях «золотой лихорадки» и насилии, грабежах и рабстве…

О скрытой власти «жёлтого дьявола» в капиталистических странах и об изменившемся отношении советских людей к золоту…

Обо всём этом и написана книга, стремящаяся показать то зло, которое приносит людям жажда золота, жажда наживы — всё, о чём поёт Мефистофель в своей балладе.

Золото древнего мира

Древнейшие золотые копи были в Индии и в Нубии. Там этот

металл встречался в виде осевших в камнях прекрасных блестящих кусочков или в виде мелких зёрнышек, перемешанных с песком. Его выплавляли в небольших плоских печах, куда с помощью мехов вдували воздух для получения более высокой температуры.

В могилах древних аккадян и ассирийцев в Двуречье и у египтян были найдены золотые украшения, сделанные уже в IV и III тысячелетии до нашей эры.

О борьбе за золото на Средиземном море можно прочесть в египетских папирусах и в древнегреческих сказаниях. При построении царём Соломоном храма в Иерусалиме ему понадобилось громадное количество золота. Чтобы его раздобыть, Соломон снарядил несколько экспедиций в древнюю страну Офир, откуда и привёз золото. До сих пор историки не знают, что это была за страна, находится ли она в истоках Нила или в Эфиопии. Или просто слово «офир» означает «золото» и «богатство»?

Из древних клинописных надписей, обнаруженных в Месопотамии, известно, что при царе Хаммураби Вавилон был крупным центром, где производились изделия из золота, серебра и других металлов.

В Древнем Египте золото добывали у Красного моря и в Нубии. Здесь оно употреблялось и в качестве денег. Это были золотые кольца определённого веса. Подобного рода монета была наиболее древней из существовавших в обращении.

Из папирусов известно, что фараоны награждали своих верных чиновников и полководцев «золотом доблести» и «золотом храбрости» — дарили им великолепные золотые изделия.

Добыча золота и золотопроизводство находились в руках фараонов или их сыновей. Всё это было государственным секретом, известным лишь жрецам. При главных храмах существовали мастерские, в которых обучались инженеры, строители и надсмотрщики, а вся работа велась руками рабов и преступников.

Руду сперва дробили в каменных ступках. Потом промывали водой, причём золотые крупинки осаждались на дно сосуда. Затем золотой песок очищали нагреванием в течение пяти дней в закрытых тиглях вместе со свинцом, солью, оловом и отрубями. Соль и отруби здесь были, конечно, ни при чём. Получавшийся сплав назывался «хюма», а искусство изготовлять или превращать металлы — «химена».

Золотой сплав хранился в тайниках, о которых знали лишь посвящённые. Золотые изделия вырабатывались исключительно для фараонов.

Познав цену золота, люди накапливали баснословные богатства.

Египетский фараон Рамзес III был так богат, что о нём сохранилась легенда, будто он приказал архитектору построить специальное здание для своих сокровищ, и построить так, чтобы ни один вор не мог в него проникнуть.

Одна из стен сокровищницы примыкала к наружной стене дворца, а другие стены были сплошными каменными, без окон и дверей. Но архитектор устроил так, что в одной стене можно было легко вынимать большой камень и вставлять его обратно. Перед своей смертью архитектор рассказал сыновьям, как проникнуть в царскую сокровищницу. Похоронив отца, они не замедлили приступить к делу. Пробрались ночью в сокровищницу и унесли часть золота и драгоценностей.

Посещая каждое утро свою кладовую, Рамзес вскоре заметил, что его сокровища постепенно исчезают. Но печать на двери была цела, и на каменном полу не оставалось следов… Тогда царь приказал сделать тяжёлые металлические капканы и поставить их в разных местах вокруг столов и корзин с драгоценностями.

Через некоторое время братья снова пошли за золотом. Младший попал ногой в капкан. Старший пробовал ножом отвинтить капкан от пола, но сломал нож, и оба поняли, что положение безнадёжно. Тогда младший сказал:

— Меня нельзя спасти. Отрежь мне голову и унеси с собой, чтобы никто не узнал, кто воровал.

Уже начало светать, когда старший брат решился на это страшное дело… Утром царь нашёл безголового мертвеца в кладовой. По совету старшего жреца царь приказал выставить труп вора напоказ у наружной стены кладовой, и стража была обязана задержать каждого, у кого заметит сострадание и слёзы. Вскоре весь город прибежал смотреть на обезглавленный труп. Пришла и мать двух братьев-воров, но она не узнала своего сына, и стража никого не схватила. А вечером старший брат решил выкрасть труп младшего, напоил для этого стражу и, когда все заснули, завернул тело брата в мешок, погрузил на осла и увёз.

Когда фараон об этом узнал, он решил перехитрить преступника, объявив, что выдаст свою дочь замуж за самого умного и хитрого человека. Пусть каждый, кто может похвалиться такими свойствами, придёт во дворец к царевне и без опасений расскажет ей о своих поступках, и тому царевна подаст свою руку. На самом же деле там будут спрятаны стражники, которые схватят его. Но вор оказался хитрее. Когда царевна подала ему руку и вбежали телохранители, в комнате никого, кроме царевны, не оказалось. Она же крепко держала мёртвую руку, которую вор

отрубил от тела брата и захватил с собой.

Царь настолько изумился находчивости человека, что объявил о полном прощении преступника и выдал за него замуж свою дочь.

Так передал эту легенду Геродот со слов египетских жрецов.

Другим легендарно богатым царём был персидский (лидийский. — *Прим. OCR*) царь Крез. Он был так богат, что имя его вошло в поговорку: «Богат, как Крез!»

У всех языческих храмов были сокровищницы, куда жрецы ссыпали золотой песок мешками и складывали груды золотых даров и подношений богам. Одной из богатейших сокровищниц древнего мира была сокровищница Дельфийского оракула.

Город Дельфы был религиозным центром Древней Греции. Он возник у подножия горы Парнас вокруг храма Аполлона Пифийского, где Дельфийский оракул предсказывал судьбу.

Когда персидский царь Крез захотел узнать, пора ли ему начинать войну, он послал в Дельфы оракулу, в храм Аполлона, обильные дары. (Лидийский царь Крез хотел начать войну с персидским царём Киром. — *Прим. OCR*) Прежде всего велел переплавить золото в кирпичи. Каждый из них был «в шесть ладоней длины, в три ладони ширины и в одну ладонь высоты». Всего было 117 золотых кирпичей. Кроме того, Крез велел приготовить льва из чистого золота весом в 10 талантов (262 килограмма). Сверх этого он ещё послал две больших чаши, одну из золота, Другую из серебра, причём каждая весила 8,5 таланта (210 килограммов), и золотую статую женщины в один метр высотой и ещё много литых из золота вещей.

Все сокровищницы храма были наполнены золотом, драгоценной утварью, произведениями искусства, драгоценными камнями, деньгами, жемчугом и другими ценностями. Это богатство привлекало жадных людей, и Дельфийское святилище ещё в древности подвергалось ограблениям. В IV веке до нашей эры его ограбили фокейцы, захватив всё посвящённое Аполлону золото. В I веке нашей эры римский император Нерон вывез из Дельф более пятисот драгоценных статуй.

Подвергались ограблениям и египетские гробницы. Египтяне верили, что после смерти душа каждого человека, очистившись в странствиях «на том свете», снова возвращается в тело покойника и человек продолжает жить в «загробном мире». Там человеку понадобятся все его вещи и продукты. Поэтому гробницы снабжались запасами зерна, масла, вина, мяса, разной утварью и одеждой. Гробницы украшались роскошными одеждами и драгоценностями, золотыми сосудами, мебелью и колесницами. Но в богатстве гробниц и заключалась причина их гибели!

Чтобы сохранить могилы от грабителей, фараоны пробовали закладывать вход гранитными глыбами весом в несколько тонн, устраивали ложные входы, придумывали тайные двери. Но всё было напрасно. При терпении и настойчивости воры неизменно преодолевали все трудности.

В начале XVIII династии во всём Египте едва ли была хоть одна неразграбленная гробница. Тогда фараон Тутмос I приказал для себя тайно соорудить маленькую, незаметную и одинокую гробницу в глубине одной долины. Но когда в 1899 году эта гробница была вскрыта, в ней ничего не нашли, кроме пустого каменного саркофага.

Позднее фараоны стали сооружать свои гробницы в пределах очень небольшого участка той же долины, чтобы их было легче охранять. С тех пор это место стало называться «Долиной царей».

До наших дней дошёл целый ряд древних папирусов, которые сообщают об ограблении царских гробниц и содержат отчёты о расследованиях и судах над ворами. Иногда в ограблении были замешаны и высокие царские чиновники. Этот небольшой участок земли был ареной таких краж, измен, стычек, подкупов и убийств, как ни один другой на протяжении всей мировой истории.

В 1922 году была найдена англичанами Картером и Карнарвоном гробница фараона Тутанхамона. Помещение гробницы состояло из четырёх комнат, заваленных сверху донизу драгоценными вещами. Проделав в углу запечатанной двери в первую комнату отверстие и просунув в него свечу, Картер с любопытством посмотрел внутрь помещения. «Вначале я не видел ничего, так как вырвавшийся из комнаты горячий воздух колебал пламя свечи, — писал Картер. — Но когда мои глаза привыкли к свету, из тумана в глубине комнаты не замедлили выплыть подробности: странные звери, статуи и золото — повсюду блестящее, сверкающее золото!!»

В последней комнате, в саркофаге из чистого золота, лежала мумия фараона. На лице и плечах мумии была золотая маска с драгоценными камнями. И вся она была украшена золотыми браслетами, кольцами, кинжалами, ожерельями, амулетами. Драгоценная мебель, колесницы, покрытые золотом, золотые сосуды, вазы, кубки, ларцы и сундуки с драгоценностями — почти всё уцелело от грабителей, потому что эта могила была завалена щебнем и застроена хижинами каменотёсов. Однако в старину, вскоре после смерти Тутанхамона, в его гробнице всё же побывали воры, но поживились немногим. Видимо, их выследили и им пришлось бежать. А потом о Тутанхамоне просто забыли.

Под солнцем Эллады

Во время Пелопонесской войны между Афинами и Спартой были пущены в оборот громадные количества золота. Персия снабжала им Спарту, её полководцев, командиров военных судов и правящие круги. Афиняне пустили в оборот все сокровища, принадлежащие богине Афине — 157 200 килограммов золота, и расплавленные золотые статуи из других храмов.

Всё это огромное количество золота, истраченное на военные нужды, попадало в руки поставщиков, предпринимателей, судовладельцев, хозяев оружейных мастерских и разных должностных лиц.

Среди простых людей росло убеждение, что главное зло заключается в золоте, его обладании. Оно разрушает единодушие среди людей, разрушает дружбу и симпатии, порождает эгоизм и

зависть, безграничную алчность и погоню за наживой.

Древнегреческие писатели Плутарх и Лукиан Самосатский описали жизнь одного известного богатого афинянина Тимона, который разорился, к концу жизни превратился в нищего и почувствовал отвращение к золоту. Эта тема вдохновила Шекспира, который написал пьесу «Тимон Афинский».

Он описал жизнь Афин, где поклонялись только одному богу — золотому тельцу. Когда богач Тимон обеднел, он удалился в лес и стал жить отшельником в лесной пещере. Вырывая коренья для еды, он случайно наткнулся на клад из золотых монет. Это Тимона не обрадовало. Он уже давно понял, что золото внушает зависть и жадность, нисколько не способствует добру, не сближает людей и что из-за него на свете происходят несчастья и преступления. В пьесе Шекспира, в прекрасном монологе против золота и богатства, Тимон говорит:

«Золото?!. металл
Сверкающий, красивый, драгоценный…
Тут золота довольно для того,
Чтоб сделать всё чернейшее белейшим,
Всё гнусное — прекрасным, всякий грех —
Правдивостью, всё низкое — высоким,
Трусливого — отважным храбрецом,
Всё старое — и молодым, и свежим!
К чему же мне, о боги, это всё?
Бессмертные, к чему — скажите? Это
От алтарей отгонит ваших слуг,
Из-под голов больных подушки вырвет.
Да, этот плут сверкающий начнёт
И связывать, и расторгать обеты,
Благословлять проклятое, людей
Ниц повергать пред застарелой язвой,
Разбойников почётом окружать,
Отличьями, коленопреклоненьем,
Сажая их высоко, на скамьи
Сенаторов. Вдове, давно отжившей,
Даст женихов, раздушит, расцветит,
Как майский день, ту жертву язв поганых,
Которую и самый госпиталь
Из стен своих прочь гонит с отвращеньем!
Ступай назад, проклятая земля.
Наложница всесветная, причина
Вражды и войн народов — я тебя
Вновь положу в твоём законном месте!»

О золоте в Древней Греции стали складываться легенды и мифы. Например, в мифе о царе Мидасе говорится, что этот царь так стремился к золоту, что бог-Солнце одарил его способностью превращать своим прикосновением все предметы в золото. Когда Мидас одевался, его одежда превращалась в золото; пища, к которой он прикасался, становилась золотом, непригодным для еды. И вот Мидас — бедный богач — пришёл в отчаянье и стал просить бога-Солнце избавить его от дара, к которому он прежде так стремился. Его просьба была исполнена, но в наказание и назидание Мидас получил ослиные уши.

Жажда наживы

Про Западную Европу Геродот писал, что в её северной части есть, несомненно, много золота, но о способе его добыванья он ничего не может сказать, кроме того, что народ похищает его у «стерегущих золото грифов». Россыпи золота в Западной Европе теперь уже почти все исчерпаны. В старину они были в песках Рейна, Дуная, Изара, Инна, Рейса и некоторых других рек. До сих пор ещё есть незначительная добыча золота в северном Пьемонте, кое-где в Венгрии и Карпатах.

В германском эпосе «Песнь о Нибелунгах» рассказывается о

борьбе за освобождение человека от власти и проклятия золота. Кольцо, скованное из золота злым нибелунгом Альберихом, символизировало злое начало. Зигфрид, бесстрашный герой, ценой своей жизни должен был освободить мир от власти золота и низвергнуть богов Валгаллы. Но Зигфрид был убит сыном Альбериха, волшебное кольцо (злое начало) вернулось к злому Альбериху, и снова сила алчности, стяжательства и смерти завладела миром.

Уже римский учёный Плиний (I век н. э.) понимал всё зло, которое принесла с собой в мир жажда золота. Он писал: «Гораздо лучше было, когда, по словам певца “Илиады” Гомера, люди меняли одни предметы на другие без посредства золота, когда ценность вещей определялась штуками рогатого скота. Золото сделало несчастье всего мира».

Конечно, жажда золота наиболее ярко выражалась в войнах, целью которых было присвоение имущества неприятеля. Недаром золото называли металлом войны!

Все войны средневековья были захватническими и грабительскими. Вожди, князья и короли воевали ради наживы и уступали своих рыцарей любому полководцу, сеньору, королю за золото. Появились наёмные войска и люди, которые вербовали их и доставляли на место.

Знаменитый Сид Кампеадор, который воспевался во многих романсах того времени, собирал своё войско из людей разных национальностей и бился то за Христа, то за Магомета, смотря по тому, кто ему больше платил и давал большую часть добычи: христианский король или мусульманский султан.

Жажда золота особенно ярко обнаружилась во время крестовых походов на Восток, в Византию. Папа римский и католическое духовенство благословляли эти походы в «страну неверных» мусульман якобы для «освобождения гроба господня», но тайной целью была нажива, мечта завладеть восточной церковью и её богатствами. Нищее крестьянство и алчные феодалы шли на Восток с надеждой обогащения. Сокровища Византии были тем магнитом, который притягивал европейцев, мечтавших о богатстве и золоте. Константинополь воспевался в те времена трубадурами, как город чудес «с дворцом, где дети из бронзы и золота играли на трубе, где имелся вращающийся зал, приводимый в движение морскими волнами, где блестящий карбункул (драгоценный камень) освещал дворец ночью».

Не смущаясь тем, что Константинополь был христианским городом, рыцари разграбили его в четвёртом крестовом походе и перерезали массу христиан. При грабеже от рыцарей не отставало и духовенство. Во имя бога крестоносцы грабили дворцы, дома и

даже церкви.

Когда они с шумом, криками и лязгом оружия ворвались в великолепный храм Софии, они даже на минуту остановились, потрясённые его богатством: сотни икон в золотых окладах, усеянных жемчугом и драгоценными камнями; налои, покрытые парчой, затканной самоцветами; золотые лампады, серебряные кадильницы. В исступлении бросились рыцари на добычу, срывая покровы, мечами рассекали «святые» иконы, взбирались вверх по колоннам, чтобы сорвать лампады, пинком ноги опрокидывали гробы, чтобы вывалить на изразцовый пол «святые» мощи и их обыскать. Затем в храм ввели мулов и лошадей, чтобы тут же навьючить их всем награбленным. А в усыпальнице византийских императоров жадные руки с треском сбивали крышки саркофагов и обшаривали трупы, срывая с них золотые ожерелья и кольца.

Мечта европейцев осуществилась. Мировой город был завоёван и ограблен. Ограблены и другие города. В Западной Европе наступило временное успокоение — погоня за золотом нашла для себя выход на Востоке.

Венецианцы грабили Византию и греческие острова — Родос, Самос, Лесбос и Далмацию. А на севере ганзейские купцы нападали на английские и фламандские суда. Норвежский король жаловался, что ганзейские купцы «по прибытии в Норвегию и по входе в гавань бьют, наносят раны и умерщвляют людей ради грабежа и тотчас отплывают, не заботясь об ответе перед богом и королём…» Англичане, сделавшие попытку торговать с Бергеном, после 1370 года были оттуда изгнаны ганзейцами, потеряв при этом все свои товары. Потом они делали новые попытки, но ганзейцы их каждый раз выгоняли, отнимая золото, деньги, товары.

Такие способы обогащения не считались чем-либо предосудительным.

В XII, XIII и XIV веках в Европе золота было очень мало, всего пятьсот килограммов на все страны, поэтому было мало и денег. Недостаток в деньгах вызывал большие затруднения. Например, когда английский король Ричард Львиное Сердце во время крестового похода попал в плен и для его выкупа потребовалось 150 тысяч марок серебром, пришлось переплавить в монету церковную утварь, сосуды и кубки. Золото и серебро в средние века употребляли главным образом в церквах, для которых изготовлялись великолепные сосуды, огромные канделябры, лампады, золотые и серебряные статуи.

Зачатки денежного хозяйства в Западной Европе появились уже в раннем средневековье, но это были только зачатки, и лишь мало-помалу платежи в натуре стали вытесняться денежными.

Неблагоприятным для развития денежного хозяйства было плохое качество монет, которые к тому же постоянно падали в цене. Золотые монеты появились в Европе лишь в XIII веке, преимущественно на Рейне, где добывалось россыпное золото, и в Италии.

Чеканились деньги при помощи молота, а форму диска им придавали щипцами. Они легко изнашивались.

Короли и правители считали себя в полном праве повышать или понижать ценность монеты по своему усмотрению, рассматривая свои злоупотребления как вполне законный источник дохода.

Такие перемены ценности денег считались пагубнее чумы и страшнее разгрома страны врагами. Население называло королей и правителей грабителями, а деньги в те времена назывались «изобретеньем дьявола».

Алхимия

Велика была жажда золота в средние века! Но она не только приводила к войнам, ограблениям и убийствам, но иногда и к развитию знаний. Как раз в те времена, когда церковь преследовала любое проявление живой мысли, когда презираемые и проклинаемые церковью естественные науки были совершенно заброшены, как раз тогда только в одной отрасли науки люди занимались собиранием фактов и накоплением знаний — в алхимии, в этом странном соединении кропотливого труда и мистицизма.

В средние века зарождение алхимии было вызвано главным образом желанием разбогатеть.

Искусством изготовления золота в Европе прежде всего начали заниматься врачи и монахи — наиболее образованные люди, которые искренне верили в возможность осуществления этой идеи.

Но когда алхимия вошла в моду, алхимиками делались цари и короли, нищие и бродяги, преступники и шарлатаны и все жадные до золота проходимцы. Занимались опытами люди в монастырях и дворцах, в аптеках, лачугах и лесных пещерах. Жрецами этой науки были главным образом шарлатаны, но встречались и настоящие учёные, которые производили опыты не из-за жажды наживы, а из любви к знаниям. Благодаря их работам из алхимии впоследствии зародилась настоящая наука — химия.

Немногие из наук испытали такие колебания, как зарождавшаяся химия, или, вернее, алхимия. То она окружалась общим презрением, то почиталась всем миром. То в ней видели только громадное количество ошибок, преследовали её со всей строгостью законов, бичевали иронией, изгоняли её последователей, а церковь угрожала проклятием, считая её колдовством! То, наоборот, перед нею, как перед божеством, преклонялись все сословия и каждый ждал от неё богатств и истины.

Целью алхимиков было найти «философский камень». Собственно говоря, это был не камень, а жидкость, обладающая чудодейственными свойствами. Главное из этих свойств заключалось в том, что незначительной доли её будто бы было достаточно, чтобы превратить бесконечно большие количества неблагородных металлов, как железо, медь, олово, свинец, в благородные — золото и серебро. Более того: философский камень будто бы лечил болезни, одарял долговечностью, злых людей превращал в добрых, грешников — в праведников, скупых — в расточителей. Он делал глупцов умными. Это была драгоценная жидкость! И не удивительно, что вера в её существование возбудила в людях того времени непреодолимое желание приобрести её какой бы то ни было ценой.

Мысль о превращении металлов в золото существовала с древности. В этом не только сказывалась мечта человечества о пришествии на землю «золотого века», но и наблюдения древних над образованием металлических сплавов, например бронзы.

При сплавлении смеси олова с медью получается сплав, который обладает совершенно другими, более ценными свойствами, чем медь или олово в отдельности. После же шлифовки этот сплав приобретает блеск, наподобие блеска золота. Бронза рассматривалась как новый металл, полученный превращением меди в бронзу благодаря процессу

облагораживания металла.

Согласно учению Аристотеля, существенными составными частями всех тел являются их различные свойства. Таким образом, лишая тело некоторых свойств и сообщая ему другие, можно превратить одно тело в другое. Таким образом, процесс изготовления золота был, в сущности, лишь отделением и очищением различных тел от их свойств.

Попытки делать золото были не новы. Мотивом для занятий алхимией была то жадность, то чистое стремление к знаниям, то жажда золота и власти, то желание исцелять людей от страданий.

Разнообразна была судьба алхимиков в средние века. Редкие из них были людьми достаточно осторожными, чтобы не возбудить зависти или гнева властителей. Очень немногие дожили до старости и умерли естественной смертью. Большинство же алхимиков возбуждало подозрения церкви в том, что они поддерживают сношения с дьяволом, и гибли на кострах. Другие сделались жертвой жадности князей, которые всеми силами старались выпытать их мнимую тайну превращения металлов в золото. Костёр, виселица или пожизненное заключение были обычной участью алхимиков.

Особенно опасным было положение придворных алхимиков. Если они после многих неудачных попыток приготовить золото наконец сознавались, что недостаточно знакомы с этим искусством, то их постыдно прогоняли. Если же они различными способами обманывали своих хозяев и изготовляли поддельное золото или ловкими приёмами, подбавляя в сосуды немного чистого золота, будто бы получали по временам незначительные количества этого металла, — тогда их заключали в темницу и подвергали пыткам, чтобы вырвать от них эту тайну. В случае же если обнаруживался обман, их строго и безжалостно наказывали.

Шотландский дворянин Александр Сетоний сделался алхимиком в конце XV века. В Голландии ему будто бы удалось совершить целый ряд удачных превращений обыкновенных металлов в золото. Это разнесло его славу по всему миру, и несколько лет спустя он поселился в Страсбурге у известного там золотых дел мастера Гюстенгефера и занялся выделыванием золота. В знак благодарности Сетоний, уезжая, оставил ювелиру немного «философского камня», и Гюстенгефер стал сам заниматься алхимией.

Чешский император Рудольф II, покровитель искусств и науки, пригласил Гюстенгефера в Прагу. Но, к сожалению, философский камень, оставленный ему Сетонием, вскоре был израсходован, все попытки получить золото потерпели неудачу, и Гюстенгеферу пришлось окончить жизнь в тюрьме.

Не ему одному философский камень Сетония принёс заточение и смерть вместо ожидаемого почёта и богатства. Сам Сетоний попал к курфюрсту саксонскому Христиану II. Отуманенный ловкими опытами Сетония, курфюрст заключил его в тюрьму своего замка, считая это вернейшим средством сохранить для себя одного тайну превращения металлов в золото. Но Сетоний, несмотря на неимоверные пытки, которым его подвергали и которые довели его почти до смерти, упорно молчал и тайны не выдавал.

Появилось несколько рецептов приготовления «философского камня». Папа римский Бенедикт XI в 1303 году получил один рецепт от заключённого им в тюрьму алхимика: «Дорога дорог. Почтенный отец! Приблизь с благоговением ухо и знай: ртуть есть семенная жидкость всех металлов. И вот доказательство. Всякое вещество состоит из элементов, на которые его можно разложить. Возьму неопровержимый и легко понимаемый пример. С помощью теплоты лёд расплывается в воду, — значит, он из воды. И вот все металлы растворяются в ртуть, — значит, ртуть есть первичный материал всех металлов…» И дальше шло путаное описание того, что надо проделать с ртутью. Много опытов проделали алхимики для получения из ртути серебра и золота, но всё было тщетно. Однако в 1618 году был записан случай действительного получения золота. В Виллаверде, около Брюсселя, Ван-Гельмонт (настоящий учёный и исследователь) превратил в золото восемь унций ртути посредством порошка, который дал ему неизвестный алхимик, желавший убедить этого учёного. По-видимому, ртуть была незаметно амальгамирована золотом. Ртуть легко соединяется с золотом в амальгаму, причём цвет её почти не меняется. Да и порошок мог быть порошком хлористого золота.

Объяснить теперь получение золота из порошка очень легко. Дело в том, что при действии хлора на серный или железный колчедан, содержащий примеси золота, алхимики могли легко получить порошок хлорного золота, который растворяется в воде. Из этого раствора чистое золото можно осадить железным купоросом или щавелевой кислотой. Кроме того, при нагревании порошка хлорного золота до 180˚ получается хлор и хлористое золото. Это белый порошок, который в кипящей воде быстро разлагается на свободное металлическое золото и хлорное золото.

В поддерживаемую такими опытами легенду о «философском камне» в XVI и XVII веках верили все. Утверждали, что посредством этого таинственного вещества не только можно превращать в золото все металлы, но также и излечивать им все

болезни и сохранять до бесконечности молодость и жизнь.

По секрету стали передаваться рецепты изготовления этого чудодейственного вещества. В книге алхимика Иоанна Исаака Голланда (XVI век) имеется, например, такой рецепт:

«Достоверное и справедливое сочинение Исаака Голланда. Простой способ приготовления философского камня.

Прежде, нежели наш камень сделается, то живёт уже он; если же его найдёшь, то умрёт. Всякий, смотря на него, зажимает нос от его смраду. Он садится по сторонам сосуда, в котором долго находился, и каждый зажимает ещё и тут нос от его состава или вонючего воздуха. Как бедные, так и богатые, младые и старые имеют его. Незнающие искали его в грязи, но не обрели. Доколе ты живёшь, до того времени и он с тобою неразлучен бывает. Его находят везде в изобилии, даже и звери имеют его в себе, но не в таком совершенстве. Без него ничто на свете не живёт. Я тебе довольно говорил, дабы уразуметь. Если же ты не понимаешь, то сие есть знак, что всемогущий бог не хочет тебе сего дара открыть.

Если же ты сей камень знаешь, то возьми его так, каков он есть. Когда ты его сгустишь, то выпари из него две стихии, воздух и огонь, третья же часть, то есть земля, сожжённая наподобие чёрного угля, лежит на дне сосуда и в ней-то находится камень древних премудрых философов».

Из той же книги был сделан в XVIII веке русский перевод другого рецепта:

«Сё рецепт, найденный в сундуке, замазанном в стене. Был продан за великие деньги, изведан самим делом на опыте и от искусных в алхимии одобрен, что и по делу оказывается. Того ради остерегайтесь открывать толикой важности секрет жадным и надменным людям, такоже и тем, кои не суть дети философии. Итак, начнём.

Возьми столько золота, сколько тебе угодно, сделай амальгаму из одной части ртути, куда положи и золото и дай ртути выкуриться на малом жару, потом ревербируй его (грей в отражательной печи) 20 суток, изотри мелко. После этого налей хорошего дистиллированного и ректифицированного уксуса на 4 пальца сверх материи, замажь горлышко и поставь в тёплую золу на двое суток, по прошествии коих уксус получит от золота красный цвет. Потом ревербируй опять по-прежнему девять суток, уменьшая число дней ревербирования и сливая завсегда крашеный уксус вместе, и сие продолжай делать до тех пор, пока всё твоё золото распустится и останется на дне один серый порошок, который ни к чему не годится…»

Потом ещё надо без конца «сольвировать»,

«ректифицировать», «ревербировать», растирать, прибавлять то спирту, то ртути и, наконец, «растопивши одну часть сего порошка, брось на четыре части меркурия, то превратится в хорошее золото и серебро. Итак, по сему и поступайте. Аминь».

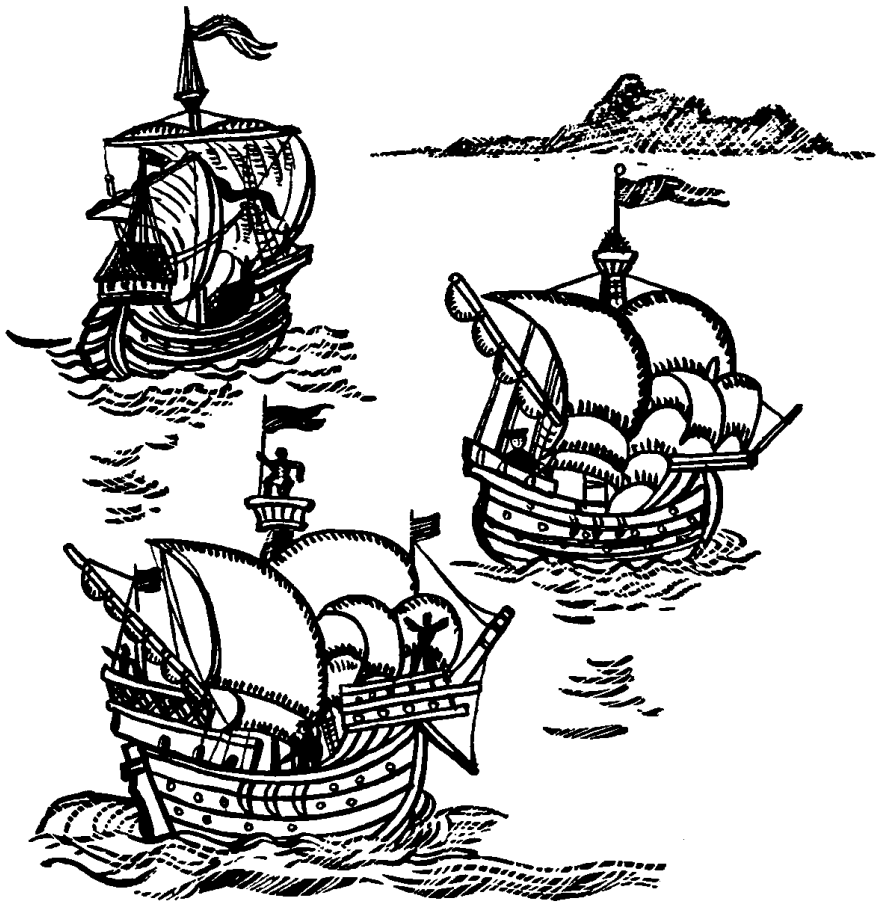
Непонятно, для чего всё это надо было проделывать, чтобы получить снова то золото, которое было взято в начале опыта?

В наши дни, благодаря бурному развитию химии и физики, возможно искусственное разложение радиоактивных атомов разных элементов и превращение одного металла в другой. Древняя мечта алхимиков о превращении металлов в золото полностью осуществилась. Золото можно получить искусственным путём, превращая разложением атомов один металл в другой. Ртуть и свинец наиболее подходящи для получения золота, так как их атомные веса наиболее близки к атомному весу золота.

Но это превращение требует сложных установок и очень дорогих приборов. Поэтому полученное таким путём золото будет стоить во много раз дороже природного.

Итак, алхимия не оправдала надежд, возлагаемых на неё в средние века. Ни жизненного эликсира, ни золота алхимики не получили. И не они обогатили Европу золотом, а вновь открытые и завоёванные в XVI веке страны.

Открытие Нового Света



Открытие Америки — новая страница в истории золота. В Западной Европе к началу XVI века настолько развилась торговля, что потребность в деньгах, как во всеобщем средстве обмена, резко возросла. Всеобщая страсть к обогащению, неутолимая жажда золота охватила в Европе и дворян, и горожан, и купцов, и земледельцев, и духовенство, и королей.

Самым заманчивым средством обогащения была торговля с Востоком и Азией, которые снабжали Европу предметами роскоши, пряностями, драгоценными тканями. Воображение европейских искателей наживы поражали рассказы путешественников о сказочных богатствах далёких стран. Индия, Китай, Япония считались странами, богатыми золотом и драгоценными камнями. Особенно разгорелся жадный интерес к Востоку после того, как стали известны записки венецианского

купца Марко Поло, побывавшего в XIII веке в Китае и в других восточных странах. О Японии Марко Поло писал: «Золота, скажу вам, у них великое обилие. Чрезвычайно много его тут, и не вывозят его отсюда… Опишу вам теперь диковинный дворец государя здешнего народа. Сказать по правде, дворец здесь большой и крыт чистым золотом пальца в два в толщину; и всё во дворце — и залы и окна — покрыто золотыми украшениями… Жемчуга тут обилие, он розовый и очень красив, круглый, крупный…»

После распада Монгольской державы прекратилась торговля караванным путём между Европой, Китаем и Индией. В южных морях торговлей завладели арабские, индийские и китайские купцы. А торговым путём через Красное море завладели египетские султаны.

Европе необходимо было найти новые морские пути для торговли с Востоком. Португальцы в XV веке искали новых путей, плавая вдоль западного побережья Африки. Они захватили крепость Сеуту в Северной Африке и оказались в стране, которая издавна вела торговлю с южными африканскими странами и получала оттуда золото, слоновую кость, пряности и рабов.

Золото было главной причиной, которая заставляла португальцев завоёвывать Африку. Уже в 1433 году они появились в устьях Сенегала, и вскоре в Португалию пришёл из Африки первый караван судов с золотом и рабами.

Золотой песок, слоновая кость, перец, разные пряности и рабы скоро стали притягивать спекулянтов, мечтавших о богатстве.

Жажда наживы всё усиливалась, и образовались торговые компании, получившие привилегию на исключительную торговлю с золотоносными берегами Африки; и уже ни одному частному человеку, ни одному португальскому мореплавателю здесь нельзя было появляться. Гвинейский залив был закрыт для всех.

За это торговые компании платили правительству много золота.

Слава о богатствах Африки быстро распространилась по Европе, и с португальцами стали соперничать испанцы.

Так возникла в Европе в XV веке потребность в поисках новых морских путей из Европы в Азию, Индию, Африку.

Жажда золота овладела всей Западной Европой. «Золото искали португальцы на африканском берегу, в Индии, на всём Дальнем Востоке; золото было тем магическим словом, которое гнало испанцев через Атлантический океан в Америку; золото — вот чего первым делом требовал белый, как только он ступал на вновь открытый берег», — писал Энгельс.

В 1492 году в далёкое плаванье через Атлантический океан отправились из испанского порта Палое три каравеллы Христофора Колумба — с целью открыть западный путь в Индию и Восточную Азию. Всего Колумб совершил четыре экспедиции в Америку. Золота он нашёл мало, но зато привозил пойманных индейцев, которых в Испании продавали как рабов.

Колумб оказался не только искателем новых земель, но и человеком, стремящимся к обогащению. Во время своих путешествий он вёл путевой дневник и записал в нём: «Я делаю всё возможное, чтобы попасть туда, где мне удастся найти золото и пряности…» С Ямайки он писал (1503 г.): «Золото — удивительная вещь. Золото создаёт сокровища, и тот, кто владеет им, — тот господин всего, чего он захочет. Золото может даже вводить человеческие души в рай».

Но золота и пряностей на открытых им Вест-Индских островах почти совсем не было и, как говорят письма современников и документы Колумба, его корабли привозили в Испанию только рабов.

Принять участие во второй экспедиции Колумба было много охотников, потому что всех привлекали сказочно богатые страны. Колумб писал: «Они отправились с верой в то, что золото, о котором говорилось, и пряности можно будет загребать лопатами… прямо на побережье». Но никаких богатств приезжие на Эспаньоле (Гаити) не нашли. Возмущённые обманом, они захотели вернуться обратно в Испанию, захватив корабли Колумба. Но Колумб вовремя объявил, что золото находится в стране Сибао, в глубине острова, и снарядил туда отряд. Вскоре отряд вернулся ни с чем. Тогда Колумб сообщил, что индейцы подтвердили: в стране Сибао действительно имеется много золота. И показал испанцам своё донесение королевской чете в Испанию о том, что обнаружил богатейшую страну, где реки катят золото в огромном количестве. После этого один из участников экспедиции, Кунео, записал: «Несмотря на ужасающую погоду, плохую пищу и ещё худшее питьё, в селении царило ликование. Всё это сделала жадность к золоту».

Дальше Кунео пишет, что, переждав сезон дождей, испанцы обшарили всю страну: «Много раз мы обшарили указанные реки, но ни единого зёрнышка не нашли». Тогда Колумб, продолжая обманывать колонистов, объявил, что золотоносная область лежит совсем в другой стороне от страны Сибао.

Когда собирались отправить из Испании третью флотилию к открытым островам, чтобы пополнить население колонии, желающих отправиться туда не нашлось. Тогда Колумб стал устраивать специально рекламные прогулки. Он водил по улицам

Севильи и других городов Испании индейца, увешанного золотыми украшениями: ожерельями, браслетами, кольцами и обручами. Золото украшений должно было действовать на воображение испанцев и разжигать их жадность. Но и это не помогло. И через полгода Колумбу пришлось завербовать на свои корабли преступников, заключив для них выгодные условия.

После смерти Колумба другие завоеватели в поисках золота и рабов продолжали расширять колониальные владения Испании в Америке.

В 1504 году испанский авантюрист Эрнандо Кортес появился на Эспаньоле, открытой Колумбом. Но он не хотел быть плантатором, хотя получил участок земли и рабов-индейцев. Его, как и других авантюристов, влекло только золото.

Кортес организовал небольшой отряд с лошадьми и тринадцатью пушками и отправился с ним с острова Кубы на материк, во внутренние области Мексики. Высадившись на Мексиканском побережье, испанцы впервые встретились с индейцами, которые приняли их приветливо и одарили фруктами, рыбой и золотыми вещицами. На вопросы Кортеса они через переводчика ответили, что внутри их страны, которой правит Монтесума, много золота.

Кортес повёл свой отряд к столице государства ацтеков к городу Теночтитлан (современный Мехико). Вражда индейских племён с ацтеками облегчила поход испанцев. На территории ацтекского государства испанцев встретил правитель местности с богатыми подарками.

Кроме громадного количества самых разнообразных съестных припасов, к ногам Кортеса были положены тюки тончайших материй, плащи, искусно сотканные из птичьих перьев, и большой резной ларец с золотыми изделиями. У испанцев разгорелись глаза от жадности. А индейцы с изумлением смотрели на солдатские шлемы, которые напоминали им шлем их бога Кецалькоатля. Один из таких шлемов они попросили послать своему императору Монтесуме, говоря, что он будет ему рад.

Кортес согласился послать шлем вождю ацтеков, но только с условием, что тот вернёт его наполненным до краёв золотом.

По прошествии нескольких дней ацтекское посольство снова посетило лагерь испанцев. Посольство возглавляли два ацтекских вельможи в сопровождении правителя местности. За ними сто рабов несли многочисленные подарки.

Войдя в палатку Кортеса, послы приветствовали его, а рабы разложили подарки Монтесумы. Здесь были щиты, шлемы, кирасы с набитыми на них украшениями и бляхами из чистого золота, золотые ожерелья и браслеты, сандалии, опахала, султаны

и нашлемники из разноцветных перьев, перевитые золотыми и серебряными шнурами и осыпанные драгоценными камнями и жемчугом; изображения птиц и зверей, изваянные и отлитые из золота и серебра; занавесы, покрывала и одежды из бумажной пряжи, тонкой, как шёлк, самых ярких цветов и затканных узорами из перьев, которые по красоте и нежности красок и узоров соперничали с тончайшей живописью. В числе вещей был также посланный Монтесуме солдатский шлем. Его возвратили наполненным до краёв золотым песком. Но больше всего возбудили удивление испанцев два диска величиной с каретное колесо — один из чистого золота, другой из серебра. Золотой диск изображал солнце, окружённое фигурами зверей и растений, вероятно означавших времена года и месяцы. Серебряный диск изображал луну с отходящими от неё лучами.

Заметив жадность испанцев к золоту, индейцы спросили Кортеса, почему испанцы так любят этот жёлтый металл. И Кортес с хитростью ответил:

«Мы, испанцы, страдаем сердечным недугом, который излечивает лишь золото!»

Когда испанцы вошли в Теночтитлан, они были поражены размерами и богатством этого города. Вероломно захватив в плен правителя ацтеков Монтесуму, Кортес от его имени стал управлять страной и потребовал от подвластных ему индейских вождей верности испанскому королю и уплаты ему дани золотом. Во дворце, где был размещён испанский отряд, они обнаружили потайное помещение с богатым кладом — личной казной Монтесумы. Здесь было так много золотых вещей и драгоценных камней, что у испанцев разгорелись глаза. Все золотые вещи они перелили в слитки и разделили между собой поровну. Половина же всех драгоценностей была отдана Кортесу и испанскому королю.

В результате завоевания Мексики государство ацтеков стало испанской колонией, и дальнейшее развитие своеобразной мексиканской культуры прекратилось. Так испанское стремление к золоту оборвало развитие самостоятельной цивилизации.

Сокровища инков

После завоевания Мексики испанские конквистадоры направились в горные районы Южной Америки, богатые золотом и серебром. В 1530 году неграмотный человек Франсиско Писарро, бывший в молодости в Испании простым свинопасом, предпринял завоевание «золотого царства» — государства инков в Перу. О богатстве инков Писарро слышал от местных жителей на Панамском перешейке.

Накануне испанского вторжения империя инков достигла колоссальных размеров, и вся она была связана добротно построенными дорогами и покрыта густой сетью пешеходных тропинок, тщательно вымощенных камнем и проходимых при любой погоде. Именно эти пути сообщения, о каких тогдашней Европе даже и не снилось, облегчили Писарро его безумную авантюру. Его отряд состоял только из ста десяти пеших солдат и шестидесяти семи всадников. Эта горсточка людей, ослеплённых

жаждой золота, вторглась в неведомые горы, чтобы захватить огромную империю, и они прошли через неё, нигде не встретив сопротивления. Но Писарро не скрывал от своих авантюристов, что открытый бой против многих тысяч инков означает гибель. Только хитростью и изменой можно покорить их империю и завладеть их сокровищами.

Когда испанцы, совершив тяжёлый переход через Анды, достигли Кахамалки, где стоял лагерем великий правитель империи инка Атауальпа, им разрешили расположиться в домах на площади города. В голове Писарро созрел отчаянный план устроить для инки засаду и захватить его в плен на виду у всей его армии. Положение испанцев было затруднительным. Им везде угрожала опасность. Лучше было смело броситься ей навстречу, чем отступать там.

Атауальпа обещал сам приехать на следующий день и приказать испанцам, что им делать. И когда Атауальпа, утопающий в золоте и роскоши, окружённый жрецами, советниками и военачальниками, вышел навстречу испанцам, чтобы торжественно встретиться с ними для переговоров, испанцы, по сигналу монаха Вальверде, выскочили из засады и начали отчаянную резню, перебили всех, сопровождающих инку, взяли в плен ошеломлённого Атауальпу. Всё войско, для которого инка был богом и царём, в панике разбежалось. На поле постыдного побоища осталось три тысячи окровавленных трупов, Писарро же не потерял ни одного человека, и никто не был ранен, потому что в торжественной процессии инки не — было вооружённых людей.

Атауальпа вскоре понял, что главной страстью испанцев была жажда золота, и он решил воспользоваться ею, чтобы купить свободу. Он предложил за себя такой выкуп, что завоевателей охватил скорее ужас, чем восторг. Инка заверил испанцев, что за свою свободу он наполнит чистым золотом комнату, в которой они находятся, а длина комнаты была в семь, а ширина в шесть метров. Высота же сложенного золота будет такой, куда достанет вытянутая рука взрослого человека. Даже в самых невероятных снах испанским захватчикам не снилось, что их добыча может оказаться такой богатой. Они согласились, и Писарро заставил своего секретаря записать условия договора.

Тогда Атауальпа отправил гонцов в столицу государства Куско и в другие города с приказанием собрать золотые украшения и сосуды из дворцов, храмов и других зданий и немедленно перенести их в Кахамалку. Но как только всё золото было принесено, испанцы снова обманули Атауальпу. Писарро приговорил его к сожжению как язычника. А когда инка дошёл в

своих уступках до того, что принял христианство, Писарро смягчил наказание и приказал его задушить.

С той поры страна потонула в крови и задыхалась от ужаса. Во имя христианского бога и короля испанского, с одним только стремлением к обогащению испанские конквистадоры покорили всю страну огнём и мечом, оружием и распятием, силой и предательством. Их совесть застилало только одно страшное слово — «золото». Миролюбивый народ, приветствуя их, протянул им руки. Но испанцы отрубили эти руки и содрали с них золото.

Золото и серебро в империи инков считались священными металлами, это были дары бога Солнца и бога Луны. И их употребляли только для украшения храмов, дворцов и мумий умерших инков. Но никогда эти металлы не представляли собой меновой ценности.

Когда испанские завоеватели пришли в сердце великой страны, в город Куско, они были потрясены его богатством. Прежде всего они разграбили храм Солнца, высшее достижение инкской архитектуры. Случайные записи испанских монахов, которые сопровождали воинов Писарро, повествуют о каменном храме с позолоченными стенами и крышей, покрытой золотыми плитами. Испанцам было достаточно того, что храм был языческим, и они, с благословения своих священников, разграбили его и все пять часовен, которые выходили в его просторный двор.

Первая из часовен посвящалась богу Солнца. Её потолок и стены были выложены толстыми плитами золота. Переднюю стену святыни покрывал огромный диск из чистого золота — символ высшего божества и правителей империи. Соседняя часовня посвящалась Луне. Её убранство было из серебра. Затем была часовня, посвящённая звёздам, часовня, посвящённая молнии, и последняя, посвящённая радуге. В этих часовнях к убранству из золота и серебра были добавлены драгоценные камни разных цветов.

От всего храма и часовен остались только массивные каменные стены. Кроме храмов, которых в Куско было много, испанцы разграбили также все дворцы и захоронения инков. Они срывали драгоценные камни и богатые золотые уборы с мумий. Пытками они добивались от жителей указаний, где скрыты богатые клады. И не было места, где бы не рылись алчные захватчики. В одной пещере вблизи города испанцы нашли множество сосудов из чистого золота, на которых были изображены змеи, саранча и другие животные. Были также найдены четыре ламы из литого золота, десять золотых женских статуй, золотые сандалии и женские туфли из золота, уборы,

составленные из золотых бляшек.

А рядом с храмом Солнца в Куско над рекой Гуатаной был расположен террасами, спускающимися к реке, замечательный металлический сад. В этом саду всё было сделано из разных металлов, преимущественно из золота и серебра. Всё было так удивительно тонко, что чудеса сада могли бы воспроизвести только самые искусные ювелиры. Каждый уступ сада был украшен золотом. Каждая его терраса блистала яркой листвой, плодами и фантастическими цветами. Бабочки с длинными золотыми усиками сидели на цветах, причудливые птицы качались на ветках тропических деревьев. Гибкие змеи и ящерицы ползали в густой серебряной траве, а на листьях сидели улитки и гусеницы. Тут же были и маисовые плантации, сделанные из чистого золота.

Всё это было такой тонкой работы и вместе с тем так крепко, что самый сильный ветер не мог сломить ни единого стебелька в этом волшебном саду. При ветре там раздавался только тихий металлический звон. И этот волшебный сад, простоявший над рекой целые столетия, безжалостно был разграблен и уничтожен испанцами в несколько дней. Во время резни при пленении Атауальпы Писарро захватил в плен девятилетнего мальчика перуанца, велел его окрестить и отослать в Испанию, где из него сделали переводчика для работы в завоёванной стране. Прошло восемь лет, и семнадцатилетний переводчик Мигуэль был отправлен обратно в Перу. Королю испанскому нужно было ещё очень много золота для его войн в Европе, и на Мигуэля возлагали большие надежды. Юноша казался преданным королю католиком и мог выведать у своих соотечественников о скрытом ими золоте.

Правителем перуанского города Квито в то время был брат Франциско Писарро — Гонзалес Писарро. Это был алчный человек, мечтавший разбогатеть, чтобы освободиться от подчинения. Когда в руках много золота, можно купить и славу и власть.

Однажды он слышал от перуанцев, что в глубине джунглей скрыта «золотая страна Паитити», и он решил непременно её разыскать для себя, не заботясь об Испании. Обманным путём он заманил к себе Мигуэля, только сошедшего с корабля, и на другой же день с целым отрядом воинов и туземцев-носильщиков отправился в путь.

Гонзалес Писарро несколько месяцев упорно подготовлял людей к экспедиции, выбирая самых верных и преданных. Отряд состоял из 200 всадников, священника, переводчика, 200 оруженосцев-индейцев и нескольких погонщиков скота, которые гнали скот в качестве провианта.

Когда отряд поднялся высоко в горы, люди начали мёрзнуть от резкого холодного ветра. Дорога делалась всё труднее по мёрзлой земле. Воины завернулись в одеяла, и многие из них сорвали плащи с перуанцев-носильщиков, чтобы закутаться в них потеплее. Потом начался голод. Скот весь перебили, запасы пришли к концу; стали резать собак, потом лошадей. Индейцам — оруженосцам и носильщикам — перестали давать мясо, и они питались только кореньями в лесу. Когда спустились с гор, людей окружили непроходимые джунгли с душным, сырым и жарким воздухом. Дорогу приходилось прорубать топорами. Один за другим умирали от голода индейцы. Среди испанцев началась лихорадка, и все больные в бреду произносили чаще всего одно только слово: «Золото! Золото!»

Мигуэль видел страдания индейцев. Ведь это был его народ! И он захотел ему помочь. Но как? Он знал, что велико могущество испанского короля. Ещё в Испании ему с детства внушали, что весь мир белых людей во власти испанской короны!.. Что делать?.. Мигуэль усиленно думал и решил посоветоваться со старым индейцем, уже совсем ослабевшим от голода.

— Я ваш! — сказал ему Мигуэль. — Я только принуждён служить белым и ношу их платье, но я верен своему народу и хочу ему помочь!

— Если ты наш, то должен быть хитрее белых! — ответил старик. — Их слабость в жажде золота, и это будет причиной их смерти! Запомни… — И старик передал Мигуэлю пёструю верёвку с узлами, которую снял с пояса. — Это знак инков, все обитатели лесов тебе подчинятся, когда ты его покажешь! Будь мудр, как змей!

Мигуэль почтительно склонился перед стариком и прислушивался к шёпоту других индейцев: «Лес велик. Мы слабы и голодны. Ты силён и молод. Делай то, что говорит умирающий человек».

Вскоре старик действительно умер.

В дремучих и враждебных джунглях голодные испанцы теряли мужество. Мигуэль внимательно прислушивался к их разговорам: ведь он должен быть умным и хитрым, как змей.

Наконец путники наткнулись в джунглях на несколько индейских хижин. Испанцы окружили их и подожгли. Индейцы сражались мужественно, но испанцам удалось захватить в плен их вождя — старого кацика. Нижняя губа кацика была для красоты проткнута золотой пластинкой. Когда его подвели к Писарро, тот грубо вырвал пластинку, разорвав индейцу рот. Потом стал допрашивать:

— Где находится золотая страна Паитити?

Кацик молчал. Тогда его подвергли пытке огнём.

Уже ступни ног обуглились, когда индеец задрожал и открыл рот, чтобы что-то сказать. Но Мигуэль быстро нагнулся к нему, показал знак инков и прошептал:

— Друг мой, не говори ничего! Пусть они встретят смерть в нашем лесу!

Кацик понял и кивнул головой. Вскоре он умер, не издав ни звука.

Маиса и истощённых свиней, заколотых в индейской деревне, испанцам хватило ненадолго. Опять начался голод, и они медленно подвигались вперёд, а вокруг в лесу звучали индейские барабаны, передавая племенам страшную весть о приходе в лес бледнолицых врагов, которые ищут золотую страну Паитити.

Через несколько дней путь испанцам преградила широкая река. На другом берегу раскинулись хижины большого индейского селения. Писарро приказал отряду приготовить оружие, расположиться на ночлег и хорошенько отдохнуть, потому что на другой день предстояло сражение. Но Мигуэль не лёг спать. Он переплыл ночью на стволе срубленного дерева на другой берег реки, где его встретили вооружённые индейцы. Мигуэль объяснил, что он раб белых людей и пришёл предупредить своих братьев об опасности. Его привели в хижину вождя, где собрались старейшины племени. Но напрасно Мигуэль призывал их к борьбе с испанцами, говоря, что порох отсырел и испанцы не смогут стрелять из своего изрыгающего огонь смертоносного оружия, что они ослабели от голода и лихорадки, что их осталось мало и индейцам будет легко их перебить. Вождь, поговорив со старейшинами, возразил:

— Ты ещё молод! Мудрость — удел старых! Мы пошлём бледнолицым плоды, коренья, маис и мясо, а сами покинем деревню и переждём в лесу, пока они не уйдут!

— Но они не одни! На место этих придут ещё и другие из страны за большой водой! — сердито убеждал Мигуэль.

— Моё решенье твёрдо, его поддержали мудрейшие! — возразил вождь, показывая на окружавших его стариков, и тут же приказал нагрузить продуктами большое каноэ и сам поехал в нём навстречу своей гибели.

Пока испанцы пировали, вождь обещал Писарро вывести испанцев на дорогу к золотой стране.

Три дня шли испанцы дремучим лесом. Захваченные в деревне индейцы тащили за ними провиант и оружие. Впереди со связанными руками шёл вождь племени. И все три дня в лесу снова звучали барабаны, передавая весть о продвижении

бледнолицых.

На четвёртые сутки Мигуэлю удалось организовать побег индейцев-носильщиков. Испанцы медленно продвигались вперёд, всё чаще и длительнее устраивали привалы. Их мучил голод, и многие умирали от истощения и лихорадки. Писарро в гневе кричал на связанного вождя:

— Покажешь ли ты, наконец, страну Паитити?

— Я веду тебя в золотую страну! — спокойно отвечал индеец и продолжал вести испанский отряд всё глубже в джунгли.

В конце концов в приступе злобы Писарро убил вождя. В тот же день исчез переводчик Мигуэль.

От отряда, выступившего из Квито, осталось всего человек тридцать. В полном отчаянье от неудачи похода Писарро отдал приказ возвращаться обратно. Неожиданно ночью их окружили индейцы, и началось сражение. При вспышке от выстрела Писарро узнал среди врагов в смуглом юноше в набедренной повязке и с пером в волосах своего переводчика Мигуэля.

Когда в живых остался только Писарро с тремя воинами, Мигуэль приказал их разоружить и сказал:

— Теперь вы вернётесь назад и расскажете всем белым, что кто бы из них ни пришёл в нашу страну, живым отсюда не уйдёт!

Весь долгий путь обратно до Квито индейцы следили за возвращением испанцев. А в Квито Писарро до конца дней своих рассказывал о неудавшейся экспедиции за золотом, о коварстве Мигуэля и жестокости индейцев. Мигуэль остался со своим народом. Он обучал индейцев военному искусству, испанскому языку и старался объединить разрозненные племена для предстоящей борьбы с испанцами. И будто бы он приказал сплавить в слитки всё золото, которое ещё оставалось у перуанцев, и отнести на самую неприступную вершину гор. Там из слитков была выплавлена огромная золотая глыба, которая, как скала, будто бы стоит до сих пор на вершине, окутанная облаками. И только потомки инков — немногие посвящённые — поднимаются на гору, чтобы проверить, стоит ли там дар бога Солнца, ради обладания которым бледнолицые проливают кровь и не жалеют жизни.

Богатства горы

Через несколько лет после открытия Америки европейцы нашли там новые сокровища. В Мексике, в одном из горных ущелий, где бушевали только ветры, а впоследствии был построен город Сакатекас, испанцы открыли залежи серебра. И почти одновременно в Гуагахуате, среди крутых ущелий и огромных порфировых скал, было найдено небывало богатое месторождение серебряной руды. В реках в изобилии вымывался золотой песок и самородки золота, а в Южной Америке испанцы приступили к работам у Серебряной горы.

Один инка, сын принцессы из рода инков и испанского завоевателя, рассказал испанцам древнюю легенду о том, как одиннадцатый правитель империи инков однажды послал

подданных овладеть богатствами Серебряной горы. Но едва рудокопы коснулись горы, как из её глубины раздался голос:

— Не трогайте сокровищ! Бог бережёт их для того, кто придёт позже!

С тех пор гору назвали «Потоси», что означает «голос», и никто из инков не рисковал больше посягать на её сокровища.

Узнав эту легенду, испанцы, подгоняемые видением несметных богатств, отправились через горы в далёкий путь. Но, добравшись, после многих трудов и лишений, до Серебряной горы, они никакого серебра там не нашли. Испанцы уже готовились пойти обратно, когда к ним подошёл пастух-индеец и показал на своей ладони несколько блестящих кусочков серебра — этого священного металла древней Инкской империи. Пастух рассказал, что как раз накануне, в морозную ночь (а это было 14 апреля 1545 года), одна из его овец забрела на склоны таинственной горы и он долго не мог её найти. Чтобы окончательно не замёрзнуть, пастух набрал сухих ветвей и поджёг куст. Около огня он и провёл остаток ночи. А утром увидал у корней сгоревшего куста чистое серебро, которое, видимо, выплавилось огнём из руды.

Испанцы тотчас же занялись выплавкой серебра; и уже через полтора года на этом месте работало четырнадцать тысяч индейцев, а у подножия горы стояло около трёх тысяч домов. Так родился новый город Потоси. Город, окутанный призрачной дымкой богатства и славы. Город, которому поклонялись, как языческому божеству! Город стяжательства, произвола и бесчеловечного гнёта, тысячу раз проклятый город! Он возник среди горных пустынь, на высоте более четырёх тысяч метров над уровнем моря, возник мгновенно и достиг своего величайшего расцвета в начале XVII столетия, когда одно название «Потоси» гипнотизировало весь мир. Парижу, Лондону, Севилье, Риму оставалось лишь бледнеть от зависти перед блеском молодого Потоси и уступать ему во всём первенство: и в богатстве, и в безудержном мотовстве его жителей.

Город неудержимо рос, привлекая к себе людей со всего света, рос, быстро поднимаясь к славе на перетруженных спинах изнурённых индейцев.

Испанцы отняли у инков не только Серебряную гору, но и способ выплавки серебра. И гора сверкала и чадила по ночам тысячами костров, а днём была окутана тучей дыма. Рабы перемешивали руду с углём и поджигали эту смесь в больших чанах, поставленных на ветру. Если ветер был достаточно сильный и раздувал огонь, то руда с богатым содержанием серебра и при таком примитивном способе добычи давала много

драгоценного металла. А когда ветра не было, источник серебра иссякал. Только позднее немцы научили извлекать серебро из руды с помощью ртути, методом амальгамации, когда ртуть растворяла в себе серебро, впитывая его из руды. Потоси утопал в роскоши и великолепии. Но одна беда всегда преследовала город: не хватало рабочих рук. Владельцы рудников устраивали облавы на индейцев, истребляли население целых областей. Но массы рабов таяли в руках испанцев, как весенний снег. Они умирали тысячами, отравляясь в рудниках ртутными парами. На подземные работы в недрах горы заключали индейцев сроком на пять лет. На протяжении долгих бесконечных пяти лет они почти не видели солнца, которому поклонялись с древних пор, как величайшему божеству, как творцу жизни.

Жилища рабов, лазареты и кладбище — всё было под землёй. Из каждой тысячи закованных в кандалы людей, которых загоняли в серебряные рудники, в первый же год погибало восемьсот. Несколько калек, переживших ужасы пятилетнего рабства под землёй, умирали вскоре после освобождения.

Жизнь человека ни во что не ставилась. Самым возвышенным и желанным было золото и серебро. Ведь это деньги, слава и власть! А этого жаждали владельцы рудников, и к ним тянулись руки испанских королей.

И вот поток серебра, вырвавшийся из горы Потоси, покатился далеко за море, дошёл до Испании и вместе с американским золотом затопил её богатством и могуществом. А из Испании драгоценные металлы потекли дальше по всей Европе. Эта волна сокровищ изменила облик мира. И только за лавину серебра в Потоси было заплачено жизнью восьми миллионов рабов-индейцев.

Уже в XVII столетии стали истощаться запасы серебра в Потоси, а спустя 200 лет поток серебра стал неумолимо слабеть, становясь с каждым годом всё меньше и меньше, и вскоре Серебряная гора иссякла совсем. В XX веке там были открыты залежи олова и свинца, и тогда Потоси снова воскрес, но былой славы уже не приобрёл. В стальных доспехах и с каменными сердцами первые переселенцы из Европы, а затем иезуитские изуверы, прикрываясь христианским крестом и благословением «святого» папы римского, завершили убийствами и огнём окончательное разграбление богатой страны инков.

Открытие Америки положило начало чудовищному порабощению и истреблению народов, населявших эту страну. Их грабили самым беззастенчивым образом. Вероломства, обман и убийства стали основными приёмами завоевателей, жаждавших только золота!

В результате завоеваний возникли европейские колонии в Новом Свете, куда легко было сбывать европейские товары, и сокровища, притекавшие в Европу, превращались в капитал. В середине XVI столетия в Америке добывали золота и серебра в пять раз больше, чем в Европе до открытия Нового Света, и общее количество звонкой монеты выросло за XVI столетие больше чем в четыре раза. Такой большой наплыв золота и серебра в Европу привёл к тому, что цены на все товары повысились, потому что деньги стали дешевле. От этого пострадали все, кто работал за заработную плату, потому что она оставалась такой же, а продукты подорожали. Зато купечество разбогатело. Таким образом, эта «революция цен» способствовала развитию капитализма в Западной Европе.

Центр торговли переместился из Средиземного моря в Атлантический океан, страны Южной Европы, прежде всего итальянские города, пришли в упадок, и появились новые центры мировой торговли: Лиссабон в Португалии, Севилья в Испании, Антверпен в Нидерландах.

Морские разбойники

После завоевания Мексики и Перу начался непрерывный поток золота, серебра и драгоценностей из Нового Света в Испанию. Через Юкатанский пролив проходило два пути, по которым ежегодно следовали большие испанские флотилии, гружённые неисчислимыми богатствами.

По одному пути везли сокровища инков и всё богатство Андов: золото из Маракаиба и Перу, серебро из Потоси, жемчуг и изумруды из Гвиакилы и Маргариты. Из Гвиакилы их везли морем до Панамы, потом через перешеек караванным путём в Порто-Бело или морем в Картахену, где выжидали благоприятной погоды и военных кораблей для охраны, чтобы отправить драгоценный груз через Юкатанский пролив и затем, мимо

Флориды, в Испанию.

Картахена!.. Знаменитый своим богатством город. Говорили, что его крепостные стены были украшены драгоценными камнями и покрыты золотом. Они были так «высоки и блестящи, что должны быть видны из Мадрида!» — утверждал испанский король, ослеплённый богатством Нового Света.

С севера и запада на Веракрус сухим путём и затем через Юкатанский пролив шёл второй путь, по которому вывозились драгоценности из храмов, дворцов и рудников Мексики. Эти корабли приставали у мыса Святого Антония, затем заходили в Гавану и шли дальше в Испанию.

Это были целые караваны судов, гружённых золотом, серебром и драгоценными камнями. Двадцать или больше галионов с крестом святого Якова — покровителя Испании — на парусах. Дюжина сильных военных каравелл для охраны с бронзовыми пушками и высокой кормой, на которой теснились вооружённые аркебузьеры. Быстрые шлюпки — паташи — сновали разведчиками взад и вперёд, чтобы предупредить эскадру о приближении пиратов. И, наконец, галеры на парусах и на вёслах, на которых работали скованные цепями рабы.

И в трюмах всех этих кораблей лежали невиданные дотоле богатства! Три биллиона долларов только золотом и серебром и ещё бесчисленные драгоценности: рубины и изумруды, сапфиры и жемчуг! Сокровище, которое трудно себе представить и которое перевозилось из Нового Света в Старый в продолжение трёх столетий морского владычества Испании!

Неудивительно, что это громадное богатство, заключённое в трюмах неуклюжих, медленно двигающихся кораблей, возбуждало алчность людей всего света. Английские, французские и голландские любители приключений, испанцы и португальцы, все одинаково жадные до наживы, кишели у берегов Карибского моря, подстерегая испанские богатства.

Поэтому испанский флот с сокровищами двигался всегда с большой осторожностью. Только на один морской переход от Веракрус до Гаваны он тратил от шести до восьми недель, настолько в море было много пиратов. Самыми упорными среди них были англичане. Когда в 1568 году был послан из Испании в Мексику новый вице-король и его корабль подошёл к гавани Веракрус, гавань оказалась занятой английским флотом под командой пирата Джона Хаукинса и его племянника Френсиса Дрейка. Задачей Хаукинса был не только морской разбой в испанских водах, но и продажа рабов-негров, вывезенных из Африки.

Нуждаясь в пресной воде и в починке кораблей, потрёпанных

бурей, пират смело вошёл в гавань Веракрус. Новому испанскому вице-королю не улыбалась возможность оставаться в открытом море, пока пираты не соизволят уйти из гавани, тем более, что наступало время ураганов. И он заверил пиратов, что даст им уйти, если его корабль пустят в гавань. Но когда он благополучно высадился на берег, он тотчас же приказал открыть огонь по англичанам. Англичане на трёх судах, бывших в их распоряжении, защищались до темноты, а ночью ушли из гавани мелководным проливом, по которому ещё не плавал ни один испанец.

Корабли пиратов были так перегружены награбленными сокровищами, что рисковали сесть на мель. Тогда Хаукинс, чтобы облегчить их, оставил без сожаления близ Пануко около двухсот человек своей команды. Все эти люди были схвачены и перебиты испанцами.

После этого Френсис Дрейк стал мстить. И целых 30 лет, до своей смерти, Дрейк был самым дерзким из пиратов, сражавшимся с испанцами и совершавшим набеги не только в Карибском море.

В 1579 году английские пираты под предводительством Френсиса Дрейка вошли в гавань Кальяо на побережье Тихого океана, разграбили девять кораблей и, захватив богатую добычу, ушли в океан. Оказывается, пять кораблей Дрейка прошли Магеллановым проливом из Атлантического океана в Тихий, хотя Магелланов пролив с середины XVI века считался непроходимым.

В Тихом океане флотилию Дрейка встретил сильный шторм. Один из участников плавания писал: «Не успели мы войти в это море, иными называемое Тихим, а для нас оказавшееся Бешеным, как началась такая неистовая буря, какой мы ещё не испытывали. Мы не видели солнечного света, а ночью — луны и звёзд, и эти потёмки длились 52 дня, пока была буря. Невдалеке по временам виднелись горы, и они вызывали ужас, потому что ветер гнал нас к ним на верную гибель; потом они скрылись из глаз… Мы потеряли наших товарищей».

Из пяти кораблей остался только один, которым командовал Дрейк. Он двинулся на север, грабя по дороге испанские порты: Вальпараисо, Кальяо, Акапулько. Его добыча была огромна, и королева английская Елизавета получила невиданные богатства. В Англии корабль Дрейка «Золотая лань» выгрузил на пристань много сундуков с золотом и серебром. Мендоса — испанский посол в Лондоне — доносил своему королю Филиппу II в Испанию: «В них было двадцать тонелад (около 15 тонн) драгоценных металлов, и это — не считая большого количества жемчуга, а многие жемчужины цены необычайной». Елизавета

самолично явилась на пристань в Гренуче (Гринвич), чтобы поглядеть на корабль Дракеса (Дрейка), и тот устроил банкет, какого Англия не видела со времён короля Генриха VIII. И за пиршественным столом королева опоясала Дрейка золотой шпагой, за что посвящённый в рыцари пират преподнёс ей серебряный ларец и бриллиантовое ожерелье.

Морские пираты не только захватывали, грабили и топили корабли, но нападали на прибрежные города, разоряли население и заставляли платить большой выкуп.

XVII век считался золотым веком пиратов. Карибское море кишело кораблями разноплемённых морских разбойников. Атаманы пиратских шаек втайне поощрялись европейскими королями, получавшими от них часть добычи. Большой славой среди английских пиратов, кроме Хаукинса и адмирала Дрейка, пользовался ещё сэр Генри Морган, которого потом английский король назначил губернатором Ямайки.

Самым смелым из пиратских набегов считался захват порта Веракрус голландскими пиратами Ван-Хорном и Де-Гаффом в 1683 году. В Веракрус, в ожидании испанского флота, скопились громадные ценности; все склады были переполнены слитками серебра, золота, мешками с золотым песком и драгоценностями. Однажды на закате солнца в виду города появились два корабля под испанскими флагами. Они подавали сигналы бедствия и извещали, что за ними гонится пиратский флот. Портовые чиновники поторопились зажечь маяки, чтобы скорее впустить их в гавань. Корабли же принадлежали голландскому пирату Ван-Хорну. И в то время как Ван-Хорн подходил к Веракрус, его сообщник Де-Гафф высадился со своей шайкой на берегу, несколькими милями выше.

Когда наступила ночь, пираты Де-Гаффа напали на Веракрус с суши, а пираты Ван-Хорна — с кораблей в гавани. Всех жителей города заперли в церквах, стражу и гарнизон перебили, серебро и золото погрузили на свои корабли. Испанский губернатор спрятался в конюшне под сеном. И он, и жители города провели три дня без пищи и без воды. На четвёртый день жителей города, умиравших от голода и обезумевших от жажды, пираты заставили переносить собственное имущество на корабли. И только когда весь город был разграблен и на горизонте показались паруса испанского флота, пираты ушли, увезя с собой все сокровища и негров для продажи в рабство.

Главным местом стоянки и лагерем крупных пиратских шаек был остров Пинос, около Кубы. Пираты избрали его из-за выгодного положения, из-за ключевой воды и, главным образом, из-за обитавших на острове больших стад дикого скота, который

служил им пищей.

В продолжение больше чем трёх столетий — с 1520 по 1830 год — здесь жили морские разбойники. Они строили корабли и крепости, убивали команды кораблей, похищали рабов и женщин и зарывали в земле добычу. Это было целое разбойничье государство, жившее общим хозяйством, имевшее свои строгие законы. Члены этого сообщества называли себя «береговыми братьями» или «джентльменами удачи». Они выбирали главного вождя, который жил в посёлке Санта-Фе в центре острова и оттуда управлял действиями отдельных шаек, получая с них определённую часть добычи.

Под управлением этого вождя пираты строили каменные крепости и содержали целую армию для их защиты. Строили корабли, чтобы атаковать укреплённый порт на Кубе или на материке и чтобы одержать верную победу над сильным конвоем флота, перевозившего сокровища.

Добыча, накопленная пиратами в течение столетий в их лагерях и городах, была огромна. Часть её тратилась на жизнь и на кутежи в Порт-Рояле на острове Тортуге, где долгое время была одна из главных баз пиратских шаек. Но значительно большая часть добычи оставалась схороненной. Кувшины, сундуки и ящики с деньгами и драгоценностями зарывались в землю, в малодоступных местах. Место зарытого клада обыкновенно замечалось по легко узнаваемым деревьям или родникам. Сокровище закапывалось на столько-то шагов от дерева или ручья по компасу или, гораздо чаще, в направлении захода или восхода солнца. Бронзовые гвозди вбивались в стволы или корни деревьев, прокладывались цепи или клались пушечные ядра над местом зарытого клада и прикрывались землёй для маскировки.

Более грамотные пираты иногда писали грамоты и чертили карты, подписанные целой группой участников. Эти грамоты скреплялись страшными клятвами, навлекавшими наказание при малейшем нарушении тайны или посещении данного места отдельными членами шайки.

Имеется, например, испанская рукопись, дошедшая до наших дней от шайки пиратов: «1673 год. На побережье Аннунциаты есть остров, называемый “Сундук Мертвеца”. Он имеет форму, показанную на плане (тут же карта острова, на которой нарисованы два перекрещенных кинжала, крест и написано слово “здесь”). Иди на север к дереву в шести шагах от взморья. В нём вбит гвоздь на высоте одного ярда. От дерева иди сорок три шага в ту же сторону, и ты найдёшь другое дерево, в котором два гвоздя. Один вбит в корень у основания, другой — на пол-ярда

выше. Повернись лицом к восходу солнца и, щупая почву палкой, ты найдёшь земляной вал. Тут копай с пол-ярда глубины, и ты найдёшь кувшин с шестью тысячами онз (испанская монета) золотом, сундук с золотыми брусьями, шкатулку с драгоценностями, на которых выгравированы инициалы принцессы из Кастель-Бела и которые ценнее всего золота. Там же восемь рукояток от мечей, усыпанных бриллиантами, одно распятие, три пары тяжёлых золотых подсвечников, также 23 кремнёвых мушкета и пистолей. Если кто-нибудь из нас тронет этот клад, пусть разделит его поровну между теми, чьи имена подписаны здесь, а если они умерли, пусть их долю отдадут семьям…» Дальше стоят подписи и метки шестнадцати пиратов.

Имеется несколько подобных грамот, дошедших до наших дней. Они случайно сохранились или в частных семьях, или в сокровищницах монастырей и церквей, или у священнослужителей, к которым они попадали после смерти раскаявшегося пирата.

Современные пираты

Богачи наших дней, движимые жаждой наживы, выискивают и собирают старинные пиратские карты и грамоты, написанные на разных языках. Они скупают их в монастырях, церквах и у потомков морских разбойников, у бедняков, которым пиратские грамоты, доставшиеся от предков, не кажутся ценными документами. Их владельцы рады хоть сколько-нибудь получить за эти старые бумаги. Богачи же покупают грамоты не как любители старины, а с тайной целью найти забытые клады, найти золото.

Древние записи пиратов повествуют о деревьях, бронзовых гвоздях и цепях, ведущих к кладу, о сундуках, зарытых в землю

или погружённых на дно реки.

Что могли предпринять с этими грамотами бедные семьи потомков пиратов или монахи? Ведь с того времени, как были составлены карты, прошло несколько столетий. Деревья могли погибнуть, гвозди затеряться и цепи, перержавев, отвалиться. Почва опускалась и смывалась водой, и сокровище, когда-то погребённое в сухой земле, могло оказаться на морском дне. Подводные рифы и вероломные течения часто несут гибель отважным мореплавателям. Бури и штормы налетают неожиданно. Ураганы бывают такой силы, что топят большие корабли, сдувают дома и вырывают с корнем деревья. Но страшнее крушений — жадность людей, появляющаяся при поисках золота. Жадность, которая часто ведёт к преступлениям.

Сравнительно не так давно, приблизительно за год до второй мировой войны, один богатый американец, владевший несколькими пиратскими грамотами, снарядил небольшую экспедицию на поиски кладов. Он ничем не рисковал, ему не с кем было сражаться за овладение сокровищем, он ехал на собственной яхте, соперников не было, и в грамоте было точно указано место клада. Казалось, всё предвещало удачу!

Яхта вышла в море. Прошло благополучно несколько дней, погода была ясная, море спокойное. Яхта направлялась к острову Пинос.

И вдруг, совершенно случайно, владелец яхты услыхал на палубе разговор двух матросов. Они собирались убить хозяина яхты ударом ножа в спину, тело выбросить за борт, яхту затопить и уйти на шлюпке с похищенным сокровищем к одному из островов Кеймен. Но современный искатель кладов был человеком более трусливым и осторожным, чем пираты прежних времён. Он понял, с кем имеет дело, и не захотел рисковать жизнью. Поэтому он не повёл яхту на место, указанное в пиратской грамоте, сделал вид, что ищет клад, дал убедиться команде, что клада не нашёл, и повернул яхту обратно, не дойдя до острова Пинос. А из грамоты он знал, что у берега этого острова на точно указанном месте затонул корабль, в кузове которого лежало 14 тонн испанского золота. На следующий год этот американец снова снарядил экспедицию, но на этот раз он взял на борт быстроходного катера только преданных ему людей и отправился к мысу святого Антония, рядом с которым находится остров Пинос.

Катер быстро подошёл к Кубе. Юго-западная часть этой страны с моря казалась необитаемой и непригодной для жизни. Нигде не было поселений, и только густые дикие леса покрывали горы. Но по мере приближения к мысу Святого Антония страна

меняла свой вид. Известковые скалы громоздились до самого берега, и в них зияли тёмные углубления и входы пещер, а вершины скал были покрыты зарослями колючего кустарника. Мыс Святого Антония, как и близлежащий остров Пинос, был когда-то пристанищем пиратов, и его немногие обитатели казались их законными преемниками: ободранные, угрюмые, они внушали приезжим американцам мало доверия.

Тем не менее искатели кладов высадились на берег, и отовсюду за каждым их шагом следили подозрительные люди, явно собираясь расправиться с непрошеными пришельцами. У американцев была пиратская грамота, указывающая, что в одной из пещер лежит клад. Но в нежеланных гостей полетели камни и над их головами неожиданно засвистели пули. Одна пуля ударилась в скалу над головой обладателя грамоты, и это заставило его уехать, пробыв на суше всего несколько часов. Не стоило рисковать! Ведь у янки было ещё несколько грамот с указанием на клады в других местах.

Когда судно отчалило, американцы ясно увидали у подножия одного из утёсов сплошную стену наваленных камней, незаметно сцементированных между собой. Это была искусственно сложенная груда каменных глыб, которая закрывала вход в большую пещеру со стороны моря, незаметную и недоступную сверху. И как раз в этой пещере, как было указано в грамоте, лежала половина сокровищ, взятых испанцами из собора Мериды в Юкатане.

Из пиратской хроники известно, что испанцы вывозили церковные ценности на трёх кораблях из Мериды в Гавану. У мыса Святого Антония на них напали пираты и быстро взяли испанские корабли на абордаж. Но пока они сражались с испанцами на палубах, трём испанским монахам удалось спустить шлюпку и перетащить в неё часть сокровищ. В пылу битвы пираты не заметили «святых отцов», которые быстро уходили на шлюпке к берегу. Монахи спрятали все ценности в пещере и завалили вход в неё землёй и камнями. С тех пор прошло триста лет. Всё место заросло густой чащей кустарника. И как американцы ни старались найти пещеру, они её не нашли. Только после долгих и упорных исследований им удалось обнаружить остатки разбитых кувшинов и железных ящиков. Видимо, недалеко от этого места в одной из пещер до сих пор лежат нетронутые богатства: множество золотых монет, золотая корона и платье, усыпанное драгоценностями со статуи божьей матери из Юкатана.

Весь тот край полон пещер, некоторые из которых огромны. Многие пещеры уже исследованы, и в них найдено несколько

кладов. В одной обнаружен каменный идол и обломки глиняной посуды, по-видимому, ещё доколумбовой эпохи. Самая же главная пещера, прозванная пиратами «Куэва де Диос» (пещера богов) до сих пор не найдена. По дошедшим записям известно, что в этой пещере скрыты 12 статуй апостолов в человеческий рост, вылитых из серебра, и статуя богоматери, вылитая из чистого золота.

Также сохранились сведения о трёх ненайденных кладах в 30 милях западнее пещер, к которым американец и направил в конце концов своё судно. В точно указанном месте лежал сундук, зарытый на берегу и привязанный бронзовой цепью к гигантскому дереву. Но сундук и цепь оказались погружёнными в море. Когда люди стали тащить сундук из воды, цепь оборвалась и сундук ещё глубже ушёл в илистое дно. Не было никакой возможности извлечь его без особых приспособлений, которых американцы не захватили с собой, и поэтому искатели кладов остались ни с чем. Впоследствии американец — обладатель пиратской карты — возвращался к этому месту ещё раз, но приметы, сделанные им, исчезли, и он совсем не смог найти сундук. Так, вероятно, он и будет вечно лежать под слоем ила и песка недалеко от берега.

Кайо-Авалос

В течение веков островок Кайо-Авалос был также пристанищем пиратов. Это была первая земля на прямом пути от Ямайки и Панамского перешейка до Кубы и Гаваны. Много кладов зарыто на этом островке, и много сокровищ уже здесь найдено.

Один американец, по фамилии Броун, жил на этом островке в течение долгих лет. У него была подлинная карта, составленная пиратами, и он решил не уезжать с острова, пока не найдёт клад. Так сильна была в нём жажда золота. Броун выстроил себе домик, добывал пищу охотой, пил чистую родниковую воду и даже засадил небольшое кукурузное поле. Жил он совершенно одиноко.

Разыскивая на острове описанные приметы, Броун вскоре убедился, что многие из них исчезли. Так, например, он не нашёл двух больших деревьев, которые должны были расти на месте зарытого клада. По-видимому, оба дерева были сломаны ураганом и потом успели истлеть. Зато Броун легко нашёл самую первую примету. Это были две пушки. Они лежали близко от берега и во время отлива не были покрыты водой. Эти пушки соприкасались дулами и представляли собой нечто вроде наконечника стрелы, показывающей внутрь острова на плоский утёс. На этом утёсе были высечены цифры и лицо, смотрящее по направлению лагуны, как раз позади домика Броуна. Предполагая, что клад находится на дне лагуны, Броун пытался её осушить. Над этим он работал несколько лет, но ничего не добился и умер в одиночестве на острове в 1925 году. А три года спустя его домик снесло ураганом.

Перед второй мировой войной американец Стефенс решил обследовать этот остров и отправился на своём паровом катере. По рассказам лоцмана Стефенс узнал, что отец лоцмана был местным обитателем и не раз сидел с Броуном на загадочных пушках.

Они видели, что отверстия в пушках замазаны цементом, но не обращали на это никакого внимания. Через десять лет после смерти Броуна остров посетили какие-то искатели кладов. Были ли у них пиратские грамоты или нет, об этом так никто и не узнал, но, во всяком случае, они проломали цемент в пушках и нашли, что они обе доверху наполнены монетами и драгоценностями.

Оказалось, что в пиратской хронике написано про известного морского разбойника Лафита, часто бывавшего на этих островах, что он почти всегда набивал добычей пушки, замазывал их цементом и погружал у берега в мелкую воду. Если бы Броун читал исторические хроники и знал о любимой привычке Лафита, он бы наверное нашёл этот клад.

Несколько лет назад другой американец, Уиккер, также скупавший пиратские грамоты, снарядил небольшую экспедицию для поисков кладов.

Экспедиция вышла в море из Флориды на небольшом быстроходном катере. Уиккер сразу направил своё судно к подводному рифу в пяти милях от острова Пинос, где погибало немало кораблей с драгоценными грузами.

Неожиданно, как это бывает в Карибском море, поднялся сильный ветер. Взбудораженное море катило громадные волны, и судно Уиккера не могло с ними бороться.

Только на шестой день выдалось четыре часа спокойной

погоды. Судно Уиккера прошло узким каналом между подводными камнями за линию рифа и бросило якорь. С лихорадочной поспешностью все схватились за водяные бинокли и не могли больше оторвать от них глаз. Там было на что посмотреть! На морском дне среди разросшихся кораллов лежал старый железный сундук. Он был открыт с одной стороны, и в нём и вокруг него была разбросана груда золотых, бронзовых, серебряных колец, браслетов, треугольников и брусьев. Всё это было погребено в течение веков в коралловом рифе. Рядом с сундуком торчал угол ещё одного свинцового ящика, тоже заросшего кораллом.

Лоцман спешно надел водолазный костюм.

Когда водолаз прошёл по дну к открытому сундуку, ему спустили на верёвке лом и ведро. Оставшиеся на судне наблюдали через водяные бинокли, как он ломал коралл, освобождая из него браслеты и кольца. Потом водолаз повернулся к закрытому свинцовому ящику. Сдвинуть его с места он не мог: ящик со всех сторон плотно зарос кораллом. Тогда он проломал ломом одну из его сторон и стал выгребать содержимое.

Какое нервное возбуждение испытывали оставшиеся наверху, когда водолаз стал посылать им снизу ведро за ведром, полные золотых, серебряных, бронзовых браслетов, колец и брусков.

Когда почти все сокровища были на корабле, водолаз отколол большой кусок коралла с вросшими в него браслетами. Этот кусок и другие малоценные образцы находятся в настоящее время в музеях США. Всем остальным завладел Уиккер, наградив за труды лоцмана и механика.

Специалисты определили, что браслеты и кольца были обменной африканской монетой. Такие деньги употреблялись в течение многих десятилетий и до сих пор встречаются в Африке, начиная от Эфиопии и кончая Большим Бассамом.

Но для чего же надо было везти деньги и украшения в Карибское море к острову Пинос из далёкой Африки? После произведённых исследований оказалось, что известный работорговец Хуан Гомец когда-то жил на острове Пинос. Он посылал каждый год в Африку девять или десять кораблей за невольниками неграми. Его корабли везли туда порох, ружья, бусы и бумажные ткани. Там эти вещи обменивались на невольников, которых тысячами покупали у арабских работорговцев. Торговля людьми в те времена была очень выгодной. Колонисты в Америке покупали рабов для своих плантаций, и работорговцы наживали большие деньги.

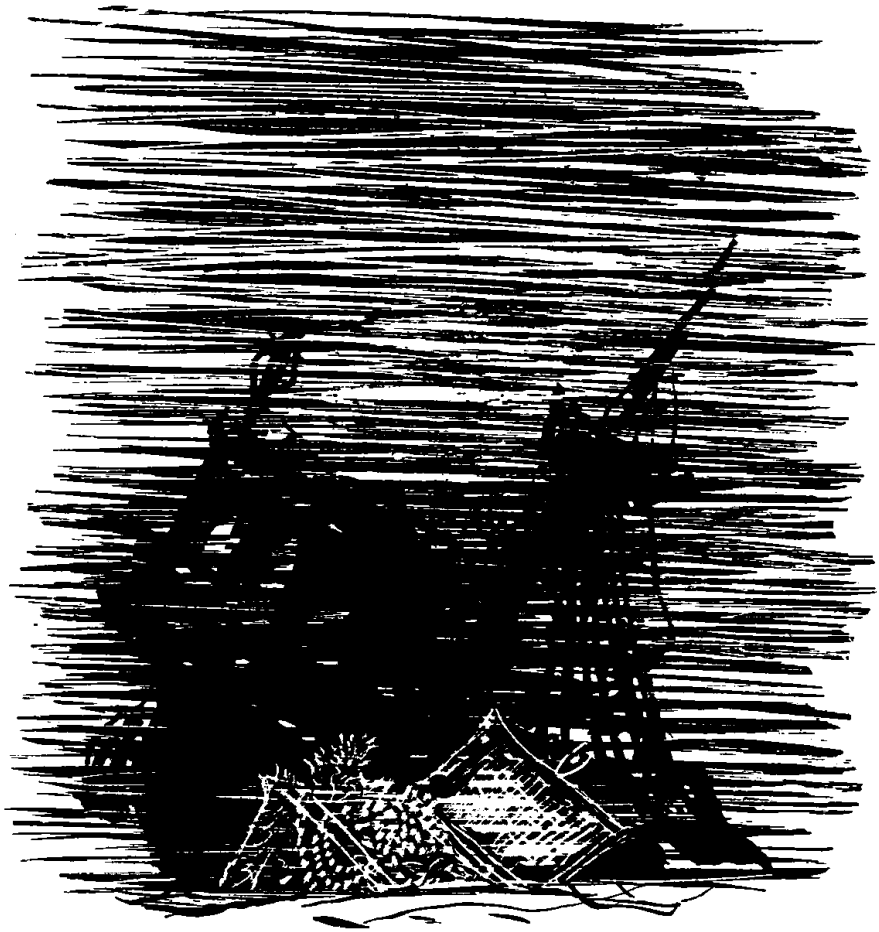
Иногда Гомец нуждался в ещё более дешёвом товаре. Тогда он по своему обыкновению располагался в африканском селении,

пользуясь гостеприимством простодушных негров. Он задаривал их безделушками, тканями и деньгами в виде браслетов и колец, потом приглашал всё селение пировать на свои корабли. Доверчивых негров угощали вином и, когда они пьянели до потери сознания, их связывали и в беспомощном состоянии увозили с собой для продажи в рабство. Таким образом и очутились браслеты, брусья и кольца на корабле, шедшем из Африки к невольничьему рынку на острове Пинос. Но по дороге, почти у самой цели, корабль наскочил на подводный риф.

Кто знает, сколько ещё произошло крушений и не лежат ли здесь остатки испанских галионов, принадлежащих к знаменитому флоту сокровищ? На этот вопрос может ответить только новая экспедиция. Но пока никто из американцев не тратит своих средств и не рискует жизнью только ради научного интереса. А сколько можно было бы почерпнуть полезных сведений об исчезнувшей древней культуре ацтеков, майя, инков, если бы были найдены их произведения искусства, произведения народного творчества, расхищенного испанцами и разграбленного пиратами!

Весьма вероятно, что в настоящее время жадные до золота искатели кладов уже нашли сокровища, помеченные на приобретённых ими пиратских картах. Быстроходные катера и современная техника, а также осторожность и расчётливость современных пиратов — это два преимущества, которыми не обладали морские разбойники. И, к сожалению, ценности, доставшиеся испанцам в результате жестокого порабощения древних индейских племён, ценности, пролежавшие столетия в земле и на дне моря, теперь попадают в жадные руки частных владельцев и служат только предметом их обогащения, хотя являются народным достоянием и должны принадлежать исконному населению Перу и Мексики.

Золото на морском дне



Есть и ещё клады золота на дне океанов и морей. И местоположение их известно, их ищут хорошо оснащённые экспедиции и всё же не могут найти.

Например, когда началась борьба Англии с Испанией за колонии в Америке (вторая половина XVI века), король испанский снарядил громадный флот — Непобедимую армаду — с тремя тысячами орудий и двадцатью тысячами солдат, чтобы высадить их в устье Темзы у Лондона. В составе Непобедимой армады был и казначейский корабль, нагружённый золотыми деньгами для оплаты моряков и солдат. Во время бури ему удалось укрыться в заливе Тобермори у шотландского берега. Знатный шотландец Маклин узнал, что на корабле много золота, и решил им завладеть. В результате испанский корабль со всеми людьми и с

золотом взлетел в воздух и золото потонуло. С тех пор за три с половиной столетия было предпринято много попыток его найти. Последняя попытка была сделана в 1956 году, но золота так и не нашли.

В 1702 году Испания ожидала нового транспорта с золотом из Америки. Но на галионы с золотом у берегов Испании напал английский флот. Чтобы золото не попало в руки врага, адмирал приказал сжечь корабли с золотом, и драгоценный груз отправился на морское дно. С тех пор было сделано тринадцать попыток найти и поднять золото. Последняя, в 1955 году, также не увенчалась успехом, как и все предыдущие.

Во время войны 1854–1856 годов в Крыму у Балаклавской бухты затонул во время бури винтовой корабль «Чёрный принц», гружённый золотом для оплаты английских солдат и моряков. Несмотря на многочисленные попытки найти золото, оно до сих пор лежит на дне бухты.

Всем известно, что во время второй мировой войны 1941–1945 годов гитлеровцы в оккупированных странах занимались грабежом ценностей в огромных, ещё невиданных дотоле масштабах. И вот с тех пор «охотники за сокровищами» пытаются разыскать похищенные фашистами исторические ценности и произведения искусства.

Гитлеровский фельдмаршал Роммель, прозванный «лисицей пустыни», воевал в Северной Африке, много награбил там добра, но судьба его сокровищ неизвестна. После окончания войны их поисками занялся сын фельдмаршала Манфред Роммель, которого очень интересовали драгоценности, вывезенные его отцом из Африки. По одним сведениям нагружённую ими подводную лодку союзники затопили у берегов Испании близ порта Аликанте, а по другим — лодка затонула у острова Корсика.

В 1963 году Манфред Роммель начал свои поиски в Аликанте, где работал целый отряд специалистов по подводным работам, которые прощупывали морское дно в надежде найти, главным образом, много золота.

Сын Роммеля, затратив огромные средства, снарядил и вторую экспедицию, которая ищет лодку Роммеля в корсиканском заливе Бонифаче. Но навряд ли можно найти лодку, которая затонула более двадцати лет тому назад. Ведь золото, попавшее на морское дно, благодаря своей большой тяжести, быстро погружается всё глубже в песок, заносится илом, обрастает кораллами..

Надо полагать, что если все эти золотые клады и лежат на морском дне, то затраты на их поиски, видимо, давно превысили

стоимость кладов. Испанский знаменитый «флот сокровищ» за три столетия вывез из Америки в Европу тонны драгоценных металлов. Но, кроме пиратов, золото у испанцев отнимало и море. И хотя поиски затонувших кораблей из «флота сокровищ» продолжаются уже почти четыре столетия, золота найдено ничтожное количество. Однако мысль, что золото пропадает на дне морей, до сих пор не даёт покоя многим хищникам и стяжателям.

«Здесь земля родит только золото!»

Неутолимая жажда золота создавала много фантастических рассказов о «золотых странах» и «золотых островах».

Легенда о золотом острове жила среди народов много веков. На его поиски снаряжались экспедиции. Искали этот остров с золотыми скалами и берегами во всех океанах: в Атлантическом, в Индийском и в Тихом. С экспедицией 1643 года, которая ничего

не нашла, прекращаются поиски «золотого острова», и больше не находилось охотников его искать.

К этому времени в Европе уже многие привыкли к мысли, что можно обогатиться без труда и без затрат, стоит только пересечь океан и поехать в страну, где золото уже найдено и где его можно загребать лопатами.

Такой страной с конца XVII века была Гвиана в Южной Америке.

Первыми европейцами в Гвиане были также испанцы. Огнём и мечом пробивали они путь в глубь материка. Их толкала вперёд сквозь непроходимые девственные леса и выжженные солнцем пустыни безудержная страсть к наживе.

Памятником этого стремления к золоту, к фантастическим богатствам навсегда останется легенда о золотом царстве Эльдорадо — стране сказочных чудес.

Говорили, будто бы замок властителя этой страны, блистающий золотом, рубинами и изумрудами, высится где-то в сердце страны на неведомом острове и отражается, как в зеркале, в хрустальных водах озера. Путь к этому озеру так и не был открыт, и испанцам-колонистам волей-неволей пришлось обратиться к менее заманчивым, но зато более верным способам поддержания своего благосостояния.

За испанцами и португальцами хлынули в Южную Америку англичане, французы, голландцы. Английская Гвиана — единственная местность Южной Америки, колонизованная англичанами, для которых тропический климат оказался неподходящим, и вскоре эмиграция англичан, так же как голландцев и французов в Голландскую и Французскую Гвиану, прекратилась.

Французская Гвиана — наиболее неблагоприятный уголок земли для обитания европейцев. Жаркое тропическое солнце вызывает тяжёлые испарения болот, занимающих громадные пространства на всём побережье Венесуэлы и Гвианы. Особенно обширны ядовитые низины во Французской Гвиане. Только узкая полоса относительно пригодной для обработки земли, расположенная между болотами и уходящими на юг безграничными пустынями саванны, может поддерживать жизнь колониста — и то при напряжённой, непосильной работе.

Как же колонизовалась эта непривлекательная страна? Кто мог решиться почти на верную смерть, переселяясь в неё? Однако с конца XVIII века корабли из Франции неоднократно приставали к её берегам и высаживали сотни французов, шаги которых сопровождались мерным и тихим звоном кандалов. Буржуазная Франция, не имея возможности справиться со своими врагами

при помощи гильотины, ссылала их сюда в цепкие объятия смерти, как тогда говорили, — на «сухую», бескровную гильотину. Ссылка в Гвиану началась после революции 1789 года. Тогда в город Кайенну было сослано около 500 роялистов, участников контрреволюционного заговора. И с тех пор сюда потянулась длинная цепь политических «преступников». Особенно содействовали колонизации края Наполеон III и победители Парижской Коммуны 1871 года, ссылая политических врагов в Гвиану.

Но сюда попадали насильно не только осуждённые французы, но и целые легионы негров, которые были вырваны из недр Африки и перевезены в Венесуэлу, в Гвиану и другие южноамериканские страны, чтобы заменить собой индейцев, которых не удалось поработить и обратить в даровых рабов на плантациях. После освобождения негров от рабства, в конце XVIII столетия, их заменили китайские, индийские и яванские кули, которые лучше, чем европейские рабочие, выносили невозможные условия труда на плантациях тропической страны.

В палящий зной они выходят на тяжёлую работу. Пот градом катится с жёлтых и коричневых лиц китайцев и индийцев. Долгий трудовой день кончается ночлегом в жалкой хижине, в сыром и душном воздухе тропической ночи. Стоны больных товарищей не дают заснуть; тоска по родине, безотрадное настоящее и никакой надежды в будущем — вот удел этих обманутых тружеников, которым при вербовке сулили золотые горы. Немногие выдерживают тяжёлые условия жизни. Лишь очень небольшой процент вывезенных сюда трудящихся возвращается в отечество. Остальные умирают в далёкой чужой стране, раздавленные условиями безжалостного и непонятного им капитализма.

Кроме возделывания плантаций сахарного тростника, кофе, какао и роз для выделки розового масла на экспорт, выращиваются здесь ещё кукуруза, маниок и овощи для питания местного населения. Лесные богатства не используются, а из металлов добывается одно золото.

Плантации занимают лишь узкую полосу земли вдоль побережья, а дальше вглубь, в болотах и джунглях, ищут только золото. Землёй наполняют деревянные желоба, поставленные в ручьи. Проточная вода выносит красный ил, белый каолин (глину) и кварцевую пыль… Затем вода оставляет на дне жёлоба чёрный песок, испещрённый жёлтыми точками — золотом. Песок уносится, а золото вылавливается ртутью, которой покрывают дно жёлоба. Ртуть соединяется с золотом в амальгаму — белый металл. Остаётся выпарить на огне амальгаму и получить хрупкую золотую лепёшку, которая, несмотря на отсутствие

чеканки, в ходу у всех торговцев Гвианы.

Гвианская земля непосредственно, без хозяев и кассиров, оплачивает всех, кто имеет право и охоту её промывать. Гвианская земля считалась всегда преддверием легендарной страны Эльдорадо, где «золотой король» будто бы принимал ванны из жидкого золота.

Именно сюда, во Французскую Гвиану, кардинал Ришелье и министр Кольбер послали двенадцать сеньоров для добывания металла, из которого чеканились луидоры и королевская утварь. Позднее Людовик XV уступил волшебное побережье Гвианы двум предпринимателям, чтобы пополнить государственную сокровищницу, опустошённую прихотями фавориток.

Вскоре французские флаги полутораста каравелл развевались уже над жёлтыми волнами у берегов Гвианы. А четырнадцать тысяч французов, рискнувших пересечь океан, постепенно погибли от голода и ядовитых болотных испарений у самого порога Эльдорадо.

По берегам этого своеобразного края и на зелёных островах, его окаймляющих, французы воздвигли посёлки каторжан. Здесь, на перекрёстке всех наций, где бывшие невольники — африканские негры — смешиваются с гордыми американскими индейцами, а замкнутые в себе китайцы — с беглыми бретонскими матросами, построены мрачные тюрьмы, железные клетки для преступных колонистов.

В погоне за золотом люди прорубают дорогу в джунглях, попутно роя ямы и пробуя промывкой образчики земли. Если золота в земле много, например пятнадцать граммов в одном кубическом метре земли, почва считается выгодной для разработки. Но лес предъявляет на неё свои права. Несколько дней стучат топоры, наконец над головами показывается небо и гигантские деревья устилают землю. Затем нужна ещё целая неделя, чтобы расчистить вырубку, и двадцать человек непрерывно должны трудиться, чтобы на канатах оттащить сваленные деревья. И только после этого могут работать заступы, взрывая глину, каолин и чёрный ил.

На приисковых рабочих как будто надет особый мундир из грязи. Цвет его меняется в зависимости от размера ямы. На глубине в пятнадцать сантиметров всё тело вымазано красной глиной. На глубине в метр — костюм из белого каолина. Ещё ниже — чёрный цвет, который зависит от особого ила очень древнего происхождения, образованного вековым гниением листьев, чего-то вроде удобрения с невыносимым, тошнотворным запахом.

Под этими грязевыми костюмами на рабочих нет ничего,

кроме куска холстины, обёрнутого вокруг бёдер.

Человек в глубине ямы черпает жестянкой грязную воду. Другой, стоя на коленях в липкой нише, прорытой в боковой стене, перехватывает жестянку и подымает её над перилами. Третий, на самом верху, её опоражнивает. Подобные цепи с жестянками работают по всем четырём краям ямы. Работы, начавшиеся на рассвете, едва к полудню дадут возможность рабочим добраться до драгоценного ила. Над головами рабочих виднеется кусочек открытого неба, и солнечные лучи согревают затылки людей. Но за пределами топкой прогалины возвышаются стены зеленовато-бурого непроходимого леса.

Иногда на прогалине, вырубленной в лесу, земля золотоносна, но поблизости нет воды. Родник имеется только на расстоянии сотни метров. Тогда снова надо рубить деревья, вскапывать землю, устраивать плотину из переплетённых веток, пока ручей не заструится у самой ямы. За ночь место работы превращается в настоящий бассейн, и время от шести утра до полудня уходит на вычерпыванье воды жестянками. Главная работа начинается в полдень. Широкий, наклонно установленный жёлоб наполняется илом. Облепленные илом негры или индийцы напрягают мускулы, поднимают, сгибаясь под тяжестью, вонючую массу и швыряют её со стонами в жёлоб.

По временам руки рабочих слабеют, лопаты безнадёжно застревают в клейкой земле. Многие дрожат от лихорадки, несмотря на палящее солнце, которое жжёт кожу и воспаляет глаза.

Таким приходится бросать работу, выбираться из ямы, проглатывать лекарство, закутываться в одеяло и ложиться под лиственный навес. Они бессвязно бредят и двигают неуклюже руками, как будто осторожно пересыпая между пальцами какую-то мелкую пыль… Это золотой бред, бесконечный лихорадочный бред о золоте.

Оставшиеся в яме торопятся работать. Надо спешить, потому что тропическая ночь не ждёт, она спускается сразу и не даёт насладиться предвечерними сумерками. Люди работают молча. Не слышно ни слова, только комья земли падают со звуком пощёчины да где-то на недосягаемой вершине деревьев ревёт обезьяна, прощаясь с солнцем.

Прошло уже больше ста лет, как негры-рабы получили свободу, права гражданства, имена и фамилии. В XVII и XVIII веках плантаторы, вывезя их из Африки, превратили негров в рабов. Возврат на родину неграм был немыслим, и они бежали в леса, надеясь там, в их недрах, найти новую родину и свободу. Легенда рассказывает, что один из них поднялся по реке до

подножия горного хребта и вернулся оттуда с самородками золота, которые нёс в выдолбленных тыквах. Это послужило толчком для тех, которые ещё оставались в городах и на плантациях. И тогда все устремились по течениям рек, и всюду земля дарила им золото. Это было время захватов и конкуренции.

И теперь потомки освобождённых негров, смешавшись с индийцами, китайцами, яванцами, метисами и европейцами, продолжают промывать землю. За полчаса до захода солнца они все выстраиваются вдоль жёлоба, и старший среди них нагибается для осмотра.

Но на глаз невозможно определить выручку. На покрытых ртутью зазубринах жёлоба золотые крупинки соединились с ртутью.

Старший сливает драгоценную жидкость в чашку, которая наполняется до самого края. Царит гробовое молчание. Старший наполняет вторую чашку. Все охвачены нетерпением и азартом. Только ради этой минуты стоило работать в продолжение целого дня. Только ради этой минуты они будут копать и промывать на другой день, как это делали некогда их отцы.

Непосильный, каторжный, но всё-таки свободный труд!

Где бы здесь ни пристало судно, где бы сабля ни проделала тропинки в лесу, люди везде попирают ногами золотоносную почву и в эту драгоценную грязь вбивают сваи домов.

На большей части земного шара земля вспахивается, засеивается или засаживается. Здесь земля только промывается. В неё не вкладывают ни удобрений, ни семян, а наполняют ею деревянные желобы и промывают. Считается, что здесь земля родит только золото.

Обыкновенно в деревнях ночуют женщины, дети и старики. Все мужчины на приисках. Но когда они возвращаются в дни праздников с кошельками, наполненными золотыми лепёшками, спрессованными из золотого песка, начинается общее ликованье. Вечером оркестр приступает к исполнению танца. Громко бьёт барабан, неистовствует шарманка, флейта издаёт нежные звуки. Золотоискатели говорят на разных языках, — здесь представители всех рас, всех цветов кожи, всех наречий. Они танцуют, пьют ром, иногда дерутся, но все поют: «Мы промоем землю! Мы опять промоем землю!»

В Гвиане, кроме одиночек и частных артелей, добывают золото государственные монополии золотопромышленников. Но этот американский клад с золотом в Гвиане напоминает шкатулку скупого, зарытую в землю. Долгое время рабочие копошились в ямах, ОРУДУЯ над комками ила там, где должны были бы действовать землечерпательные и дробильные машины, поднимая

миллиарды кубов наносной земли и разбивая утёсы. Землечерпалки действительно привозили на прииски. Одна из них, стоившая восемьсот тысяч франков, затонула в реке Марони, куда её наугад спустил директор приисков. Он продолжал скупать золотой песок у местных креолов и этим отчитывался перед акционерами. Другая землечерпалка исчезла в речных волнах в Спэруине. Какой-то шотландский инженер извлёк её из ила, и она могла ещё работать. Но инженер внезапно умер, и машина погибла. Мёртвая машина покоилась и в реке Синнамари. На голландский прииск Пакира привезли локомобили и механические черпалки, но главный инженер опасно заболел и принуждён был уехать, и без него все механизмы были заброшены и погрузились в ил. И так по всей Гвиане ещё в 30-х годах нашего века люди копошились в грязных ямах, добывая золото доисторическими орудиями и способами, которые были известны ещё римским рабам.

Кто был в этом виноват? Конечно, не «золотой король» волшебной страны Эльдорадо, а какие-то короли-дельцы в Париже, Нью-Йорке, Лондоне, которым это было выгодно. В последние годы прииски монополий были механизированы. Известно, что в 1947 году из Французской Гвианы вывезено 254 килограмма золота, из Нидерландской — всего 187 килограммов, а из Английской — в 1948 году — 380,7 килограмма.

Как золото насмеялось над человеком

7 июля 1834 года в Нью-Йорке с американского парохода сошёл эмигрант из Парижа — Иоганн Август Зутер, швейцарец по происхождению. Это был человек тридцати одного года. Разорившийся полковник республиканской французской армии, он оставил в Париже семью и на последние гроши поехал в Америку искать счастья.

В течение двух лет в Нью-Йорке Зутер переменил несколько профессий: работал упаковщиком на складе, потом аптекарем, был зубным врачом-шарлатаном, содержателем кабачка и

наконец открыл небольшую гостиницу. Но всё это его не удовлетворяло. Он хотел разбогатеть, мечтал стать миллионером.

Продав гостиницу, Зутер переселился в Миссури, где хотел попробовать счастья в земледелии. Ему удалось дёшево купить ферму, и в Миссури он действительно сколотил небольшое состояние. Но жить спокойно и всю жизнь только возделывать землю было не в его характере.

В Миссури мимо его фермы непрерывным потоком проходили всевозможные люди, и все они направлялись на Запад: торговцы, охотники, солдаты, искатели приключений… Все тащились на заманчивый Запад, в неведомое, в ещё неизвестную страну Калифорнию, о которой рассказывали невероятные чудеса. Именно там будто бы находятся несметные богатства: там текут молочные и медовые реки, там плодороднейшие земли, которые не надо даже вспахивать, там пасутся тысячные стада и растут целые леса замечательных фруктовых деревьев.

В 1837 году Зутер продал свою ферму, купил волов, фургоны и подобрал в дорогу несколько спутников: двух офицеров, пять миссионеров и трёх женщин — жён миссионеров. Они пересекали бескрайние прерии, где паслись огромные стада бизонов и где можно было ехать неделями, не встретив ни одного человека. С невероятными трудностями перебирались через горные хребты навстречу Тихому океану.

До форта Ванкувер они ехали три месяца. От тяжких лишений в пути погибли женщины, офицеры покинули Зутера ещё до Ванкувера, а здесь расстались с ним и миссионеры. Зутер остался один. Не теряя энергии и мужества, он нашёл старый разбитый парусник и на нём достиг Сан-Франциско, представлявший в то время жалкий рыбацкий посёлок. На берегу гавани, которая теперь может вместить флоты целого мира, возвышалось только с полдюжины жалких хижин, обитатели которых были отрезаны от всего мира, потому что на восток, за горами, простиралась бесконечная ненаселенная страна, а на западе был совершенно пустынный океан.

На другой день Зутер верхом спустился в долину реки Сакраменто и убедился, что здесь вдоволь места не только для большой фермы, но даже для целого королевства. В Калифорнии в то время стояла русская крепость — форт Росс — и было лишь несколько ничтожных посёлков.

Зутер обратился к губернатору края, рассказал о возникшем у него плане основать здесь, за тысячу миль от всякой цивилизации, колонию, и сразу получил от него разрешение. Тогда, отправившись опять на парусник из Сан-Франциско на Сандвичевы острова, Зутер привёз оттуда сто пятьдесят

полинезийцев. Потом снарядил тридцать запряжённых волами фургонов с припасами, семенами и оружием, купил пятьдесят лошадей, несколько десятков мулов, коров и овец и завладел всей долиной. А в 1839 году русское правительство продало ему в рассрочку крепость форта Росс. Все здания торговой Русско-американской компании: мельницы, заводы, амбары, а также и скот — стали принадлежать Зутеру.

Он велел сжигать леса, чтобы засеять землю среди ещё дымящихся остатков деревьев. Его люди строили амбары, склады, жилые дома, потом вырыли колодцы, отгородили загоны для скота. Не прошло и года, как пустынную долину нельзя было узнать. Здесь кипела жизнь, и заброшенный когда-то уголок земли превратился в цветущий рай.

Стада скота быстро росли. Из соседних мест и покинутых миссий прибывало всё новое население. Правда, иногда приходилось отбивать набеги индейских племён и временами бывало трудно, но работа кипела без перерывов. Строили мельницы, прорывали каналы, открывали всё новые фактории, по рекам взад и вперёд стали сновать торговые суда. Кроме того, Зутер выращивал замечательные калифорнийские фрукты, разводил виноградники из лоз, выписанных из Франции и с берегов Рейна.

Полковник Зутер разбогател и наконец решил вызвать из Парижа свою семью, потому что здесь, в долине реки Сакраменто, он почувствовал себя полновластным королём, хозяином всего края и чуть ли не самым богатым человеком на земле.

Наступила зима 1848 года. На одной из ферм Зутера, за несколько километров от его дома, начали строить по его приказанию новую лесопилку. И вот в один из пасмурных январских дней неожиданно в кабинет Зутера ворвался взволнованный человек. Он крепко запер за собой дверь и, ни слова не говоря, высыпал из карманов на стол пригоршни песка.

— Что это значит? — сердито закричал Зутер. — Как вы смели без моего разрешения вернуться с лесопилки?!

Но Джемс Маршалл, плотник, которого он только накануне послал туда на работу, не отвечал. Его сотрясала мелкая дрожь, и губы были решительно сомкнуты на бледном лице. Тогда Зутер обратил внимание на песок, в котором блестели какие-то жёлтые крупинки. Зутер насторожился, потом взял стакан с водой, ссыпал в него песок, взболтал и слил мутную воду в умывальник. На дне стакана остались какие-то матово блестящие, тяжёлые жёлтые зёрна.

«Неужели золото?!» — мелькнуло в мыслях полковника, и у него даже закружилась голова.

Тем временем плотник пришёл в себя и рассказал, что накануне, когда он начал копать землю, он увидал эти странные кусочки металла и подумал, что это золото. Но другие рабочие подняли его на смех. Тогда он решил идти к хозяину и захватил с собой песок.

— Да, это золото! — перебил его Зутер. — Теперь уже поздно, но завтра с утра мы отправимся вместе на лесопилку и обследуем почву… Там могут быть неслыханные богатства!

Однако Маршалл не дождался утра и ночью под дождём ускакал на ферму, где строилась лесопилка. Он промок до костей, промёрз, его била лихорадка. Но это была золотая лихорадка, и ею он вскоре заразил весь мир.

Утром на ферму приехал Зутер. Он приказал запрудить прорытый канал, у которого строилась лесопилка, и стал исследовать песок. Достаточно было его промыть самым примитивным способом, как на дне таза осаждались тяжёлые зёрна и мелкие самородки золота. Тогда Зутер созвал всех рабочих и взял с них слово, что они никому не скажут о найденном сокровище, за что он, Зутер, даст им всем возможность разбогатеть. Рабочие с радостью согласились и поклялись сохранить тайну.

У полковника зароились в голове грандиозные планы. Ведь золото найдено на его земле, и в громадном количестве, и на самой поверхности. Теперь-то он, уж конечно, самый богатый человек в мире!

Но золото жестоко над ним насмеялось. Золото не только не обогатило Зутера, а, наоборот, разорило его и превратило в самого бедного, самого несчастного человека на свете!

Несмотря на обещание рабочих молчать о находке, уже через неделю одна женщина разболтала кому-то о золоте и показала несколько блестящих крупинок, которые ей подарил муж. И тут началось что-то неописуемое. Сразу, как по мановению волшебного жезла, кузнецы бежали из кузниц, виноградари, земледельцы, строители, бросив инструменты, а солдаты — оружие и захватив с собой только тазы для промывки, бросились, как одержимые, к лесопилке добывать золото.

В одну ночь обезлюдел весь край. Стали дохнуть недоеные коровы, гнить на корню посевы, остановились сыроварни, рушились сараи и амбары. А телеграф уже разносил весть по всему миру: найдено золото! Много золота! Найдена наконец обетованная золотая страна!

И эта манящая весть о золоте неслась через материки, моря и океаны… Люди срывались с мест, бросали семьи, службу. Матросы уходили с кораблей, солдаты бежали из армии, и все как

безумные потянулись пешком, верхом и в фургонах со всех сторон — с юга, с севера и с востока, из всех штатов — на запад, в долину реки Сакраменто, одержимые золотой лихорадкой. Через три-четыре недели здесь собралось уже свыше четырёх тысяч золотоискателей. А когда весть о золоте облетела весь мир, сотни кораблей стали прибывать из всех стран в Америку, и несметные полчища золотоискателей, авантюристов, преступников, искателей приключений хлынули в Калифорнию.

В течение первой половины 1849 года в гавань Сан-Франциско прибыло свыше шестисот судов, высадивших около сорока тысяч золотоискателей. За пассажирами с судов уходила и вся команда с капитанами во главе, бросая корабли на произвол судьбы. Генерал, военный представитель Соединённых Штатов, по телеграфу умолял правительство не присылать ему больше солдат, потому что они все дезертируют на прииски и ловить их некому.

Всё имущество людей, приехавших искать золото, кроме пары здоровых рук, состояло из лотка для промывки золота, тёплой куртки, лопаты и кайл для добычи песка, затем горшка для варки пищи, консервов, ружья, ножа и пары револьверов для защиты.

Все эти люди, нахлынувшие за золотом, ничего не признавали, кроме права сильного, и подчинялись только власти оружия. Они ломали амбары и сараи Зутера и строили себе дома. Они резали коров Зутера и питались мясом его скота. Они вытаптывали пашни Зутера, воровали его машины, инструменты и пользовались его имуществом.

Толпы людей рыли землю Зутера, как свою собственную. Многие погибали от лихорадки, но приходили и приезжали всё новые и новые толпы. Предприимчивые люди спешно провели железную дорогу до Калифорнии. Со сказочной быстротой стал расти город Сан-Франциско на земле, которая принадлежала Зутеру по акту, скреплённому правительством.

В середине 1849 года население Сан-Франциско уже выросло до шести тысяч человек, а к концу года равнялось двадцати тысячам, так как многие золотоискатели вернулись туда на зиму. При таком быстром и обильном наплыве населения город с трудом мог удовлетворить потребность в жилищах и продовольствии. Он весь состоял из кое-как наспех сколоченных бараков, носивших гордое название «отелей», где за помещение в каких-то конурах брали по сто долларов в месяц. Квартиры же в домах, построенных сколько-нибудь сносно, оплачивались тысячами долларов в месяц. Но золота было много.

А в долине пришельцы всех стран и народов вскоре разодрали на клочки и присвоили себе землю Зутера, и весь край

стал называться «золотым краем» — Эльдорадо.

Однако продукты питания стоили здесь баснословно дорого, и надо было иметь удачу, чтобы при такой дороговизне накопить состояние. Поэтому наибольшую выгоду из золотых россыпей извлекали главным образом не сами золотоискатели, а всевозможные торговцы, трактирщики, профессиональные шулера, которым здесь было много работы, и люди, которым нечего было терять, люди, не брезговавшие никакими средствами наживы: грабежом, предательством, обманом и убийствами.

Часто измученные непосильным трудом и лишениями золотоискатели старались при первой же удаче вознаградить себя всеми имевшимися в их распоряжении средствами. А средства заключались в бесчисленном количестве трактиров, кабаков и игорных домов как на приисках, так и в городе. В этих притонах и оставлялась большая часть, а иногда и всё добытое золото.

Трудно сосчитать, сколько погибло на приисках людей от разных лишений, голода и болезней, главным образом от цинги. И только очень немногие достигли своей цели, скопив золото на безбедное существование.

Зутер тоже пробовал добывать золото, но его бывшие компаньоны и служащие покинули удачливого полковника, и он дошёл до полного банкротства. Тогда Зутер уехал на свою уединённую ферму в горах, подальше от реки и её проклятого золота. Там и нашла его семья, приехавшая из Франции. Но жена вскоре умерла от лишений тяжёлого путешествия, и Зутер остался с тремя уже взрослыми сыновьями.

Он снова стал вынашивать в голове грандиозный план на будущее. Ведь теперь он был не один, их было четверо, и с помощью сыновей отставной полковник снова шаг за шагом стал выбиваться в люди.

В 1850 году Калифорния была включена в состав Соединённых Штатов Америки. Закон вошёл в силу, и там, где золотая лихорадка вызывала анархию, теперь водворился порядок. Зутер только этого и ждал. Он подал заявление правительству Штатов, что вся земля, на которой вырос город Сан-Франциско, и вся долина реки Сакраменто по праву принадлежат ему, полковнику Зутеру, и что правительство штата обязано возместить ему убыток, который нанесён расхитителями его имущества. Кроме того, Зутер требовал свою долю со всего добытого на его земле золота. А добыча золота всё росла, и уже в 1852 году составляла около двух третей добычи золота на всём земном шаре.

Начался грандиозный судебный процесс. По требованию Зутера правительство должно было выплатить ему двадцать пять

миллионов долларов за присвоение правительством дорог, мостов, каналов, плотин и мельницы и, кроме того, ещё двадцать пять миллионов долларов — как долю Зутера с добытого на его земле золота. Золотоискатели же обязывались освободить незаконно захваченные ими участки земли Зутера.

Старшего сына Зутер послал в Вашингтон изучать право, чтобы он мог вести дело. Все доходы, которые Зутер начал получать со своих новых ферм, уходили на ведение процесса, тянувшегося целых четыре года.

К счастью или несчастью для Зутера, высший судья в Калифорнии признал все права полковника. Это был неподкупный судья Томпсон — высшее должностное лицо штата Калифорния. В 1855 году Зутер выиграл процесс. Его права на земли были признаны обоснованными и неоспоримыми, и Зутер стал самым богатым человеком мира!

Кроме огромных денег, которые он должен был получить, всё золото, находящееся в земле, в реке, в песке, отныне принадлежало только ему! Ему одному!.. От сознания своего богатства, от груды золота, которым отныне он завладел, у Зутера закружилась голова. Но золото опять жестоко насмеялось над ним!

Только один день Зутер владел всем этим сокровищем, зарытым в земле, и миллионами долларов, которые должен был получить! В этот день его засыпали поздравлениями и предложениями вступить в компании по постройке железных дорог, морских верфей, кораблей… и просьбами о пожертвованиях и помощи… Но это был только один день!..

После обнародования решения суда на другой же день в штате поднялась буря протеста. Золотоискатели, земледельцы, фермеры, уличная чернь и всякие авантюристы собрались в десятитысячную толпу и сожгли здание суда. Потом толпа бросилась искать судью Томпсона, чтобы его повесить. Не найдя его, толпы разъярённого народа стали уничтожать всё достояние Зутера в штате. Они сжигали фермы, мосты и мельницы, вытаптывали пашни и виноградники, вырубали фруктовые деревья и разграбили всё имущество в домах полковника. Одного сына Зутера зверски убили. Другой сын, окружённый бандитами, был принуждён застрелиться; третий утонул, спасаясь бегством. Все владения Зутера с яростью были превращены в прах и пепел. Он сам еле спасся от беспощадных, озверевших людей.

И разум его помутился… Он потерял всё: жену, детей, имущество — и сделался самым несчастным и обездоленным нищим на свете.

В его слабоумной голове жила только одна мысль — о законе,

о справедливости и о новом процессе. В оборванном старом мундире, в стоптанных башмаках бродил этот слабоумный старик из одной канцелярии в другую в здании суда в Вашингтоне, требуя свои миллиарды. Он сохранил документы и получил от правительства какую-то пенсию, но ему деньги были не нужны. Он возненавидел и деньги, и золото, которое погубило его детей и сделало его нищим. Он только стремился доказать свои права и тратил пенсию на адвокатов и разных мошенников, которые обещали ему довести новую тяжбу до победного конца.

Зутер подавал жалобы и в сенат и в конгресс.

Разные шарлатаны, жаждущие поживиться, обрядили слабоумного старика в генеральский мундир и таскали его с собой из учреждения в учреждение, от одного сенатора и члена конгресса к другому. Постепенно Зутер стал посмешищем всех чиновников и уличных мальчишек, тот самый Зутер, которому по праву принадлежала самая богатая земля на свете, земля, на которой продолжал расти огромный город могущественного государства.

Так продолжалось целых двадцать лет, полных страданий, унижений и нищенства. Зутера с усмешкой называли «генералом» и часами заставляли ждать в приёмных. И этот жалкий старик, всей душой ненавидя золото, упорно старался добиться только справедливости.

Наконец, в 1880 году, у входа в здание конгресса он внезапно умер от разрыва сердца. Убирая труп неизвестного нищего, полиция и не подозревала, что в его кармане лежит документ, подтверждающий его права, а также и его наследников на самое большое состояние в истории человечества.

Но наследников у Зутера не было.

Добыча золота на земле Зутера к этому времени уже значительно сократилась, и золотая лихорадка в Калифорнии уже давно кончилась.

Вначале здесь разрабатывались только россыпи, расположенные по руслам и берегам рек. Затем были открыты россыпи среди более древних отложений, расположенные по руслам уже несуществующих рек третичного периода и прикрытые во многих местах более поздними вулканическими породами. Эти древние россыпи пришлось разрабатывать уже под землёй, что значительно удорожало добычу золота, потому что было необходимо ставить крепления для предупреждения обвалов в шахтах.

Гораздо позднее были открыты коренные месторождения золота, среди которых первое место занимала материнская жила мощностью до десяти и более метров. Эта жила тянулась на

протяжении 120 километров, и до глубины в 40–60 метров золото встречалось в ней в виде крупных самородков. Шахты доходили до глубины 600 метров, и там золота приходилось по 200 граммов на одну тонну руды. В этой жиле богатые золотом места сменялись бедными. От главной жилы во все стороны расходились более тонкие. Кроме того, была обнаружена и ещё одна система жил.

К разработке россыпей вскоре приступили крупные компании. Здесь рабочие доставляли добытый материал к головной части больших шлюзов и клали его на решето. Крупные гальки оставались в решете, а более мелкие протирались механическими приспособлениями сквозь отверстия решета и попадали на наклонный шлюз, на который поступала вода. Она сносила более лёгкие части, а более тяжёлые задерживались положенными поперёк шлюза лежнями. Чем длиннее шлюз, тем меньше была потеря золота, поэтому шлюзы эти доходили до 100–300 метров длины. Это были каналы, выложенные из камня, дно которых делалось из цемента и выкладывалось поперечными валиками для задержания золотинок. Часто для улавливания золота применялась ртуть. Она помещалась в углубления шлюзов, называемых карманами. Ртуть растворяла в себе золото, происходила амальгамация. Из амальгамы золото добывалось прокаливанием. Таким образом, не было риска потерять его мельчайшие крупинки в воде.

В Калифорнии применялся и гидравлический способ разработки россыпей, особенно при работе в древних речных наносах. Так как твёрдый покров часто нельзя было снять, а закладывать ряд шурфов в шахте было убыточно, на золотоносные россыпи направлялась сильная струя воды и получающаяся грязь пропускалась через шлюзы. Воду обыкновенно проводили с высоких гор и под большим давлением направляли в рыхлые массы россыпей. Этот простой приём давал огромные результаты: в короткое время смывались целые горы, но зато долины заносились песком, цветущие поля обращались в мёртвые пустыни, и страна на большом протяжении стала носить следы опустошения. Поэтому гидравлический способ получения золота был разрешён законом лишь в тех местах, где он не затрагивал интересов земледелия и судоходства.

Уже в конце XIX века добыча золота в Калифорнии сильно упала. Сейчас его находят только в горах Сиерра-Невада. Но зато в Калифорнии стала значительной добыча нефти и, кроме того, здесь нашли медь, ртуть, серебро, вольфрам и другие полезные ископаемые.

По окончании золотой лихорадки город Сан-Франциско не

пришёл в упадок, а продолжал развиваться. Знаменитый залив у рыбацкого посёлка, куда Зутер на небольшом паруснике привёз своих первых рабочих-полинезийцев, теперь, в сущности, превратился во внутригородское море. Город Сан-Франциско занимает весь полуостров и континентальное побережье залива. Эти части города соединены грандиозными мостами. Порт находится в центре города. Здесь на приколе стоят сотни иностранных торговых кораблей. Шумный, оживлённый промышленный город с тремя миллионами жителей, Сан-Франциско начал расти и развиваться только благодаря ненасытной жажде золота у людей, благодаря охватившей весь мир золотой лихорадке.

Известный американский писатель Марк Твен назвал открытие золота в Калифорнии национальным бедствием. Он писал в самом начале нашего века: «Погоня за богатством, связанная с золотоискательством, породила ту жажду денег, которая стала сегодня привычкой, ту жестокость, тот цинизм, которые представляют собой дни нашего времени».

Металл войны

В самом начале XIX века в Южной Африке поселились выходцы из Голландии. Они основали на земле местных племён — бечуанов и басуто — две республики: Трансвааль и Оранжевое свободное государство. Потомки этих европейских колонистов стали называться бурами. Они занимались земледелием и, главным образом, скотоводством. После захвата Англией Капской колонии бурам угрожали не только местные племена, но и англичане. Жизнь их была полна притеснений, опасностей и лишений. В конце концов большая часть буров подчинилась своей участи и сделалась верноподданными Англии. Более же непримиримые и энергичные устремились дальше в глубь страны, в жаркие неприветливые равнины, где влачили бедственное существование, полное лишений и страданий. Одевались они в невыделанные шкуры, питались сушёным мясом антилоп и молоком. Жили зимой и летом в крытых фургонах —

единственном своём убежище, где они рождались, жили и умирали.

Фургон представлял собой длинную и низкую телегу с брезентовым верхом. Впрягали в него от четырнадцати до двадцати быков, которых попарно привязывали тяжёлой цепью к ярму. В среднем они проходили по двенадцать километров в день, потому что на отдых и кормёжку быков уходило много времени. В этих фургонах буры перевозили своих жён, детей и всё имущество. Они часто переезжали несколькими семьями. Тогда на отдых фургоны ставились в круг, внутри которого обыкновенно помещались быки для защиты от диких зверей. Кроме того, такой лагерь был прекрасной крепостью, из которой немногие буры могли отразить нападения целой толпы туземцев.

Постоянные дома или хижины буры стали строить только с 1850 года. Они разводили табак, и это был единственный предмет, которым они торговали. Буры отвозили табак к берегам океана и там обменивали на свинец и порох, так как только в заряженном ружье видели залог своей свободы. Это тяжёлое прошлое буров наложило отпечаток на их характер, лучшим качеством которого была страстная любовь к свободе. Целый ряд поколений буров жил в полном одиночестве, отрезанный от внешнего мира и даже редко вступая в сношения с соседями. Буры издавна наблюдали вторжение в свою страну чужестранцев, число которых постоянно увеличивалось. Они уступали им дорогу и старались по возможности меньше иметь с ними дела. Но в конце концов запавшее в их души подозрение, что в один прекрасный день они лишатся с таким трудом завоёванной самостоятельности и свободы, оправдалось. И горше всего было сознание, что лишили их этих преимуществ вечные враги буров — англичане.

Случилось это после того, как в Трансваале в 1866 году были найдены первые алмазы, а в 1887 году — золотые россыпи. Эти находки не принесли счастья бурам, наоборот — из-за них здесь потекли реки крови и слёз.

В 1866 году маленькая девочка, играя на берегу реки Оранжевой, нашла в песке блестящий камешек и принесла его матери. Госпожа Джекобс подарила этот камешек своему знакомому. Знакомый показал камень торговцу. Торговец, решив, что камень может оказаться алмазом, отправил его на экспертизу в город Кейптаун. Каким-то образом об этом узнал английский губернатор и сразу предложил за камень пятьсот фунтов стерлингов. И госпожа Джекобс получила половину этой суммы. В камешке, которым играла на берегу реки её дочурка, оказалось 21,5 карата.

Об этом случае, кроме губернатора, никто не узнал, и на берегу реки продолжали лежать алмазы. Прошло два года. И вдруг знакомый госпожи Джекобс, продавший алмаз губернатору, услыхал, что у какого-то негра-колдуна имеется тоже блестящий камень. Он посетил негра и увидал у него ещё более крупный алмаз. Негр считал его волшебным камнем, способным творить чудеса. И действительно, он сотворил чудо: колдун неожиданно получил за камень целое стадо скота стоимостью в двести пятьдесят фунтов стерлингов. Ни с того ни с сего колдун разбогател и не переставал удивляться глупости белого господина, которому он отдал камень. Но каково было бы его удивление, если б он знал, что белый продал тот же камешек за одиннадцать тысяч двести фунтов стерлингов. Эту сделку уже нельзя было скрыть. В газетах и журналах появились нашумевшие заметки и статьи о замечательном алмазе, который был назван «звездой Южной Африки».

Взволновались вся Европа, Америка и Австралия. В кимберлийском журнале писали об охватившей все народы лихорадке: «Матросы в портах удирали с кораблей, солдаты покидали армию. Полицейские бросали ружья и выпускали арестованных. Торговцы бежали из своих процветающих лавок, а чиновники — из контор; фермеры оставляли свои стада на голодную смерть, и все наперегонки мчались к берегам рек Вааль и Оранжевой».

Обгоняя друг друга, кто пешком, кто на воловьих упряжках, по полному бездорожью ринулись туда толпы народа. Первая волна полумёртвых от усталости людей, жаждущих богатства, докатилась до Кимберли через тридцать пять дней трудного пути и бешеной гонки. И все они кричали от радости и стреляли от восторга в воздух при виде берегов алмазной реки.

Лихорадочно рыли землю, делая неглубокие ямы, и тут же бросали их, чтобы начать рыть в другом месте и опять бросить, из страха, что кто-то другой найдёт там алмаз. Прорыв десятки ям без всякого результата, полусумасшедший искатель садился отдохнуть в тени глинобитной лачуги, и вдруг в пыли неожиданно находил алмаз. Он начинал ковырять глиняную стену и вытаскивал из неё несколько алмазов. Тогда все охотники за алмазами как одержимые бросались к домам и лачугам, разрушали их все подряд и копошились в обломках… Потом разнёсся слух, что кто-то выкопал яму глубже других и нашёл в ней алмазы. И опять все кидались к тому месту и тоже начинали копать глубокие ямы. Тысячи людей, как черви, с дикой яростью вгрызались в землю и рычали от упоенья, когда им удавалось поднять сверкающий камешек.

Сколько миллионов тонн земли перекопали люди за несколько лет, сколько пролито было пота, крови и слёз, сколько погребено было здесь надежд и разочарований — никому неизвестно! Были счастливцы, которые в несколько дней составили состояние, но гораздо больше было несчастных, которые потеряли и то, что имели. Кимберли стало местом всяческих пороков. От счастья и отчаянья искатели алмазов напивались, дрались, стреляли друг в друга. Бывало, что счастливый искатель разжигал свою трубку крупной денежной ассигнацией, а несчастный пускал себе пулю в лоб.

Через год здесь были найдены богатейшие в мире золотые залежи, и тоже случайно. Один бур, пасший скот, отшвырнул ногой камешек, который вдруг ярко блеснул на солнце. Бур поднял его. Это оказался жёлтый блестящий самородок золота. С этого началось. И когда другие пастухи стали также находить самородки в грязно-серой скалистой земле, к ним потянулись жадные руки всех пяти частей света.

Дорог в Южной Африке тогда почти не было, но толпы золотоискателей наводнили страну, и со сказочной быстротой, как грибы после дождя, здесь стали вырастать города, построенные в головокружительном опьянении золотом и алмазами. Торговые города с вечно раскрытыми жадными объятиями и голодной пастью!

Как только появилось золото в Трансваале, англичане всеми средствами старались положить конец независимому управлению республики буров, чтобы захватить в свои руки контроль над золотыми рудниками. Пока делались попытки к соглашению, буры втихомолку готовились к надвигавшейся решительной борьбе.

Англо-бурская война началась в 1899 году.

Военное снаряжение буров состояло из ружья и лошади. Их отряды были исключительно верховыми, и сопровождали их только несколько походных фургонов с запряжёнными в них быками. Нападали буры на врага в удобном для себя месте. Подскакав к вражеской колонне или к лагерю противника, буры начинали осыпать врага меткими выстрелами, пока он не переходил в наступление. Тогда буры неожиданно исчезали среди скал. Чем ближе неприятель приближался к скалам, тем большие опустошения в его рядах производил меткий огонь буров. Когда же неприятель добирался до скал, он находил их покинутыми, а буры, разделившись на два отряда, тем временем уже обходили неприятеля с флангов. Кроме того, буры устраивали засады в горах, зарослях и узких проходах. В начале войны буры быстро пробились в английские владения и нанесли поражения

некоторым английским военным частям, но взять укреплённые города, которые они осаждали месяцами, буры так и не могли.

С февраля 1900 года буры стали терпеть поражения вследствие громадного перевеса английских войск, и в сентябре 1900 года английское правительство объявило о присоединении республики буров к Англии. Так, после долгой и кровопролитной борьбы, Англия всё же сумела завладеть этой страной и почти уничтожила весь свободолюбивый народ.

Бешеная золотая лихорадка не захватила оставшихся буров. В своих городах они почти не бывали. Продав фермы, на землях которых было найдено золото, многие буры стали очень богатыми людьми, но привычек своих не изменили. На новом месте они строили себе такие же скромные домики, как и раньше; ставили дома там, где ни одна фабричная труба не портила им вида, и продолжали мирно жить со своими слугами-кафрами, со своими быками и овцами, как и прежде. Свёртки золота мирно покоились в дубовом сундуке, за крепкими замками, под широкой кроватью, а бур-миллионер продолжал ходить в том же старомодном потёртом костюме, какой носил ещё будучи бедняком.

Золотоносная местность в Трансваале представляет цепь скалистых возвышенностей, поднимающихся над поверхностью равнины на высоту около двухсот метров. Тянется она с запада на восток на протяжении тридцати километров. На южном склоне расположены богатейшие в мире золотые залежи. Вся область, в которой попадаются годные для разработки золотоносные жилы, занимает пространство в сто тридцать километров длиною и тридцать шириной. Шахты расположены к востоку и западу от города Иоганнесбурга, в тех местах, где главные золотые жилы выходят на поверхность земли. Больших жил имеется две: главная жила — с небольшим ответвлением, которое параллельно ей, — и южная жила. Все прочие менее богаты.

Удивительно здесь то, что золотоносные слои на всём своём протяжении сохраняют одинаковое количество золота, независимо от глубины. Эта особенность трансваальских золотых россыпей не встречается больше нигде в мире.

Город Иоганнесбург — центральный пункт промыслов — вырос на самом высоком и сухом месте южного склона возвышенности.

Ещё в 80-х годах прошлого столетия здесь не было и следов человеческого жилища. Негры, слуги буров, и сами буры перегоняли скот с места на место в поисках травы, скудно растущей между камнями, и владелец земли — бур — был бы весьма доволен, если бы ему удалось продать землю хотя бы задёшево, ту землю, которой никто не покупал, на которой теперь

стоит Иоганнесбург и в глубине которой проходят богатейшие золотоносные жилы.

Иоганнесбург часто называют «Малой Америкой» и «Золотым городом». Его главной чертой являются небоскрёбы и громадное количество автомобилей. Иоганнесбург с его бешеным темпом жизни вылупился всего лет шестьдесят пять назад из скорлупы нескольких глинобитных лачуг. А теперь везде неоновые лампы, рокочущий поток автомобилей, витрины магазинов, переполненные соблазнительными товарами из всех частей света. Покупки, оплачиваемые золотом и алмазами… И везде люди, чей мозг превратился в счётные машины, а сердца стали твёрдыми, как металл.

Современные кинотеатры, роскошные особняки и виллы, здания с колоннами, рестораны, игорные дома… И всё это почти герметически отделено от окраинного города трущоб, города грязных бараков и немощёных улиц, где ютятся семьи рабочих, своими руками добывающих сокровища.

Здесь другое лицо «золотого города» — изголодавшееся, всё в нарывах и болячках, втоптанное в грязь и пыль улиц. И причина этого в том, что малочисленная и могущественная кучка богачей притесняет трудовой народ даже без различия цвета кожи. Притесняет его всеми средствами: и политикой заработной платы, и подкупом определённой части профсоюзов, и полицейскими дубинками, пистолетами, револьверами, пулемётами, а если потребуется, — и бронемашинами, и самолётами.

Безграничная роскошь и крайняя нужда уживаются бок о бок на этой золотоносной богатой земле, которая окрашена кровью зулусов, кафров, басуто, кровью буров и белых захватчиков.

Вначале золотые и алмазные прииски здесь разрабатывались множеством мелких предпринимателей. Но вскоре, по мере увеличения выгод, появились крупные капиталисты, которые в короткое время вытеснили мелких промышленников и объединили в своих цепких руках, вернее, в руках нескольких крупных компаний, золотоносные и алмазные рудники.

Разработки золота, как и алмазов, теперь окружены огромными загородками с колючей проволокой, за которой работают шахтёры. Все входы строго охраняются, и за загородку никто не может проникнуть. Среди рабочих имеются представители почти всех африканских племён, начиная с южных и кончая обитателями стран у озера Танганьика. Они стекаются отовсюду, привлекаемые заработком. Но европейские рабочие получают за работу почти вдвое больше туземцев.

За колючей проволокой стоят заводские здания, виднеются

сотни ям, узкоколейки, горы выкопанной пустой породы. За оградой находится даже кладбище тех, кто долгие годы живёт за колючей проволокой. Целая армия сыщиков следит за рабочими. Те из рабочих, которые заключают договор на один год, не смеют выйти за решётку в течение всего года. Раз в неделю им разрешается свидание с жёнами, но и с ними они могут говорить только на расстоянии и под надзором охраны. После окончания годового срока работы они ещё живут некоторое время в карантине под наблюдением врачей, а перед тем как выписаться, их подвергают тщательному медицинскому осмотру и рентгену — ведь они могут проглотить самородок, чтобы таким образом вынести его за ограду. За кражу сажают в тюрьму, штрафуют и избивают плетью.

В настоящее время на золотых рудниках Трансвааля занято свыше трёхсот шестидесяти тысяч рабочих, из которых восемьдесят пять процентов африканцев, получающих заработную плату в несколько раз меньше, чем европейцы. Здесь в наши дни добывается свыше пятидесяти процентов всей мировой добычи золота, этого ценного металла, всегда связанного с несчастьем и нищетой большей части населения и неизменно вызывающего вражду и эксплуатацию.

На золотых рудниках хозяева-капиталисты заботятся только о том, чтобы рабочие не украли ни крупинки золота, и совсем не заинтересованы в безопасности работ. В декабре 1962 года на крупнейшем в мире золотом руднике «Уэст Дрифонтейн», на долю которого приходилось шесть процентов всей ежегодной добычи золота в стране, произошёл обвал. Трёхэтажное здание дробильной установки, расположенное над рудником, неожиданно рухнуло. Его падение сопровождалось жутким грохотом. И там, где за минуту до обвала стояло здание, зиял теперь гигантский провал длиной в сорок пять, шириной и глубиной в тридцать метров. Погибло тридцать четыре африканских рабочих. Ещё двадцать человек получили увечья и ранения и отправлены в госпиталь.

Причиной катастрофы было отсутствие элементарной заботы о технике безопасности.

Пятая часть света

Имеется золото и в наименьшей из пяти частей света — в Австралии. Первый, кто нашёл здесь золото, был бедный пастух Мак-Грегор — шотландец по происхождению. Он жил в горах и изредка приносил на продажу городским ювелирам небольшие золотые самородки. Никто не знал, откуда он их брал, и пастух упрямо хранил свою тайну. Затем в 1830 году польский учёный Стржелецкий, путешествуя по Австралии с целью исследования природы, нашёл россыпное золото. Он сообщил об этом английскому губернатору, но тот уговорил учёного не разглашать своего открытия, так как в те времена Австралия была ещё местом ссылки ирландских и английских преступников, и губернатор боялся, что все кинутся искать золото, и тогда наступит полная анархия.

Ещё несколько человек время от времени натыкались на золото. Священник Кларк, найдя золото, просил произвести геологическую разведку, но правительство почему-то на это не обратило внимания.

Через несколько лет в Калифорнии началась золотая лихорадка, и в 1850 году туда отправился австралиец по рождению Харгрейвс. Его удивило в Калифорнии сходство каменных горных пород с австралийскими, и он решил вернуться и попытать счастья у себя на родине. И действительно, вернувшись в Австралию, он нашёл золото и указал золотоносные места правительству. Одно открытие следовало за другим. Золото было найдено в Южном Валлисе, затем в Виктории, Южной Австралии и в Новой Зеландии. В 1863 году были открыты большие запасы золота в Квинсленде и затем в Западной Австралии.

Самым богатым месторождением была Виктория, затем Квинсленд со своей знаменитой «Крокодиловой золотой россыпью» у горы Моргэн. Наименьшее количество золота имеется в Южной Австралии и на острове Тасмания.

Вообще почва Австралии очень золотоносна, она почти повсеместно покрыта россыпями с различным количеством золота, прорезана во всевозможных направлениях кварцевыми золотоносными жилами, и, кроме того, среди песчаников и осадочных пород встречаются пластообразные месторождения.

Опять началась золотая лихорадка, и каждый день появлялись новые толпы искателей счастья. Там, где раньше была пустыня, со сказочной быстротой вырастали города и поселения с роскошными магазинами и гостиницами.

В безводных австралийских местностях особенно трудно было разрабатывать золотые россыпи. Без воды могут разрабатываться только россыпи, содержащие золото в виде крупных кусков, которые можно легко извлечь руками.

Австралия прославилась тем, что здесь больше, чем в других частях света, было найдено крупных золотых самородков. Подробные сведения сохранились только о семи самородках-гигантах, хотя их было гораздо больше. Дело в том, что нигде, кроме СССР, большие самородки не сохранялись и даже нет их подробного описания. В алчной погоне за деньгами все самородки в капиталистических странах немедленно после их извлечения переплавляются.

Бешеная золотая лихорадка, грабежи и убийства, спекуляция и безумная жажда богатства заставляла человека, нашедшего самородок, по возможности скрывать свою находку от других, незаметно измельчить или переплавить кусок золота, чтобы

никто этого не заметил, не убил и не ограбил владельца. И всё же в большинстве случаев найденные колоссальные самородки не приносили счастья своему хозяину.

В золотоносных россыпях Виктории часто находили крупные самородки, и самым большим среди них был самородок, названный «Желанным пришельцем». Весил он 70,6 килограмма.

Австралийская газета «Утренний вестник», издаваемая в городе Сидней, писала 4 ноября 1872 года: «На руднике Хилл-Энд, принадлежащем компании Бейерса и Холтермана, был добыт крупнейший и ценнейший самородок из когда-либо найденных в этой колонии. Это действительно прекрасный образец — плита золота весом в двести шестьдесят килограммов. В воскресенье находка была выставлена напоказ, и сотни людей осмотрели её за этот день. Во время моего пребывания мистер Бэллок, заведующий рудником, открыл железный ящик, и там оказалось ещё несколько самородков, правда, не таких крупных, но ещё более красивых. Самородок представляет собой скорее часть залежи, а не кварцевой жилы, так как на нём не заметно следов кварца, а только видны пирит и сланец».

Один из владельцев этого рудника — Холтерман — сфотографировался рядом с самородком, который был назван «Плита Холтермана». Эта плита была чуть ниже человеческого роста.

Холтерман использовал фотографию самородка рядом с собой как рекламу для продажи какого-то запатентованного им лекарства. Он занялся спекуляцией и в конце концов умер нищим. Память об этом выдающемся самородке сохранилась только благодаря фотографии на коробках с лекарством. А было бы интересно исследовать происхождение такого самородка.

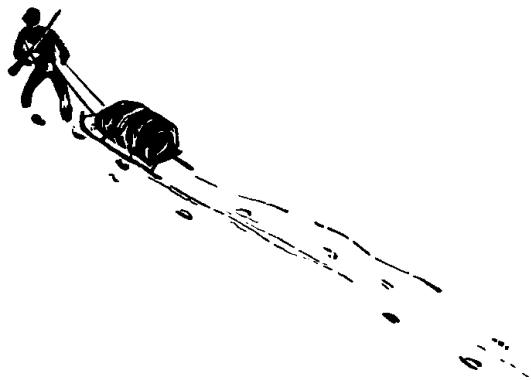
Также в австралийской провинции Новый Южный Уэллс на месторождении Харгрейс, всего в тридцати километрах от рудника Хилл-Энд, была сделана интересная находка. Та же газета писала 18 июля 1851 года: «Несколько дней тому назад один туземец, работавший в течение семи лет у доктора Кэрра, сообщил последнему, что во время пастьбы скота он нашёл крупный кусок золота, залегавший в кварце. Он слышал о находках золота и сам попутно с пастьбой скота искал его. Сначала его внимание было привлечено какой-то жёлтой точкой на поверхности глыбы кварца, которую он осмотрел. Своим томагауком (небольшой топорик) он немедленно отбил кусок кварца, и великолепная находка предстала перед его глазами. Доктор Кэрр, разумеется, не стал терять времени и немедленно же направился на место находки, и вскоре три глыбы кварца, в которых заключалось золото, были извлечены из земли. Диаметр

самой большой глыбы достигал приблизительно полметра. Она весила тридцать килограммов. Из этой глыбы было извлечено двадцать пять килограммов чистого золота. Перед извлечением золото на фоне кварца выглядело необычайно красиво!»

Две другие глыбы были несколько меньших размеров. «Так как они были слишком тяжелы для перевозки (их вес достигал ста тридцати шести килограммов), то доктор Кэрр разбил их на мелкие куски и тем совершил большую ошибку, так как эти сверкающие глыбы были бы бесценны».

Доктор Кэрр говорил, что самый крупный кусок походил на губку и весь состоял из кристаллов золота. Второй, больших размеров, был легче и имел вид как бы размытого водой. Последний кусок был почти совсем лишён кварца, и доктор Кэрр разбил его на мелкие куски по одному килограмму в каждом. «Будучи разложены на столе, все эти сокровища представляли потрясающее зрелище, и их сверкающий блеск заставлял трепетать зрителя», — писали в местной газете.

Золотая лихорадка



Эпидемия золотой лихорадки с новой силой охватила весь мир, когда нашли золото у реки Клондайк на полуострове Аляска.

Этот край северного сияния, где угасающий день незаметно переходит в утреннюю зарю, где повсюду стоят дремучие девственные леса, был местом, где ещё недавно свирепствовала первобытная борьба за существование. Волчьи стаи преследовали оленей. Туземные племена враждовали с соседями, убивали друг друга, пожирали тела своих врагов, почитали вождей и шаманов и не знали ещё употребления железа.

Каменный век здесь только клонился к исходу, а по неведомым тропам, через пустыни, леса и горы, неизвестно откуда приходили уже люди другой расы — с белой кожей;

приходили по одному или по два, сражались с туземцами, умирали или уходили неизвестно куда.

Каменные топоры и кремнёвые стрелы сталкивались со сталью и пулями, против которых бессильны были заклинанья шаманов и не помогали лесные боги. Белолицые пришельцы появлялись всё чаще, пробирались сквозь угрюмые леса и горные хребты, на сколоченных на берегу лодках плыли по неведомым рекам, а зимой протаптывали снег для собачьих упряжек.

Ещё до открытия золота на берегах Клондайка эта река славилась местом, где отлично ловилась рыба лосось. И пришельцы ловили рыбу, охотились на пушного зверя и часто погибали от сурового климата, от голода или в стычках с туземцами.

О существовании золота на Аляске было давно известно. Уже в конце XVIII века здесь возникли русские поселения, обитатели которых занимались пушным промыслом и рыболовством. В 1804 году был выстроен город Новоархангельск, который стал хозяйственным и административным центром русских владений на североамериканском материке.

В 1842 году капитан Головнин сообщил, после своего посещения Аляски, что «на Кенайском берегу положительно доказано присутствие золота». Но, видимо, незначительность добычи, отдалённость края, трудность работы и суровость климата отпугивали любителей лёгкой наживы.

В 1851 году Российско-американская торговая компания отправила на корабле «Атха» два пуда золота в Россию. Князь Максутов, управлявший всеми русскими поселениями в Аляске, сообщил в Петербург, что в «русской Америке» у горы святого Ильи найдены золотые самородки. Но русское правительство не обращало должного внимания на эти сообщения. А золотоискатели уже проникали на Аляску из Америки, и в 1867 году США предложили русскому правительству продать им всю территорию, которой владеет Россия на Американском материке. Начались переговоры, и в конце концов царское правительство по дешёвке, всего за одиннадцать миллионов рублей золотом, продало Аляску как раз тогда, когда на её земле были открыты «весьма многообещающие признаки золота».

Кто был первым, нашедшим большое количество золота в песках реки Клондайк, неизвестно. Но рассказывали, что приблизительно за восемь лет до этого одинокий путник, спасшийся от кораблекрушения у берегов Аляски и зашедший далеко в лес в поисках жилья и пищи, набрёл случайно на полуразвалившуюся хижину. Она, видимо, уже давно пустовала. Крыша её провалилась, внутри валялись остатки посуды, но

никакого следа людей не было. А за хижиной среди деревьев лежали скелеты восьми лошадей, когда-то привязанных к дереву. Они, видимо, сдохли от голода, и от каждой осталась только кучка костей с черепом и поклажа в кожаных мешках, когда-то привязанных к спине лошади. Мешки были наполнены крупным золотым песком и самородками. Всего золота в мешках оказалось на четверть миллиона долларов. Что сталось с восемью всадниками, куда они исчезли, оставив своих лошадей с драгоценным грузом, и где они нашли золото — так и осталось неизвестным.

Только в 1896 году весть о новом заманчивом Эльдорадо в почти недоступной стране взволновала народы земли.

Об открытии золота гудели телеграфные провода, и кабель на дне Атлантического океана передавал ошеломляющую весть в Европу и во все страны света. Десятки тысяч людей всех национальностей хлынули в этот суровый, неведомый край, не считаясь с тем, что работа золотоискателей на Аляске была возможна только летом. Для промывки золота всегда нужна вода, а здесь, на далёком Севере, лето продолжается всего три месяца, а всё остальное время реки скованы льдом. Земля промерзает на большую глубину, и оттаивает летом только небольшой верхний слой. Кроме того, и Юкон и его притоки текут в глубоких долинах, похожих на ущелья, куда тепло почти не проникает даже в жаркие летние дни, и заниматься промывкой золота всё время приходится в ледяной воде.

Но всё это было забыто, как только пронеслась весть об открытых несметных сокровищах. Из Соединённых Штатов, из Европы, Азии, Африки и даже из Австралии потянулись искатели счастья и наживы. Поезда и пароходы не успевали перевозить желающих. Обычный путь золотоискателей был по железной дороге до Ванкувера или Сан-Франциско, оттуда на пароходе к различным пунктам побережья Аляски, а дальше по большей части пешком, так как река Юкон, несмотря на значительные размеры, была несудоходна на всём своём протяжении.

Насколько легка и относительно дешева была первая часть пути, потому что железнодорожные и пароходные компании из-за конкуренции понизили цены на билеты, настолько же затруднительно и дорого было передвижение первых золотоискателей по территории Аляски. Впоследствии, когда наплыв золотоискателей выражался сотнями тысяч людей, образовались общества, проложившие удобные для передвижения дороги по суше. Они преодолели и трудности плаванья по Юкону, и тогда золотоносная область стала несравненно доступнее. Но и в первые два года люди шли в эту золотоносную страну

сплошным потоком. На берегу океана был сущий содом. Тут было сложено в кучи и разбросано прямо на песке не меньше десяти тысяч тонн всяких припасов и снаряжения, вокруг которых металось больше двадцати тысяч перекакавшихся и оравших во всю глотку людей. Цена за доставку груза через Чилкутский перевал была невероятно высока, потому что носильщиков-индейцев не хватало. А полярная зима была уже не за горами. Каждый понимал, что из двадцати тысяч приезжих лишь очень немногие переберутся через горные перевалы, остальным же предстоит зазимовать.

Всё новые груды снаряжения и продовольствия выбрасывались с пароходов на берег и медленно уносились золотоискателями. Многие мили тащили люди, гонимые жаждой золота, все пожитки на себе. Одних только съестных припасов каждый должен был запасти на целый год, чтобы не умереть с голоду там, где золото просто валяется на земле.

Цены в Клондайке были на всё безумно высокими, и часто нельзя было достать самого необходимого. И люди тащили на себе всё. Каждую милю пути приходилось им проделать раз по двадцать, чтобы на своей спине доставить до места полтонны груза. Это был невероятный труд. От тяжести болело и ныло всё тело, ноги покрывались ранами, плечи и грудь были растёрты в кровь ремнями. Подгоняемые страхом перед близостью зимы, подхлёстываемые страстным желанием поскорей добыть золото, люди работали из последних сил и часто падали у дороги. Одни, когда неудача становилась явной, пускали себе пулю в лоб. Другие сходили с ума. Третьи, не выдержав нечеловеческого напряжения, порывали с товарищами, ссорились насмерть с друзьями детства, которые были ничем не хуже, а только так же измучены и озлоблены, как и они.

Весь путь через крутой горный хребет и спуск с него продолжалась гонка не на жизнь, а на смерть с наступающей зимой. Здоровые мужчины, выбившись из сил, в изнеможении плакали у обочины тропы. Но зима неуклонно надвигалась. Задули пронизывающие ветры, пошли проливные дожди, стали учащаться снегопады.

С горного перевала спускались между обледенелыми и скользкими скалами по ледяным торосам. Весь путь по ночам был усеян огнями костров, а на перевале их было ещё больше — там перед спуском люди основательно отдыхали. Но все их силы, все силы ума и мускулов были направлены только на то, чтобы не отстать от других, чтобы дойти и успеть сделать заявку, застолбить участок на берегу золотоносной реки и не остаться с носом. Шли почти не разговаривая, чтобы сберечь силы, шли по

возможности быстро и останавливались только для ночлега.

На берегу встретившейся реки или озера путники рубили деревья, распиливали стволы на доски и мастерили челны. Часто эти челны приходилось тянуть канатом, передвигать их с помощью багра или весла, переплавлять через пороги и перетаскивать волоком. И всё время торопиться, чтобы зима не успела сковать реки льдом.

И всё же зима настигала многих в пути. Вокруг вздымались обледенелые горные громады, ещё безымянные, ещё не нанесённые на географические карты. Глаз путника уж почти не встречал одиноких дымков, поднимавшихся над стоянками. Переходы делались всё труднее. Снег и лёд, сверкавшие на солнце, слепили глаза, и они начинали гноиться. Солнце ещё иногда растопляло наст на снегу, и лыжи глубоко увязали, иногда же люди проваливались в ямы с ледяной водой, незаметные под тонким слоем льда и снега, и отмораживали себе ноги. Кое-где лёд был сплошь иссечён трещинами, и было опасно передвигаться. Трещины приходилось обходить, и тогда за час едва удавалось пройти сотню метров. На ночь, утоптав снег и разведя костёр, человек устраивал себе постель из пары шкур, разостланных на свежесрубленных хвойных ветках. Потом ставили заслон, привязав кусок холста к деревьям, чтобы он отражал жар костра* на постель. Лыжи втыкали в снег, и на них сушили обувь. А по другую сторону костра жались поближе к огню собаки, если они были, — жадные, голодные, косматые и заиндевелые. А вокруг стояла морозная сплошная стена непроницаемого мрака.

Часто налетали вьюги, и тогда нельзя было ни идти вперёд, ни разводить огня. Плотно кутаясь в меховые шубы, люди окружали себя собаками, укрывались с ними в огромных сугробах и так проводили дни и ночи, пока не стихнет вьюга, стараясь не спать, чтобы во сне не замёрзнуть насмерть.

Вскоре в том месте, где Клондайк впадает в Юкон, вырос новый городок из палаток и хижин. Назвали его Даусон. Жили в нём только золотоискатели и предприимчивые люди, открывшие здесь кабачки, игорные дома и кое-какую торговлю, вернее, спекуляцию съестными припасами. Потом появились бараки — подобие гостиниц.

Уже через год, в 1897 году, один корабль с Аляски привёз в США золота на один миллион долларов, а другой — на два миллиона, а ещё через год россыпи Клондайка дали золота на десять миллионов долларов.

Но люди не довольствовались берегами золотоносной реки и стали искать новых богатых золотом мест у озёр, притоков,

ручьёв, в неизвестных ущельях и каньонах. В погоне за золотом они карабкались по отрогам гор, окаймляющих реки. Где не проходили нарты с провизией, там их бросали и навьючивали всё на собак. Иногда одинокие золотоискатели пересекали безмолвные, беспредельные снежные равнины, на которые ещё никогда не ступала нога человека. И вскоре действительно золото было найдено не только в песке на берегу Клондайка и на юконской территории, но и у притоков, в каждом горном ручье, озере, ущелье и просто в лесу.

Как только проносился слух о вновь найденном золотоносном участке, туда сразу устремлялась целая толпа золотоискателей из Даусона и других мест. В пути старались перегнать друг друга, чтобы раньше других застолбить участок. У старожилов этих мест долго жила в памяти золотая лихорадка 1898 года, когда из форта Юкон хлынули толпы народа на новооткрытые прииски. Случилось это так. Одинокий старик золотоискатель зимой в лесу почти умирал от голода и цинги, когда набрёл случайно на шалаш людей, искавших золото в русле пересохшего ручья.

Отваром из ивовой коры, кислыми и горькими корешками, хвойным настоем эти золотоискатели вылечили старика от цинги. Весной, когда дни стали теплее и длиннее, когда почти всюду уже стаял снег, старик решил тоже попытать счастья. Он перебрался через русло ручья и поднялся на противоположный склон ущелья. Там, где солнце припекало сильнее, земля уже оттаяла на целый дюйм. Найдя наиболее оттаявшее место, старик встал на колени, ухватил рукой пучок мха и вырвал его с корнем. Что-то блеснуло и загорелось в ярких лучах солнца. Он стряхнул мох, и с корней, будто гравий, на землю посыпались крупные самородки золота.

Старик застолбил участок и через полгода разбогател, набрав золота на полмиллиона долларов.

Другой золотоискатель на пути к Клондайку заблудился в лесу и случайно набрёл на замёрзший труп человека, лежащего на берегу неизвестного озера. В руке мертвеца был зажат крупный самородок, размером в два кулака. При обследовании озера золотоискатель обнаружил, что на его дне лежит много самородков, но, чтобы их достать, надо нырнуть в ледяную воду. Видимо, так и поступил этот человек; самородок он добыл, но сам тотчас же замёрз и умер. Чтобы достать золото, необходимо было осушить озеро. Потом на это дело потребовалось много времени и человеческого труда.

Много золотоискателей погибло на Аляске в драках и пьянстве. Кроме того, суровый климат и постоянные лишения предрасполагали к заболеваниям. Больше всего умирало людей

от цинги из-за отсутствия свежих овощей. Дороговизна на всё была ужасающая. В начале нашего века даже простые доски, без которых нельзя было обойтись при работе, стали цениться на вес золота, хотя леса в Аляске было много, особенно в обильно орошаемых долинах рек. Но золотоискатели их почти вырубили, и леса им перестало хватать.

Бывали случаи, что золотоискатель намывал золота из речного песка на тысячу долларов в день. Однако мало кому из таких счастливцев удалось разбогатеть. Большей частью они пропивали или проигрывали в карты и в рулетку всё золото и превращались в нищих. И даже если человек собирался вернуться на родину с намытым золотом, ему это редко удавалось: слишком много было завистников и разного рода преступников, которые подстерегали удачников, убивали и присваивали себе их находку, чтобы тут же пропить её или проиграть.

Общие размеры золотоносной почвы на Аляске приблизительно равны пятистам километрам в длину и трёхстам километрам в ширину. Собственно же Клондайк, то есть область особенно обильного местонахождения золота, простирается в длину приблизительно на восемьдесят и в ширину на сорок километров. В 1889 году золота было добыто на десять миллионов долларов, затем добыча стала падать.

Золотая лихорадка на Клондайке продолжалась семь лет, потом затихла, хотя золото ещё есть. В 1950 году его было добыто на сумму в 3,8 миллиона долларов.

«Змеиные места»

При царе Петре I русские купцы, имевшие дело с Хивой и Бухарой, сообщили царю, что кочевники добывают золото в киргизской степи. Один из купцов писал: «Калмыки и тунгусы моют из речного песку золото». Сибирский губернатор князь Гагарин тоже сообщал царю о бухарском золоте. Тогда, в 1715 году, царь послал целую экспедицию в Среднюю Азию к реке Аму-Дарье. Экспедицию сопровождал вооружённый военный отряд. Но несколько тысяч калмыков окружили русских, и, выдержав с трудом трёхмесячную осаду, экспедиция была принуждена вернуться обратно ни с чем. В 1719 году царь поручил разведать о золоте в Бухаре русскому посланнику, и тот вскоре сообщил, что золото добывают из реки Геокче — притока Аму-Дарьи, где в воду

опускают бараньи шкуры, на которых осаждаются золотые крупинки.

Уже после смерти Петра I немного золота было найдено в Олонецком крае, но рудник вскоре был заброшен за невыгодностью. С 1745 года начинается разработка золота на Урале, где оно было открыто около города Екатеринбурга (ныне Свердловск).

Крестьянин Ерофей Марков в деревне Шарташ на реке Берёзовке совершенно случайно обнаружил жильное золото.

Марков копал землю, чтобы найти и продать тумпасы — кристаллы горного хрусталя, и неожиданно наткнулся на кусок кварца, в котором были золотые самородки. Марков принёс найденное золото деревенскому старосте, а затем заявил в горную канцелярию и честно указал место, где его нашёл. Чиновники горной канцелярии сообщили о находке Маркова в Петербург. Но когда стали искать золото на указанном месте, его не оказалось. Местное начальство не поверило Маркову. Его заковали в цепи и бросили в городской острог.

При допросе ему сказали, что если он золотого места не откроет, то ему палач отрубит голову. Но Маркову нечего было сказать, кроме того, что он уже говорил. Тогда его вывели во двор со связанными за спиной руками и приказали положить голову на плаху. Над ним встал палач с занесённым топором. Начальство продолжало допрашивать крестьянина, а он, одурев от страха, твердил всё своё:

— Места золотого не утаил, а куда золото подевалось — не ведаю!

Убить крестьянина было очень просто, но начальство ещё надеялось, что Марков одумается, и тогда они, найдя золото, разбогатеют. Поэтому Маркова развязали и отпустили домой на поруки, но наказали:

— Коли в срок не укажешь золотого места, мы тебе голову всё равно отрубим!

Ерофей Марков был коренным жителем деревни Шарташ, где свили себе крепкое гнездо раскольники. Пришли они из разных мест, но главным образом с Керженца-реки, и поэтому их там прозвали кержаками. Они старались всех подчинить себе и пугали людей тем, что кто с городскими свяжется, тому «царства божия не видеть».

Как раз в те годы на реке Берёзовке строился завод по обработке железа, чтобы выделывать якоря для кораблей, пушечные ядра и разную железную утварь и посуду. Кержакам-раскольникам это не нравилось. Но что было делать? Проклясть завод и рабочих они боялись, но всем нашёптывали, что это дело

дьявольское. Когда же Ерофей Марков нашёл золото, кержаки подняли шум, стали говорить, что Ерофей выпустил из земли «золотого злого змея», что набегут теперь сюда люди и придёт погибель скитам.

Кержаки решили Ерофея убить, а место, где он нашёл золото, засыпать, чтобы «золотой змей» не взял силу. Ночью раскольники привезли с десяток возов земли и завалили Ерофееву яму. Когда же к этому месту приехали инженеры-немцы, посланные из города для расследования, они ничего не нашли. Ерофея опять потянули к ответу, а раскольники радовались, что спасли свои скиты и веру.

Но в Шарташе не все с ними согласились. Многие считали, что и без скитов будет хорошо, было бы только золото. И стали люди копать землю, и никакие угрозы и запугиванья раскольников не помогали. Всё село разделилось на два враждующих лагеря, и много людей потянулось ворошить землю.

Тем временем из Петербурга прибыл горный мастер Райзер (друг М. И. Ломоносова). Он взял песок на пробу и, найдя в нём золото, стал руководить всеми поисковыми работами. На берегу реки поставили толчеи. В яме Ерофея Маркова заложили шахту и нашли жилу с золотом. Стали долбить золотоносную породу, потом из мелких кусков огнём выплавлять золото.

Вскоре стали находить всё больше золотоносных жил, у искателей появились приметы. Верным признаком золотоносности считались «змеиные гнёзда», «змеиные места», потому что хранителем и хозяином золота считался огромный змей, змеиный царь Полоз. Ящерицы и змеи у старателей считались слугами змея, в распоряжении которого находилось всё золото. Полоз всячески старался не допустить человека к золоту, но иногда некоторым искателям он даже облегчал к нему путь, а других, наоборот, пугал, отгонял или даже убивал. С помощью своих дочерей, Змеёвок, он спускал золото по рекам и «проводил через камень», оставляя в нём блёстки.

Эти легенды создавались среди старателей постепенно, и они поддерживались в XVIII веке в книгах, которые по тому времени можно было назвать научными. Так, в 1760 году была издана книга: «Обстоятельное наставление рудному делу… сочинённое и многими чертежами изъяснённое… бергколлегии президентом и монетной канцелярии главным судьёй Иваном Шляттером». В книге было 294 страницы, и посвящена она была президенту Академии наук графу П. И. Шувалову. Там было сказано: «Что о пребывании ящериц, змей и тому подобных насекомых при богатых рудных жилах говорится, то хотя оное за неосновательное почитается, однако узнавание, особливо при

Колывано-воскресенских заводах, ясно доказывает, что сего вовсе опровергать не надлежит, ибо множество змей, находящихся там на горе, золотою и серебряною рудами изобилующею, от которых и оная гора Змеиною горою названа, есть явное свидетельство, что такие гады больше водятся в тех местах, где золотые и серебряные руды находятся».

Как только открывалось место со значительным количеством золота, сейчас же туда устремлялись искатели из других участков. Сюда же откочёвывали горнорабочие с «казённых» рудников и приисков. Хорошие золотые жилы попадались больше опытным в таких разработках людям. Старатели объясняли это тем, что человек знает эти места, что он видит сквозь землю, или знает «особое слово», или «видел след Полоза», или «стары люди» ему указали.

С 1795 года на Екатеринбургских золотых приисках работал сын мастерового — Лев Иванович Брусницын. Работал он промывальщиком, а затем горным мастером. В 1812 году он открыл большое месторождение золота на Уфалейских заводах. В те времена золото искали только в горных местностях, но Брусницын, следуя указаниям Ломоносова, высказал смелую по тому времени мысль, что золото в мельчайших крупицах перемещается: «золото по тяжести своей должно скатываться в долины». Он это блестяще доказал, когда в 1814 году на месте слияния рек Берёзовки и Пышмы нашёл россыпное золото, отличавшееся по форме от золота, добывавшегося из толчёного кварца. Вместо толчения Брусницын предложил промывку золотоносного песка водой, что произвело переворот в золотодобывающей промышленности.

Вольным старателям, нашедшим золото, надо было только сделать заявку по начальству и потом сдавать золото в Контору горного ведомства. В конторе следили за сдачей. Если с одного места приносили много золота, контора сейчас же прогоняла старателей и сама начинала там его добывать. Старатели шли на другое место, и, в общем, они были вроде разведчиков. Но они тоже соблюдали свою выгоду: в контору сдавали золота мало, а большую часть продавали тайно купцам, которых развелось очень много. Так и обманывали друг друга: старатели контору, а купцы и контора — старателей. В поисках золота бродили старатели-одиночки по Сибири. В тайге искали золотые жилы, на берегах рек промывали речной песок. И вскоре россыпное золото было найдено в других районах Екатеринбурга, Гороблагодатска, Миасса, Богословска, и к 20-м годам прошлого столетия Россия заняла первое место в мире по добыче россыпного золота. Позже, по методу Брусницына (промывкой песка), были открыты

австралийские и калифорнийские россыпи.

Таким образом, колыбелью русской золотопромышленности является Урал. В Сибири же первые золотые россыпи были открыты в 1892 году. Открытие россыпей на реке Лене, в районе её притоков Вилима и Олекмы, нашумело на весь мир. Отсюда сибирская золотопромышленность постепенно стала передвигаться на восток и на север. В начале нашего века западносибирские россыпи и гремевшая в XIX веке енисейская тайга в отношении добываемого количества золота стояли далеко ниже Приленского края и Приамурья.

«Золото мыть — голосом выть!»

Когда были открыты золотые россыпи на Лене, там ещё не было оседлого населения, жили только якуты — охотники и скотоводы — и тунгусы, кочевавшие со своими оленьими стадами от одной горной речки к другой.

С давних времён сибирские купцы вели торговлю с кочевыми тунгусами и якутами, меняя хлеб, овощи, сахар, мануфактуру, гвозди, топоры и другие инструменты на меха. Для торга летом устраивались в разных местах на берегах рек небольшие ярмарки, которые кочевали с места на место, развозя товары на баржах.

Торговля начиналась весной и замирала к осени. Ещё плыли по реке одинокие льдины, на берегах ещё лежали торосы выброшенного льда, отливавшего на солнце всеми цветами радуги, а вдали на синей воде реки уже появлялись белые паруса.

То плыли баржи с товарами — плавучая ярмарка. Попутный ветер надувал паруса и быстро нёс баржи, которые приставали к берегам у небольшого таёжного села или стойбища. Здесь баржи украшались флагами и распахивали двери своих плавучих магазинов. Из тайги на ярмарку выезжали с огромными караванами оленей якуты и тунгусы, по реке со всех сторон плыли лодки из окрестных улусов и стойбищ. Надо было торопиться, так как через три-четыре дня ярмарка уже уплывала дальше за сотни вёрст.

С ранней весны до поздней осени плавали купцы с товарами, заезжая в каждое село, пока не останавливались в Якутске. Здесь они окончательно всё распродавали, баржи бросали на произвол судьбы и, разбогатев, возвращались домой.

На одной из таких ярмарок торговал иркутский купец Трапезников. К нему на баржу за товаром пришёл тунгус. Кроме богатых мехов на обмен он принёс с собой золотой самородок. Тунгус не знал, для чего и как употребляется золото. Самородок нравился ему просто как блестящий диковинный предмет. Но Трапезников прекрасно знал цену и значение золота и сразу заинтересовался заманчивой находкой. Он выменял самородок, нанял тунгуса проводником и послал со своим доверенным приказчиком в то место, где самородок был найден. Доверенный исследовал место и нашёл золотой песок и ещё несколько мелких самородков.

После этого богатое иркутское купечество охватила золотая лихорадка. Они организовали десятки поисковых партий, которые разбрелись по суровой безлюдной тайге. С помощью тунгусов и якутов, руководствуясь разными «приметами», они очень скоро нашли богатое золото на реках Хомолхо, Ныгри, Малом Патоме, Бодайбо и других. Но золото не так-то просто было добыть из недр земли в диком, пустынном крае без всяких путей сообщения, на тысячи вёрст удалённом от железной дороги. Глухая таёжная тропа только и связывала прииск с судоходной рекой или с жилым местом. Короткое лето, суровая длинная зима, безлюдье, отсутствие какого бы то ни было земледелия, необходимость привозить за тысячи вёрст продовольствие — всё препятствовало развитию здесь золотопромышленности.

Кроме того, золотые россыпи залегали иногда на очень большой глубине. Чтобы добраться до них, надо было произвести огромные земляные работы, снять сверху всю пустую, не содержащую золота породу или прорыть глубокие шахты. Но в этой глуши не было сотен рабочих, которые при помощи самых простых орудий — кайлы и лопаты — могли бы выкопать миллионы пудов песка, добыть золото и промыть его на

несложных промывательных приборах.

Однако здесь были такие сказочные богатства, что слухи о них быстро разнеслись по тайге, и сюда, кроме сибирских купцов, бросилась масса людей: беглых преступников, солдат и разных авантюристов. Одни ставили заявочные столбы и продавали заявки, другие в тяжёлых условиях тайги собственноручно мыли золото и возвращались богачами, третьи тоже добывали золото, но пропивали его на месте, четвёртые — и их было большинство — погибали от цинги, голода, морозов и бездорожья.

Много погибло старателей, а новые всё приходили и приходили, потому что слух про золото распространялся всё дальше. «Золото людям — что патока мухам, — говорили в тайге. — Сколько их ни гибло, а всё больше их налетало». А когда слух дошёл до столицы, тут и большие богачи появились; хоть и непроходима была тайга и путь был страшен, а купцов и капиталистов понаехало много.

Первыми рабочими у этих предпринимателей были тунгусы и якуты. Но они привыкли к кочевой жизни, они были охотниками и скотоводами, и приспособить их к тяжёлым земляным работам, к упорному повседневному труду было невозможно. Они плохо работали, скоро заболевали и большей частью разбегались. Зато в Сибири нашлось много каторжан и ссыльных поселенцев. Их-то и закабалили золотопромышленники и стали безбожно эксплуатировать. Они были совершенно порабощены и бесправны и не могли даже распоряжаться своим заработком, состоявшим буквально из нескольких грошей. При выдаче паспорта из полагавшегося ссыльнопоселенцу в счёт заработной платы задатка высчитывался годовой оклад податей. При увольнении же из остатков заработной платы удерживались и отсылались по месту приписки числившиеся за ним недоимки. В результате рабочий уходил с пустыми руками, а часто даже оказывался в долгу у золотопромышленника и вынужден был оставаться на приисках, чтобы отработать свой долг. Зная всё это, ссыльнопоселенцы пытались избавиться от работы на золотых приисках. Но единственным средством для этого был побег, так как оставить работу по своему желанию они не имели права.

Чтобы помешать рабочим бежать с приисков, на помощь хозяину приходила местная полицейская власть. Бежавших ловили, водворяли обратно и жестоко наказывали розгами, карцером, штрафами.

Рабочие, приходившие по своей воле, а их было очень немного, попадали в те же условия, что и их ссыльные товарищи. К тому же, нанявшись на золотые прииски, они должны были пройти по бездорожной дикой тайге огромное расстояние от

сборного пункта до места работы, делая по двадцать пять вёрст ежедневно, причём получали только по три фунта ржаных сухарей в сутки и при подписании контракта обязывались больше ничего не требовать.

Кроме того, рабочий не имел права брать с собой на прииски жену и детей. Это разрешение давалось только в особых случаях. А женщины, которые попадали на прииски, были в полной зависимости от промысловой администрации. Они должны были выполнять всю чёрную домашнюю работу в рабочих казармах и, кроме того, шить и стирать на бессемейных.

Время работы было не ограничено. Трудовой день начинался в пять часов утра и кончался в восемь часов вечера. В экстренных случаях надо было работать, сколько потребует необходимость. В кабальном договоре, который должен был подписать рабочий, стояло: «Пока мы будем находиться в работе, то выдачу нам денег и отпуск разных товарных вещей предоставляем в усмотрение управления, сколько когда оно сочтёт возможным». И дальше: «Рабочие обязуются самовольно никуда не отлучаться, но быть в повиновении, не грубить, не упрямствовать». По договору никто из рабочих не имел права требовать увольнения до окончания срока найма, зато промысловое управление было вправе уволить рабочего во всякое время или передать другому золотопромышленнику. Подписывая контракт, рабочий тем самым как бы продавал хозяину тело своё и душу.

Кроме того, рабочие получали зарплату не деньгами, а квитанциями на товары, которые могли покупать только на приисковых складах, а не в частных лавках, где промышленные товары и продукты были и дешевле, и лучшего качества.

Когда широко разнёсся слух о ленском золоте, появилось много «старателей» — людей, которые отыскивают золото для себя. Это были главным образом беглые каторжане, беглые солдаты, а после отмены крепостного права — крестьяне, которые, чтобы спастись от нищеты, безземелья и голода, приходили в тайгу и пытали счастье в одиночку или собираясь в артели.

Люди ликовали и пьянели от счастья, когда вырывали золото из недр земли. Они были ослеплены его блеском и думали, что покорили драгоценный металл, что сделают с ним что захотят. А золото как бы смеялось над ними: «Я покорило человека, и весь мир поклонится моему величию, будет служить мне». И действительно, золото человека покоряло.

Тайга окрасилась кровью. Из-за золота люди убивали друг друга. Недаром стали говорить, что «в золоте — грех», и сложилась поговорка: «Золото мыть — голосом выть!». Но по

тайге ходили рассказы, которые всё больше разжигали страсть к золоту. Рассказывали о солдате, вернувшемся с войны в свою заимку у Ярого озера. Стояла осень, и солдат пошёл на озеро промышлять гусей. Стая гусей плавала по воде, солдат выстрелил, и стая взвилась в облака. Два гуся упали. А третий — то взлетал, то снова садился. «Что за чудо, — думал солдат, — ранить я его не мог, этот гусь был в стороне, дробь не могла в него попасть». И стал солдат на этого гуся охотиться. Убил его и нашёл в зобу У гуся фунта два золота, которое гусь наглотал. От этой тяжести он и не мог далеко лететь. Догадался тогда солдат, что и озеро, и вся земля кругом полны золота: гуси паслись здесь всё лето, значит, тут и наглотались золотых зёрен. Стал солдат промывать землю и через три года уже в миллионах ходил.

Однажды по тайге шёл охотник и набрёл на берегу ручейка на логовище медведицы. Трава и дёрн были Еырваны когтями сильных лап, таким образом образовалась яма. Охотник заглянул в неё и заметил, что в углу ямы, озарённое лучами заходящего солнца, что-то поблёскивает. Он встал на колени и не поверил собственным глазам: перед ним лежали золотые самородки. В первую минуту им овладело возбуждение. Он разгребал глину, пропускал между пальцами самородки и камешки. Золота было так много, что его невозможно было всё сразу забрать. У охотника была с собой только небольшая кожаная сумка и кисет с табаком. Он быстро наполнил их и все карманы золотом. Потом срубил несколько тощих ёлочек и завалил ими логовище. Но ему показалось, что от этого место стало ещё приметнее. Тогда он принёс из лесу сухой хвои и листьев, потом с трудом прикатил к найденному кладу несколько тяжёлых камней. Только теперь он мог быть спокоен, что сделал всё необходимое, чтобы скрыть следы своей находки. Окружающие деревья он обозначил зарубками и после этого отправился домой, чтобы вернуться с мешком. Дальше одни рассказывали, что он будто бы, вернувшись, не нашёл золота — кто-то успел его украсть, а другие, что он, разбогатев, уехал в столицу, купил дом и стал жить припеваючи.

Появилось много старателей, которые, найдя золото, сдавали его арендатору прииска и получали плату за каждый намытый золотник. Это были люди, которые продавали свою рабочую силу казне или крупному предпринимателю и жестоко ими эксплуатировались. В большинстве случаев им не принадлежала содержащая золото земля, она была государственной или была собственностью золотопромышленника, который сдавал её старателям на кабальных условиях.

Росла добыча золота, а на приисках не хватало рабочих.

Пришлось вербовать их на стороне. Специальные агенты разъезжали по деревням и сёлам. Агенты знали, что работа на приисках очень тяжёлая, поэтому выбирали людей здоровых и сильных, не старше сорока лет. Давали им задатки в счёт будущей работы, старались их напоить и пьяным подсовывали кабальный договор. Чтобы сманить крестьян с насиженных мест, агенты рассказывали им всякие небылицы. Они говорили, что при промывке золотоносного песка иногда попадаются довольно большие самородки, которые рабочий имел право «поднять» и сдать промысловому управлению за особую плату. Такое золото называлось «подъёмным». Если рабочему посчастливилось найти несколько самородков или один очень крупный, то он сразу мог разбогатеть. Слухи о «подъёмном золоте» разносились по всем приискам, и распространялись они главным образом администрацией, которой было выгодно, что рабочие, в надежде на удачу и богатство, будут безропотно выполнять самые тяжёлые работы и выносить самое возмутительное обращение.

В 90-х годах прошлого столетия была построена сибирская железная дорога, которая «открывала Сибирь», связывала её с европейской частью России. Хотя от железной дороги до приисков оставалось до двух тысяч вёрст, они всё же стали значительно доступнее. Вербовщики рабочих могли уже не ездить во все концы России. Привлекаемые слухами о баснословных богатствах золотых приисков, сюда стали устремляться тысячи крестьян из числа тех, кого голод заставлял, как говорил В. И. Ленин, «бросать насиженные места и бродить по всей России в поисках за работой».

Изменился состав рабочих, и хотя условия работы оставались по-прежнему кабальными, но в конце XIX века уже нельзя было за провинность — прогул и непослушание — сечь рабочего розгами. Вместо платы квитанциями на товары стали платить заработную плату деньгами, хотя по-прежнему приходилось всё покупать по грабительским ценам у промыслового управления.

Новые рабочие из России стали нащупывать и новые методы борьбы. И в 1901–1904 годах формой борьбы сделались стачки и организованные массовые забастовки.

С конца XIX века золотые прииски на Лене стали самым крупным предприятием в России. Там добывали сотни пудов золота в год. Однако постепенно от купцов прииски перешли в руки крупного петербургского банкира барона Гинцбурга. Он вёл работу на приисках так же хищнически, как до него её вели купцы. Завладев приисками разорившихся мелких золотопромышленников, Гинцбург купил богатейшие прииски и по реке Бодайбо. На это были затрачены огромные деньги, а

постановка работ требовала ещё больших затрат. Гинцбург, финансист и банкир, связанный с финансистами и придворными кругами, не владел таким капиталом, но он сумел превратить Ленские прииски в акционерное общество. Это было общество на паях, для вступления в которое надо было купить известное количество ценных бумаг (акций). Покупая акции, человек таким образом вкладывал часть своего капитала в «общество» и получал право на причитающуюся на каждый пай (акцию) долю прибыли с предприятия.

Хотя акции были проданы на несколько миллионов рублей, прииски требовали всё новых затрат.

А в это время английские капиталисты стремились в горную промышленность Урала и Сибири. Они с удовольствием пошли навстречу Гинцбургу, и в 1908 году было основано специальное акционерное общество, которое стало называться «Лена-Гольдфилс». Таким образом, вокруг ленского золота переплелись русские и английские капиталы, причём англичане смотрели на эти прииски главным образом как на средство спекуляции на денежном рынке.

Ленский расстрел

В то время как капиталисты в Петербурге, в Лондоне и других городах наживались на золотых акциях, рабочим, добывающим своими руками золото, жилось всё хуже и хуже.

Картина разных приисков была везде удручающей. Каменистая, всхолмлённая почва была изборождена выемками, канавками, отвалами отработанных песков. По канавам текли мутные глинистые воды промывных аппаратов. Кругом большую часть года лежал снег, загрязнённый копотью, песком, грудами камней, всяким хламом. Здесь и там вяло двигались плохо обутые, одетые в рвань и мешковину рабочие: тачечники, землекопы, откатчики, водоливы. У всех мрачные, болезненные, бескровные лица. Многие из них удушливо кашляли, болея чахоткой, и почти у всех был жесточайший ревматизм.

Над каждой шахтой вместо механического крана торчало допотопное сооружение — уродливого вида вертикальный ворот с

конным приводом. Он служил для подъёма бадей с золотоносным песком и для спуска в шахту крепёжных материалов. В некоторых шахтах самый богатый золотоносный слой шёл на значительной глубине — в пределах вечной мерзлоты. Приходилось оттаивать породы, для этого в забоях и штреках усиленно жгли костры, причём вентиляции не было. Страшный дым и угар не только мешали работать, но и угрожали здоровью.

Сама шахта представляла собой глубокий и узкий колодец в пятнадцать — двадцать пять сажен глубины. Обыкновенные деревянные лестницы из жердей вели вниз. Ступеньки покрыты липкой грязью. Лестницы подвешены вертикально, и при переходе с одной лестницы на другую надо было крепко уцепиться за железную скобу, вбитую в стену, иначе легко сорваться в пропасть и расшибиться насмерть.

В шахте сырой полумрак и промозглый холод, сдобренный угарной окисью углерода и парами газов от динамитных подрывных работ. Кое-где мерцали электрические лампочки. Под ногами хлюпающая по щиколотку грязь. Ноги скользили, вязли, спотыкались. В шахту обильно проникали грунтовые воды из окружающих напластований. Сверху, с боков бежала вода — то струйками, то значительным потоком. Плотников, строивших из толстых брусьев крепи, со всех сторон поливало грязной жижей. Вода просачивалась в рукава, за воротник. Вымокшие рабочие работали с надрывом, с проклятьями и руганью. Серыми тенями шмыгали тачечники, катали, бадейщики. Слышно было, как вдали ударяла сталь о камень, въедаясь в золотоносную жилу, добывая хозяевам богатство и славу. Где-то гремели взрывы, где-то рушились камни и раздавались стоны. Но больше всего слышалось здесь злобной ругани и проклятий.

Жили рабочие в бараках. Кривобокие, подпёртые брёвнами, они зимой до самых окон были завалены снегом. Снег поливали водой и утрамбовывали. Это предохраняло от ветра, врывавшегося в плохо проконопаченные стены. В сильные морозы в бараках стоял нестерпимый холод, сапоги примерзали к полу, по стенам, в углах и на потолке лежал иней.

Семейные рабочие жили отдельно от холостых. Но и тут, и там было дымно и душно, воздух, как в бане, был пропитан испарениями. Над очагами сушились сырые валенки, всюду развешаны мокрые штаны, рубахи, прелые портянки, а на гвоздях висели облепленные тараканами тухлые куски мяса, вонючая рыба, селёдки.

Около шахт не было теплушек, и рабочий, выйдя из шахты совершенно промокший, должен был бежать домой иногда несколько вёрст при больших морозах. В бараке он снимал

одежду, развешивал её сушиться и тут же мылся в железных рукомойниках, потому что бань почти не было. В баню рабочий попадал только в свою очередь — два раза в год.

В казармах страшная теснота. Построенные когда-то при сибирских купцах на сорок человек, теперь, при правлении Ленского товарищества, в них размещалось полтораста. Теснота заставляла многих спать прямо на холодном земляном полу. Всё это напоминало грязную ночлежку самого последнего пошиба, а не общежитие для рабочих.

Это была проклятая жизнь во мраке, в нищете, в подлых, нечеловеческих условиях труда.

Продукты рабочие были обязаны получать в магазине управления приисками. Обыкновенно это был амбар с грязным прилавком, заваленным вонючим мясом. В большущих ушатах лежала солонина. Воздух пропах тухлятиной, на всём — рои мух. В амбаре тесно: толпа рабочих, детей и баб с корзинками, сумками, мешками; многих от запаха гнили мутило, и женщины затыкали носы кончиками головных платков. Под ногами валялись мясные обрезки и сновали собаки.

Когда рабочие начинали ругаться, получая гнилое мясо или хлеб, выпеченный с конским навозом, и дело доходило до драки, приказчики удирали в тайгу, а заведующий снабжением дерзко говорил:

— За всем не углядишь, братцы. Я один, а вас тысячи. Всех накормить надо. Не разорваться…

Приезжала полиция, ротмистр ругал толпу площадной бранью, стражники разгоняли рабочих нагайками.

При самых тяжёлых условиях работы, неимоверно длинном рабочем дне и низких расценках рабочему из-за неправильного подсчёта почти никогда не удавалось получить целиком заработанные им деньги. Но после 1905 года на приисках появились другие рабочие — не ссыльно-каторжные и не крестьяне, только что оторванные от сохи. Большинство рабочих прибыли из Европейской России, и многие из них уже познакомились с революционной борьбой 1905 года. И когда на Андреевском прииске в 1912 году началась забастовка как протест против выдачи заведомо негодного мяса, она быстро охватила рабочих других приисков до самых отдалённых мест ленской тайги.

Руководящую роль в стачечном комитете играли большевики, политические ссыльные и политкаторжане. Требования рабочих были справедливыми и законными. Они просили о повышении заработной платы на тридцать процентов, уменьшения рабочего дня, доброкачественных продуктов, улучшения квартирных

условий и медицинской помощи, выдачи заработка деньгами, а не купонами, вежливого обращения…

Всё управление и служащие, так же как и полиция, боялись, что с забастовкой начнутся погромы, поджоги, разгульное пьянство. Но вышло так, что многотысячная толпа, среди которой были сотни преступников и самых отпетых сорвиголов, как бы заковала себя в цепи и ввела строгий порядок. Прежде всего рабочие изъяли из обращения водку и другие спиртные напитки. Многие, чтобы избавиться от соблазна, выливали водку прямо на землю. Все запасы водки были уничтожены. Не было ни одной драки, ни одного эксцесса. Рабочие боролись за правду, за свои права, и все были серьёзны и спокойны. Они сами охраняли шахты, продуктовые и динамитные склады и помещения служащих от действий провокаторов, подсылаемых управлением. Они безотказно несли свои дежурства, несмотря на то, что им приходилось и мёрзнуть и мокнуть.

В ночь с 3 на 4 апреля была арестована часть членов центрального стачечного комитета и выборные, ведущие переговоры с управлением приисков. Рабочие оказались в беспомощном положении. Известие об арестах всех взбудоражило. Люди собирались кучками, негодовали. Обсуждали вопрос о недостаточном пайке — голодали дети, — о необходимости потребовать выдачи всех заработанных денег. Контора и в пайке и в выдаче денег отказала, управление не шло на уступки. Три сотни горячих голов повалили к конторе требовать в первую очередь освобождения арестованных, которые ни в чём не были виноваты. А в казармах, бараках, в тайге, на заводах и приисках рабочие стали собираться толпами и возбуждённо, с негодованием выражали свою волю:

— Надо отстаивать свои права! Пусть освободят наших выборных! Казаки и солдаты в нас стрелять не станут! Идём к главной конторе!

Они хотели подать прокурору «жалобную» докладную записку о незаконных действиях властей и заявление с просьбой об освобождении арестованных выборных. Толпа двинулась, и к ней всё время примыкали землекопы, лесорубы, рабочие с мельниц, со шпалопропитного завода… Толпа всё время увеличивалась и скоро выросла до трёх тысяч человек. Почти все были по-праздничному одеты. Пока шли лесом, играли на гармониках. Лица рабочих светились надеждой: сейчас всё благополучно кончится, они потолкуют с главным управляющим, с прокурором, кое в чём уступят, управляющий уступит им, и завтра — с богом на работу!

Но навстречу рабочим, когда они вышли на большую дорогу,

двинулись стражники и казаки.

— Расходись! Расходись! — кричал ротмистр.

Передние рабочие остановились, но задние напирали. И тогда раздалась команда:

— Повзводно пачками!.. Пли!

Раздался залп. Запахло дымом. По толпе широко стегнул свинец. Несколько человек упало, толпа оцепенела, никто не понимал, что происходит. Вдруг раздался крик:

— Убивают! Братцы!.. Убивают!

Выстрелы продолжали греметь, народ падал. Потом бросились бежать, спотыкались, валились на землю, и никто не понимал, за что их убивают.

Так, в угоду русским и английским капиталистам, было убито двести семьдесят и ранено двести пятьдесят рабочих.

В Центральном государственном архиве хранится летопись приисковой благовещенской церкви с записью священника от 4 апреля 1912 года:

«Войдя в первую палату (больницы), я увидел поразительную картину: кругом на полу и на кроватях лежали в беспорядочном виде груды раненых рабочих, пол покрыт кровью, кое-где видны клочки сена, служившие постелью раненым… Тут же при мне умирали. Ползая на коленях по лужам крови, с усилием успевал кончить с одним (исповедать и причастить), как тянули за облачение к другому умирающему… Затем стал расспрашивать о случившемся. Все до одного во всех палатах заявили, что шли только с одной целью — подать прошение товарищу прокурора, и недоумевали, за что их стреляли… и что у них, кроме спичек и папирос, ничего с собой не было. Это говорили и заверяли клятвой и те из них, которые вслед за сим тут же при мне умирали. Умирающий не врёт. Тут же пришлось наскоро составлять духовные завещания умирающим, после чего, посетив ещё один рядом стоящий дом, где были раненые, поехал к далеко лежащим трупам убитых.

В котловине в беспорядочном виде навалены груды убитых, у некоторых на лице выражено беспредельное страдание: много обезображенных от пуль. Кругом окружала толпа родственников. Жёны убитых перешагивали через трупы, в массе находили своих мужей, дети — отцов, кидаясь, как безумные, стеная и вопя о своём неожиданном горе и беспомощности. Картина воистину душу раздирающая. Ужас, царивший на этом месте, кажется, проникал в самые тайники души человеческой. Хотелось плакать, рыдать, хотелось сделать чудо, чтоб хоть сколько-нибудь помочь в постигшем горе несчастным сиротам».

Рабочие на приисках были возмущены варварской расправой

над безоружными и решили уехать из тайги. Это был массовый протест рабочих. Все без исключения с семьями и детьми собрались покинуть далёкую ленскую тайгу. Дорога предстояла трудная: надо было ехать на лошадях, потом спускаться по рекам на баржах, потом в мелкосидящих в воде пароходах — до города Усть-Кута. Оттуда женщин и детей надо было везти на лодках, а мужчинам идти пешком по берегу триста восемьдесят вёрст до пристани Жигалово, а оттуда до Иркутска пробираться на лошадях пятьсот вёрст. В общем, в пути ещё до железной дороги надо было пробыть в трудных условиях более двадцати дней.

Мало кто ожидал от рабочих такого героизма. Но их ничто не могло остановить. Перед выездом рабочие предложили управлению купить у них инструменты, которые, нанимаясь на прииски, рабочий был обязан приобрести за наличный расчёт в приисковых мастерских. Управление отказалось, уверенное в том, что рабочие не смогут всего увезти, и инструменты, как и домашняя утварь, достанутся даром Ленскому товариществу.

Когда от конторы был получен отказ в покупке инструментов, рабочие отнесли ночью все железные инструменты в старые заброшенные и затопленные шахты и там похоронили на вечные времена. А лёгкие инструменты и утварь, которую не брали с собой, переломали и уничтожили перед бараками, чтобы ничего даром не досталось товариществу золотых приисков.

В течение двух с лишним месяцев через каждые пять дней уезжала партия рабочих с приисков. Всего выехало восемнадцать тысяч человек. Когда с бодайбинской пристани отплывали баржи и пароходы, все отплывающие и провожающие на берегу пели вечную память по погибшим товарищам, и эта грустная песнь многотысячным эхом разносилась по угрюмой тайге и уплывала вниз по реке Витиму вместе с рабочими, которые дали клятву отомстить за погибших товарищей.

Как только распространилась по стране весть о Ленском расстреле рабочих, всюду начались политические стачки протеста. Забастовали сотни тысяч рабочих на заводах и верфях Украины. Грандиозное стачечное движение началось в Петербурге, к нему присоединилась Москва, потом Рига и множество других городов.

За советское золото

В начале марта 1917 года до приисков дошла весть о свержении самодержавия. На всех приисках в ближней и дальней тайге собирались митинги, и во главе движения встали бывшие политические ссыльные. Но месяц проходил за месяцем, дороговизна жизни всё росла, и положение приисковых рабочих не улучшалось.

28 июня 1918 года Совнарком издал декрет о национализации разных предприятий и золотых приисков.

Но реализовать этот декрет на приисках не удалось; они были захвачены белогвардейцами Колчака.

Началась дикая расправа с рабочими. Рабочих арестовывали, расстреливали, высылали из приисковых районов по одному только подозрению в сочувствии советской власти.

Колчаковское хозяйничанье принесло с собой сильнейшую разруху. На приисках не было ни денег, ни продовольствия, и многие рабочие, спасаясь от голода, массами уезжали. К весне 1919 года «Лензото» получило, наконец, крупную ссуду от колчаковского правительства и, «опираясь на штыки и нагайки», повело наступление на рабочих. Увеличилось рабочее время, задерживалась зарплата и выдача продуктов. Заработок упал, продукты стали дороже. Начались безуспешные забастовки, и рабочие приняли активное участие в охватившем всю Сибирь партизанском движении против Колчака.

В январе 1919 года вспыхнуло восстание в Бодайбо. Часть колчаковского гарнизона в этом городе имела крепкую связь с рабочими. В ночь с 25 на 26 января рабочие и большевистски настроенные солдаты арестовали колчаковских офицеров, разоружили милицию, заняли почту, телеграф, банк и тюрьму, откуда выпустили арестованных. Восставшие сделали при этом большую ошибку: по просьбе солдат выпустили арестованного белого офицера, который тотчас же занялся организацией подавления восстания. Оно было подавлено на следующий день. Так трагически закончилась попытка отважных рабочих восстановить советскую власть в тылу у Колчака.

После подавления восстания прииски были наводнены полицией и войсками. Началась жестокая расправа. Всякое проявление недовольства жестоко наказывалось. Белый террор царил во всей Сибири до конца 1919 года. Но широкое партизанское движение дезорганизовало тыл Колчака.

Ещё в 1918 году, когда наша молодая республика была в опасности, когда на юге наступали интервенты и белая армия Деникина, на севере — белая армия Юденича, советское правительство эвакуировало часть государственного золотого запаса в Казань. Чехословацкая армия, сражавшаяся вместе с белыми, захватила золото и привезла в Сибирь, чтобы передать Колчаку, чья армия наступала на Советскую страну с востока. Тогда В. И. Ленин дал приказ революционному комитету сибирских партизан во что бы то ни стало отбить У чехов золото и вернуть его советскому народу, которому оно принадлежит.

Чехословаки везли золотой запас в особом поезде под большой охраной. Партизанский ревком послал в тайгу верных людей — отряд, в который входили рабочие с приисков, железнодорожники, рабочие с уральских заводов, чехи-коммунисты, бежавшие из своих белых полков, и коммунисты из пленных австрийцев, оказавшихся в Сибири после первой мировой войны. Это был настоящий, сплочённый дружбой, интернациональный отряд партизан-коммунистов. Эти люди

боролись за счастье и свободу народа, за советскую власть. Они понимали, что золото нужно молодой Советской республике, которая после гражданской войны должна будет строить новые заводы, школы, больницы, проводить новые пути, налаживать производство.

На одной из станций, где чешский поезд с золотым грузом стоял на запасном пути, партизаны обезоружили охрану, машиниста и кочегара столкнули с паровоза, и новый машинист-партизан взялся за управление. Поезд рванулся с места. В это же время один из партизан перерезал телеграфный провод, чтобы прервать связь по линии, а когда поезд миновал станцию, партизаны взорвали за ним путь во избежание погони.

Поезд быстро продвигался на запад, навстречу фронту, который отступал с колчаковской армией на восток. Поезд набирал скорость. Но белогвардейцы быстро наладили телеграфную связь, и по линии полетели тревожные телеграммы с сообщением, что большевики захватили поезд с золотым запасом, что его во что бы то ни стало надо задержать.

На одной из станций поезд под обстрелом белых, не успевших разобрать путь, проскочил мимо вокзала, и когда начальник станции догадался, что надо перевести стрелку и этим вызвать крушение, было уже поздно — поезд вырвался за её пределы.

Зная, что теперь их продвижение известно по всей линии и что на следующей же станции их смогут за* держать, партизаны решили разгрузить поезд и спрятать золото в тайге, закопав его глубоко в землю, а поезд взорвать. Действительно, на станции белогвардейцы частично разобрали путь и устроили заставу с пулемётами и пушками. Но поезд всё не шёл. Тогда начальство догадалось о хитрости большевиков и послало отряды в тайгу. Белогвардейцы рассыпались по лесу в поисках золота и партизан, но ничего не нашли. Не встретив ни одного человека, они стали освобождать железнодорожную линию от обломков вагонов и паровоза, чтобы пропустить воинские и санитарные эшелоны, шедшие к линии фронта.

Когда путь был восстановлен, партизаны остановили один из санитарных эшелонов и погрузили мешки с золотом в пустые вагоны. Начальник поезда — военный врач — не только не протестовал, но согласился помочь большевикам и не выдал их коменданту-колчаковцу на следующей станции, где меняли паровоз.

Фронт приближался. Скоро поезд должны были загрузить ранеными белогвардейцами. Куда спрятать золото? Или как проскочить через линию фронта? Партизаны-железнодорожники

знали, что в пути от главной железнодорожной магистрали отходит боковая ветка, которая связывала горные заводы; она шла через туннели в горах и потом опять вливалась в главную магистраль. Решили рискнуть и свернуть в сторону, а после прохода поезда взорвать за ним путь. Так и сделали.

Поезд медленно продвигался вперёд, вошёл в первый туннель и остановился. Выход из туннеля был доверху завален землёй. Партизаны принялись раскапывать завал. А в это время в прифронтовом городе ждали прибытия санитарного поезда. Прошли все сроки, а поезд не приходил. Колчаковцы послали на паровозе разведку по линии. Но разведка ничего не обнаружила, кроме взорванных рельс боковой ветки.

Куда же девался поезд? Куда он исчез? Не поднялся же он в небо. Отряд колчаковцев пошёл проверять ветку.

Партизаны были на страже и задолго до туннеля начали стрелять в отряд, чтобы предупредить своих. Услыхав выстрелы, большевики бросили работу в туннеле, подложили взрывчатку и взорвали туннель, чтобы похоронить в нём золото до лучших времён. Люди успели спастись.

Фронт быстро продвигался на восток, и скоро захороненное сокровище оказалось на советской земле.

Был и ещё один «золотой поезд» из Сибири. Когда на Екатеринбург (Свердловск) в помощь белой армии двинулись чехи, там хранилось около шестисот пудов золота и платины, а в банках — на полмиллиарда денег. Из Москвы была послана телеграмма: «В случае дальнейшего продвижения чехов на Екатеринбург весь золотой запас, платину, денежную наличность немедленно эвакуируйте в Москву под надёжной охраной с вернейшими людьми. Потеря ценностей — удар по советской власти. При перевозе избегайте опасных мест. Возможны преследования. В случае невозможности доставить в Москву — скройте ценности на месте. Организуйте боевую дружину, чтобы оставить её в тылу чехов для партизанских действий и охраны района, где будет спрятано золото. Пред. ЦИК Свердлов».

Золото удалось тайно погрузить в поезд и под охраной отправить в Москву. Всё шло гладко до Ярославля, где в это время велись бои. Комиссар поезда повернул его на Пермь. Там удалось разгрузить поезд и временно спрятать золото, платину и деньги в здании семинарии. Но на бумажные деньги напали крысы, кошек не хватало. Тогда, спешно погрузив ценности в теплушки, перевезли их в угольный район, где сбросили в старую шахту, и шахту взорвали, чтобы завалить в неё вход. Сразу после этого комиссар получил телеграмму из Москвы, что путь свободен и золото можно везти в Москву. Но было уже поздно, и

драгоценным металлам пришлось лежать в шахте, пока ею не завладел советский народ. Так колчаковцам и не удалось захватить ни одного из «золотых поездов». Владимир Ильич Ленин представил всех отличившихся в операции с золотым запасом к награде и горячо благодарил от имени народа за то, что они спасли золото Республики.

В декабре 1919 года Красная Армия, опираясь на партизан, окончательно разбила колчаковцев и очистила от них Сибирь. Золотые прииски и вся Сибирь снова стали советскими.

«Золотая земля»

В 20-х годах нашего столетия, перед тем как в Сибири окрепла советская власть, большие богатства были найдены на реке Алдане. Один старатель, рассказывая о прошлом Алдана, говорил о наплыве сюда бежавших из белых армий, о людях, которые бросили всё, чтобы проникнуть в верховья реки Алдан и разбогатеть на золоте. Был среди них один священник, который оставил свой приход, сколотил плот и с огромным трудом добрался в тяжелодоступную местность, где намыл двадцать пять пудов золота.

В те времена золотые прииски на Алдане назывались «краем золота и слёз». Но когда сюда пришла советская власть, Алданские прииски стали планово организованным «валютным цехом нашей Родины», как их назвал академик Ферсман.

Задолго до этого, ещё в 1914 году, один русский

путешественник, побывавший на Крайнем Севере, писал о Колымской земле: «Далеко за пределами всякой цивилизованной жизни, омываемый водами Ледовитого и Тихого океанов, имеющий в своей несложной истории одно, смутно припоминаемое имя простого казака Дежнёва, прозябает в беспросветной глуши богатейший край. О каких бы то ни было рудниках не может быть и речи, нет и намёка на их существование. Ненарушим там покой золота…»

Но Колыма и Чукотка уже стояли на пороге больших открытий и перемен. После Великой Октябрьской революции, когда отгремела гражданская война, наша молодая республика начала строить. Но ни специалистов, ни оборудования не хватало. Приходилось выписывать всё из-за границы и за всё расплачиваться золотом.

Вот тогда советские геологи направились на Крайний Север и после многих лишений и долгих поисков открыли на Колыме и на Чукотке золото. Этот далёкий, неприветливый, холодный край был освоен благодаря упорству и мужеству советских людей. И вскоре здесь выросли посёлки золотоискателей. Золота оказалось так много, что геологи назвали весь этот край «золотой землёй».

Ещё задолго до советской власти эскимосы на Чукотке рассказывали легенду о Золотом Великане. Эта легенда перекочевала из Аляски. Золотой Великан будто бы жил у Клондайка. Он был такой высокий, что часто головой закрывал Луну, и она не могла светить на землю. Луне это не нравилось, и она пожаловалась могущественному Хозяину Пурги. Тот строго сказал Золотому Великану:

— Посторонись! Перешагни через Берингов пролив!

Но Великан не послушался, только засмеялся в ответ. Тогда поднялась невиданная пурга. Снег запорошил глаза Золотому Великану, ветер сбил его с ног, и он упал так, что только ступни ног остались на Аляске, а всё туловище оказалось на Чукотке и в Колыме. После этого и стали находить в Сибири так много золота.

Город Магадан на берегу Охотского моря — столица золотой Колымы. Отсюда прямое полотно широкой автомобильной дороги как стрела устремляется в таёжные дали к золотым приискам. На тысячу двести километров тянется эта колымская трасса, связывая портовый город Магадан со множеством приисков, заводов, шахт. Широкая дорога с разбегу пересекает топи и чащи, взлетает на сопки, мчится по золотоносным долинам. Здесь в тайге и тундре раскинулись сияющие электрическими огнями сотни посёлков, в которых всё больше строится многоэтажных домов… Сильные, смелые советские люди заставили сдаться и

вечную мерзлоту. В посёлках проведены стальные трубы водопроводов, в домах — центральное отопление.

Эта «трасса большого золота» обслуживает золотые прииски: «Фролыч», «Комсомолец», «Незаметный», «Шайтан», «Безалаберный», «Геологический», «Эх бы!» и многие другие… За последние годы Колыма стала неузнаваемой. Магаданские техники и инженеры создали новые гидроэлеваторные установки, которые промывают за сутки, не теряя золота, в три раза больше песков, чем скрубберы. Тут же сконструированы новые отсадочные машины, новые драги. Изменилась и стала неузнаваемой за последние годы Колыма. Достаточно сказать, что геологи за самые последние годы нанесли на карты ещё новые золотоносные районы.

А золото на Лене-реке? Разве оно исчерпано?.. Ведь Лена со всеми своими притоками золотоносна! Она похожа на могучее дерево, корни которого затерялись далеко в прибайкальских горах, а ствол и длинные ветви протянулись до океана… И все они охватывают крупнейший золотоносный район мира. Город Киренск считается воротами «золотой» Лены, а город Бодайбо — её сердцем. До революции здесь хозяйничала компания «Лена-Гольдфильс», слизывавшая только сливки, а потом распустившая слух, что на Лене всё золото исчерпано. На самом же деле золотопромышленники вычерпали россыпи и жилы, бывшие поближе и побогаче.

В старину здесь промывали пески в деревянных бутарах и лотках. Первую крупную драгу фирма «Лензото» купила за рубежом до первой мировой войны. Она застряла в пути во время войны. Пока её довезли до Лены, в морозном воздухе ноября 1917 года над копрами шахт по реке Бодайбинке уже веяли красные флаги; так драга въехала в революцию. Во время гражданской войны прииски были разрушены белогвардейцами, и Советское правительство было вынуждено заключить договор с англичанами на эксплуатацию Ленских приисков. Но вскоре иностранцам указали на дверь и за дело взялись энергичные, сильные советские люди. Теперь на Ленских приисках работают мощные драги, под ковшами лежат богатые золотом пески: и на Артёмовском прииске и в Бодайбо, и в новом месторождении, где обнаружено несметное количество золота.

В Иркутске в настоящее время сооружается самая крупная в мире драга — флагман дражного флота. По размерам она под стать океанскому пароходу, с огромными черпаками, которые будут брать пески с глубины до пятидесяти метров. А командир драги на мостике у пульта управления будет следить по телеэкрану за извлечением золота.

По всему району золотого берега реки Лены природа так щедро рассыпала золото, что его не только хватило уже на сотню лет, но хватит ещё на столько же, а после второго столетия новое поколение геологов снова подсчитает и уточнит его запасы.

В городе Балее (Забайкалье), где ещё в первые пятилетки добывали рудное золото, после Великой Отечественной войны геологи обнаружили такое огромное количество драгоценного металла, что даже было трудно выбрать место для фабрики. Где ни пробивали для фундамента зданий скважину, везде натыкались на золотые жилы.

Теперь в Балейских рудниках в глубь гор уходят бетонированные стволы. Как в тоннелях столичного метро, по ним проносятся электрические поезда, гружённые рудой. Привычно мигают светофоры, автоматически работает вентиляция, калориферные установки, водоотливы и машины нагружают руду на вагонетки. Механизмы здесь выполняют 97 процентов работ, и поэтому в забоях очень мало людей. За последние пять лет производительность здесь возросла вдвое.

Недалеко от Балейских рудников, на реке Унде, работают балейские плавучие драги, промывая пески с большим количеством крупных, округлых, тяжёлых крупиц золота. Ундинский прииск стоит на первом месте в тресте по промывке, и балейское золото по количеству его добычи считается самым дешёвым в стране.

Из Балея золото, запакованное в ящики, отправляется на плавильный завод, а оттуда, в виде кирпичей с маленькой рельефной печатью серпа и молота, — в государственное хранилище.

Когда грузят в нашей стране золотой груз в вагоны поездов или в самолёты, пилоты и железнодорожники деловито вписывают груз в ведомость, как если бы это были ящики с гвоздями или маринованными овощами. Так же и для советских золотодобытчиков золотые крупицы, золотой песок и самородки представляют собой не что иное, как обычный металл — одно из двадцати пяти полезных ископаемых, добываемых в Советском Союзе. Золото ценят и берегут у нас для народа, для государства. Уже забываются в нашей стране слова Гёте из баллады Мефистофеля: «Люди гибнут за металл» и слова Пушкина: «Всё куплю, — сказало злато». Каждый советский человек знает, что нам нужно золото только для покупки за рубежом машин, химического оборудования и пшеницы, когда у нас неурожай.

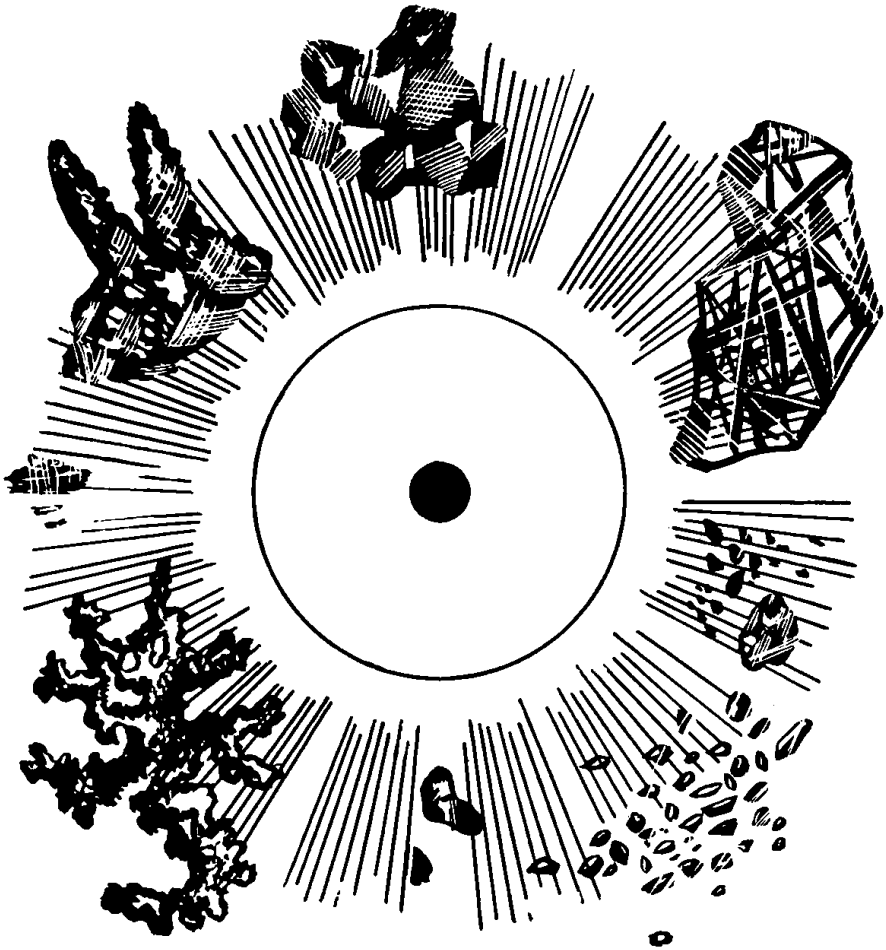
За последние годы в геологическое управление поступило ещё двести восемьдесят заявок на новые промышленные россыпи золота и редкие металлы в Сибири. Найдено золото и на юге, в

горах Армении, и под песчаными барханами, в пустыне Кызылкум, причём геологи обнаружили здесь древние выработки. Об обилии золота «в пустынной стране магасетов» писал ещё двадцать пять веков тому назад Геродот: «По одежде и образу жизни магасеты похожи на скифов… Головные уборы, пояса и перевязи у них украшены золотом. Железа и серебра в их стране нет, тогда как золото и медь — в изобилии. Уздечки, удила и стремена они тоже приготовляют из золота».

В начале нашего столетия зоолог Зарудный, изучая Кызылкумы, собрал попутно образцы разных пород. В одном из образцов геологи нашли золото. И вот в 1959–1960 годах с помощью новейшей аппаратуры геофизики установили, что Геродот был прав, — в Кызылкумах действительно есть много золота. Когда геологи впервые приехали на месторождение золота, здесь был только глубокий песок. Воды же совсем не было. Её привозили к месту работы по расписанию на машинах и самолётах. А песчаные бури налетали внезапно без всякого расписания, и тогда на несколько дней все работы прекращались. А надо было прежде всего уточнить мощность золотого месторождения под барханами, заложить шахты, решить, как и откуда доставлять воду. Так было в 1960 году, а теперь среди барханов уже стоит электростанция и начинаются работы в шахтах.

Месторождение оказалось богатым, и в недалёком будущем здесь вырастет город, появятся цехи золотых промыслов, сюда проведут воду для промывки золота.

Загадки золота



Откуда произошло название жёлтого блестящего металла? Если посмотреть в сочинения М. В. Ломоносова, замечательного русского химика и металлурга, то в его произведении «Первые основания металлургии и рудных дел» мы прочтём: «Для показанных сего металла (золота) свойств высоких, уже от древних лет назвали его химики Солнцем и дали ему тот же знак, которым астрономы Солнце изображают».

Действительно, алхимики в средние века изображали золото кружочком с точкой посередине. Так же в древних иероглифах обозначалось Солнце. В Египте всё золото принадлежало фараонам, которые считались сынами бога Солнца. Естественно, что сын Солнца должен владеть металлом Солнца. По-латыни же золото называется «аурум», что происходит от «аурора» —

утренняя заря.

За истёкшие тысячелетия золота добыто свыше пятидесяти тысяч тонн, а развивающаяся техника и усовершенствование способов его получения всё увеличивают это количество.

В настоящее время подсчитано, что извлечённое человечеством золото составляет только одну миллионную часть того количества, которое ещё скрыто в земной коре.

Золото распространено во всей природе. Его нашли в атмосфере Солнца, в падающих метеоритах и даже в морской воде. По последним подсчётам каждый кубический километр морской воды содержит пять тонн золота; во всей массе воды океанов и морей золота имеется десять миллиардов тонн.

Много делалось попыток выделить золото из морской воды. Сколько идей, энергии и средств было вложено в это дело! Сколько акционерных обществ разорилось на этих работах!

Пытались выпаривать воду океана в огромных масштабах в тропиках, а затем из оставшихся солей извлечь золото. Но всё было напрасно.

Затем было найдено, что некоторые вещества поглощают находящиеся в морской воде частицы золота. Такими свойствами, например, обладают особым образом обработанные шлаки доменных печей, древесный уголь, кокс… Но опыты успеха не имели. Они потерпели полную неудачу, не окупив даже и самой малой доли средств, затраченных на эти попытки. Немало труда положили на поиски золота и в отложениях солей, которые являются остатками высохших морей прежних геологических эпох. Ведь нет никаких оснований считать, что в воде древних морей не было золота. Однако месторождений золота, связанных с отложениями морских солей, ещё пока никто не открыл.

Золото, как и другие тяжёлые металлы, содержится в минеральных массах в недрах земли в расплавленном состоянии. Когда эти массы поднимаются в верхние слои земной коры, где давление меньше, они начинают остывать и затвердевать. Так создаются жилы, заполняющие трещины в толще осадочных пород, лежащих выше, жилы из кварца и жилы различных руд, в том числе и золота. Попадает оно и в граниты. В кварцевых жилах золото выкристаллизовывается при температуре в 150–200 градусов. При разрушении гранитов и кварцевых жил под действием солнца, атмосферных вод, мороза, заключающееся в них золото остаётся неизменным. Частицы разрушенных пород сносятся текучими водами со склонов гор в долины. Наиболее лёгкие частицы уносятся течением рек, золото же, благодаря своему большому удельному весу (19,3), скапливается в нижних частях рыхлых отложений, образуя россыпи.

Странствуя по поверхности земли, золото механически измельчается до микроскопических размеров и в таком виде уносится реками в огромных количествах.

Ни одна кислота не растворяет золота. Только в смеси двух сильных кислот — азотной и соляной — оно растворяется совершенно. Такая смесь кислот до сих пор называется «царской водкой», наверное потому, что способна растворить «царя» металлов — золото.

Частично золото всё же растворяется в речной воде, содержащей большие количества хлора или брома, особенно в южном климате. Затем оно перекристаллизовывается и попадает в растения и в почвенные покровы.

Опыты показали, что корни деревьев всасывают золото в свою древесину. Оно обнаружено в корнях, в коре, в ветвях деревьев и в травах, растущих на богатых россыпях. Только неизвестно, как золото переходит в раствор, как проходит через корневую систему и движется по сосудам растений, какие вещества способствуют его растворению и какие — его осаждению.

До сих пор ещё не прослежен сложный путь миграции золота от его коренного месторождения до таких неожиданных мест его нахождения, как например селезёнка быка или стебель подсолнечника, растущего в местности, где никакого золота нет. В довольно большом количестве собирается золото в зёрнах кукурузы, выросшей на почве, в которой химическим путём золото не обнаружено. Ещё больше его накапливается в золе некоторых каменных углей — до одного грамма на тонну золы. Так же в одной тонне золы болотного хвоща найдено шестьсот граммов золота, а в почве, на которой хвощ вырос, золота было всего около одной десятой грамма на тонну.

Нашли золото и в табаке, в овсе и в пшенице. Затем золото было обнаружено в рогах и копытах оленей и в копытах диких кабанов. Но в костях и зубах этих животных золота не было. То, что растения накапливают в себе золото, и то, что золото попадается в определённых частях тела животного, доказывает, что оно играет какую-то роль в организме. Но какую? Это пока ещё не ясно.

Таким образом, золото в земной коре проходит сложнейший путь, пока не попадёт в руки человека. Как ни бьётся больше двух тысяч лет человеческая мысль в борьбе за добычу золота, всё же полная история этого металла никому неизвестна. Куда делось, например, золото, вынесенное в моря и океаны после размыва грандиозных горных цепей и гранитных скал? Куда могло пропасть золото древнего Пермского моря, оставившего у своих бывших берегов богатейшие остатки солей, известняков и

битумов?

Почему форма золотинок различных россыпей самая разнообразная? В каждой данной россыпи они имеют более или менее одинаковую форму. Чаще всего встречаются мелкие плоские округлённые пластинки, иногда «проволочки», неправильных очертаний, «дробинки». Иногда в россыпях встречаются самородки, причём в россыпях их встречается больше, чем в коренных месторождениях.

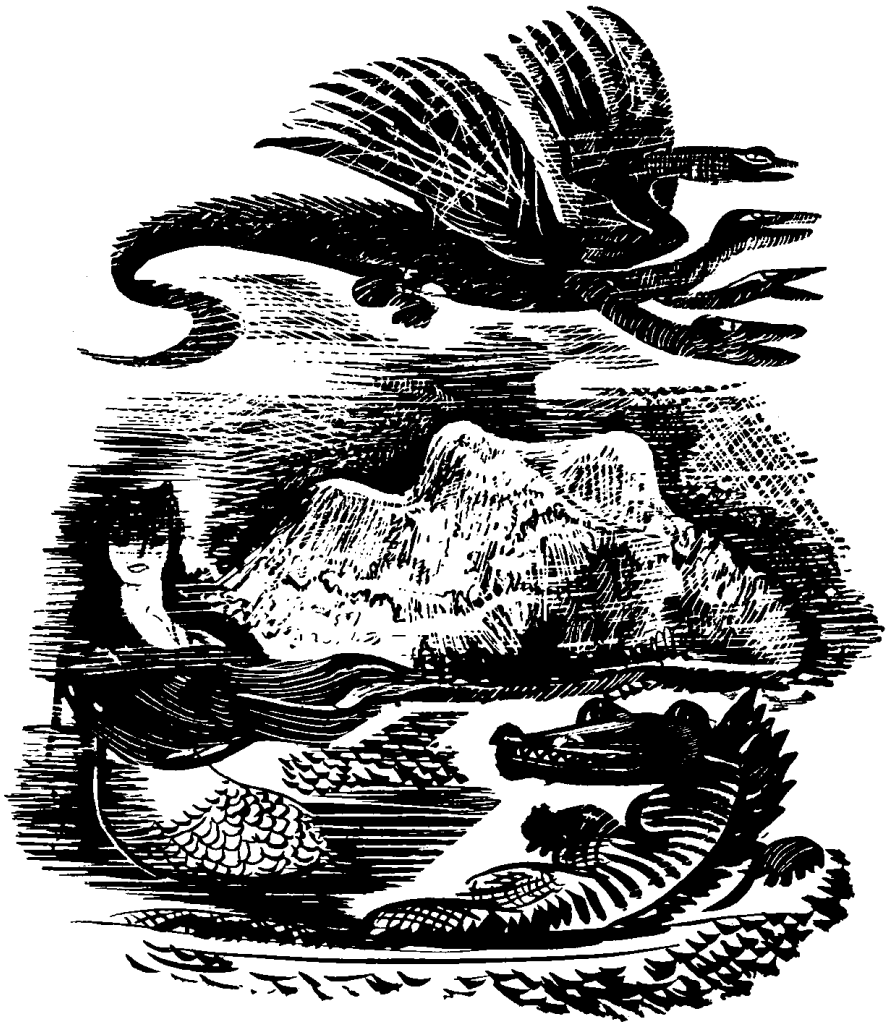
Отчего уже выработанные россыпи неведомым путём иногда снова настолько обогащались золотом, что их опять было выгодно разрабатывать?

Очень интересен вопрос относительно состава золота из коренного месторождения и из россыпи, образовавшейся в результате его разрушения. Исследования показали, что проба золота из россыпей более высокая, чем золота из коренного месторождения, давшего эту россыпь.

Металлическое золото в природе не является химически чистым, а содержит примеси серебра, меди, железа, палладия и других элементов. От количества этих примесей зависит «чистота» золота или, как говорят, его «проба». Если золото 923 пробы, это значит, что в данном образце на каждые 1000 частей приходится 923 части химически чистого золота и 77 частей примесей (чаще всего серебра и меди).

Оказывается, что чем дальше от коренного месторождения, чем ниже по течению реки существующей или существовавшей взяты золотинки для исследования, тем выше их проба. Видимо, по мере передвижения золотинок вниз по руслу реки с поверхности каждой золотинки выщелачиваются, извлекаются примеси серебра, меди и других элементов.

Самородки



Хотя большинство самородков золота и найдено в россыпях, тщательное их изучение доказало, что они, несомненно, образовались и выросли в коренном месторождении. На всех самородках имеются следы истирания поверхности под воздействием ударов о камни, трения гальки и песка при передвижении самородка по дну когда-то существовавшего потока, отложившего данную россыпь.

Только внимательное и детальное изучение самородков позволяет установить их истинное происхождение. В капиталистических странах в алчной погоне за деньгами все самородки обычно разбивались на мелкие куски или

переплавлялись немедленно после их находки. Никто их не изучал и не описывал. В СССР же систематические и планомерные исследования местонахождений золота и самородков ведёт Научно-исследовательский институт золота. Все самородки и кристаллы золота, интересные в научном отношении, изучаются, описываются, а затем хранятся в государственных хранилищах и в музеях.

Самый большой самородок, найденный в России, весит тридцать шесть килограммов. Сто лет назад он был назван «Мировым монстром», а теперь называется «Большим треугольником» — по своей форме. Нашли его в 1842 году в старом прииске на берегу небольшой речки Ташкутарганки. Прииск был уже выработан, остался только небольшой неисследованный участок под зданием фабрики. Так как прииск был богатым, разобрали фабрику и под основанием здания нашли небольшое гнездо шириной всего в двенадцать вершков. Когда докопали до глубины около четырёх метров, наткнулись на глыбу самородного золота весом в 36 килограммов 22 грамма. Самородок лежал под самым углом фабрики, недалеко от рудничного пруда.

Тщательное изучение этого самородка показало, что он вырос из раствора в кварцевой жиле. Он заполнил собой крупную полость, на стенках которой росли большие и мелкие кристаллы горного хрусталя, расположенные различным образом. На поверхности самородка были видны и форма, и строение былой полости, стенки которой отпечатались, как на гипсовом слепке, на поверхности золота. Попав затем в русло речки, он сильно пострадал от трения гальки и песка. Но, по-видимому, он был относительно быстро закрыт наносами, предохранившими его от дальнейшего повреждения.

Замечательные самородки найдены на Староандреевском прииске по реке Тыелге, левом притоке реки Миасс. В 1936 году бригада старателей А. Сурова разрабатывала заброшенную на много десятилетий шахту и неожиданно натолкнулась на «куст» золота в кварцевой жиле, и кое-как оборудованная маленькая шахта за два дня дала больше сорока килограммов золота: два больших куска (один весом в 14 килограммов 231 грамм и другой весом в 9 килограммов 386 граммов) и около десятка более мелких.

Эта жила на Староандреевском прииске была неожиданно заброшена ещё в 40-х годах прошлого столетия, и никто не понимал почему. Прииск привлекал внимание своими богатствами ещё в 30-х годах XIX века, а в конце прошлого столетия на нём были едва заметны старинные заброшенные

шахты.

Никто из местного населения не мог сказать, что здесь произошло. Правда, высказывались догадки, что в этом руднике работали очень неохотно, потому что рудник был местом ссылки осуждённых, и будто бы они намеренно скрыли продолжение золотоносной жилы, завалив рудник деревянными крепями. Инженеры обращали не раз своё внимание на эти неожиданно закрытые шахты.

Но прошло почти сто лет, прежде чем прииск неожиданно вспомнили правнуки уральских старателей. Вот что рассказал бригадир старателей А. Суров: «Я познакомился в 1934 году со стариком Павлом Порфировичем Булдашевым. Однажды дед Булдашев мне говорит: “На Тыелге есть старая шахта, лет сто ей, пожалуй, будет. Покойный отец сказывал, будто бы она богата золотом. Не попробовать ли нам поискать счастья на этом месте?” Договорились организовать бригаду. Стали работать и прошли штреком четыре метра. Утром, проводив первую смену в шахту, я вернулся домой. Вдруг прибегает Павел Порфирович и говорит: “Пойдём в шахту, показалось золото…” Спустились в шахту, забойщик Щепочкин показывает мне кайло, на котором осталась золотинка. Стали копать дальше. Выкопали самородок с грецкий орех. Потом за полчаса набрали с пол-ящика руды, в которой оказалось три крупных самородка.

А когда приступили ко второй выборке, я почувствовал под руками большую глыбу. Попробовал поворотить её кайлом — не удалось. Взяли лом, и ломом выворотили огромный самородок».

Все самородки залегали на глубине двенадцати метров, приблизительно в одной горизонтальной плоскости на расстоянии двадцати — тридцати сантиметров друг от друга. В государственном хранилище СССР из этого прииска лежат два самородка: Большой и Малый тыелгинский.

Это громадные, сверкающие куски золота, состоящие из тончайших золотых пластинок, местами почти плёнок. Пластинки прикрепляются к более массивным золотым частям самородков весьма сложных очертаний. Оба самородка полностью сложены из золота, и только в очень небольшом числе видны застрявшие в глубине между пластинками золота маленькие кусочки серого, полупрозрачного кварца. Отдельные слагающие самородок золотинки имеют вид своеобразных проволочек, всегда изогнутых, скрюченных, иногда ветвистых.

Удивительный по форме самородок был найден в октябре 1935 года. Недалеко от прииска, у дороги, работал старатель Пётр Симонов. Он долго трудился над снятием верхнего слоя земли, который промёрз и был очень твёрд. Устав, Симонов сел

на пенёк отдохнуть. В это время по дороге проходили две девушки. Увидав уставшего старателя, они перемигнулись и со смехом сказали: «Заморился, труженик? Дай-ко, мы тебе поможем!»

Схватили лом и кайло, лежавшие рядом со старателем, и с трудом сняли твёрдый слой мерзлоты. Даже не посмотрев в яму, они отбросили инструменты и ушли, крикнув с насмешкой:

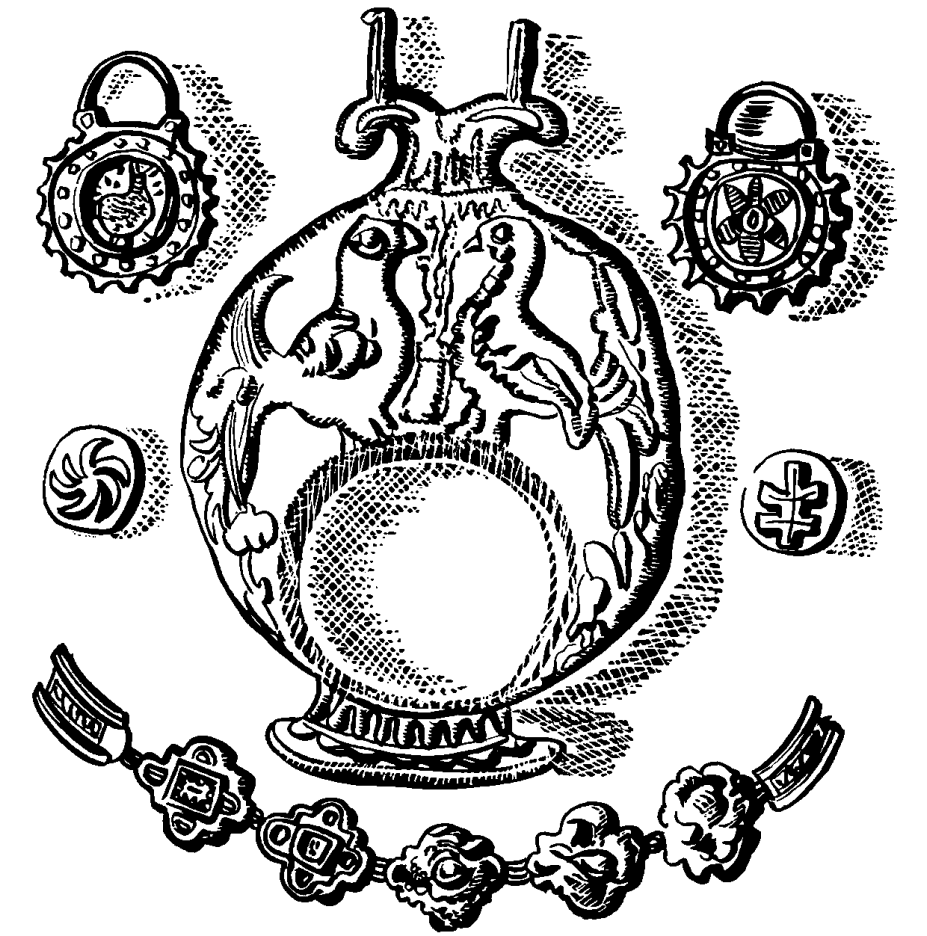
— Теперь старайся!

Когда они скрылись из виду, Симонов поднялся с пенька, заглянул в яму и окаменел от удивленья. Там на вскрытой поверхности из земли торчало два сверкающих уха. «Совсем как заячьи уши!» — подумал Симонов и вытащил золотой самородок, который весил три килограмма триста сорок пять граммов. Самородок был похож на голову какого-то зверя с торчащими ушами. На нём были видны отпечатки кристаллов разных минералов, главным образом горного хрусталя. Он, видимо, вырос в кварцевой полости, но, судя по формам его выступов (ушей), заполнил её не целиком.

Самородки золота бывают самого различного вида.

Например, около Свердловска был найден самородок весом в 624,7 грамма, похожий на ветку дерева. Это был ярко блестящий золотой кусок очень красивого ажурного рисунка. Он состоял из разных веточек с наросшими кристалликами золота в виде листьев. Такие «дендритовые» самородки бывают и у меди, и у серебра. Но у серебра, из-за его лёгкой окисляемости, они встречаются чрезвычайно редко. Благодаря своей красоте этот «дендритовый» самородок золота находится в государственном хранилище рядом с золотыми гигантами. А сколько их ещё хранится в музеях Советского Союза! Очень красив сросток кристаллов золота, найденный в россыпях реки Храм в Закавказье. Он напоминает куст какого-то растения с удлинёнными отдельными листочками. И, пожалуй, ещё интересней форма самородка в виде какого-то пресмыкающегося, ящерицы или крокодильчика, с большой головой, лапами и свёрнутым в колечко хвостом. Это, вернее, не самородок, а сросток кристаллов золота причудливой формы.

В ценности — причина гибели



Золото было всегда не только тайным двигателем человеческой деятельности, но и выразителем красоты. В искусстве, например, с древнейших времён пользовались золотом для создания произведений особой пышности.

Правда, искусство может обойтись и без ценности материала: из рук художника ничего не значащая глина, ничего не стоящий камень выходят в виде вдохновеннейших творений, которые и по прошествии тысячелетий всё ещё восхищают глаза ценителей. Но там, где искусство служило выражению господства и могущества властителей, или религиозному культу, или стремлению человека себя украсить, оно всегда обращалось к золоту. От царских и королевских корон, символа величия и власти, от шитья на блестящих мундирах царедворцев, от украшений на оружии полководцев и вплоть до серёжек и брошек, которые

надевают в праздничный день женщины, — золото служило почти единственным материалом для выделки этих вещей.

Было время, когда человек прибегал к золоту и для того, чтобы выделывать из него утварь, украшавшую его дом и стол. Изысканное уменье жить выражалось в том, чтобы при еде и питье, помимо чисто вкусовых ощущений, и глаз мог бы восхищаться благородными формами посуды из дорогого красивого материала.

Богатый римлянин античного мира, так же как зажиточный француз времён короля Людовика XIV. считал, что необходимым условием существования является драгоценная посуда.

В балладе «Певец» известный немецкий поэт Гёте дал образ певца, который взамен других даров, предложенных ему королём, просил только дать ему выпить вина из золотого кубка, чтобы испытать полное наслажденье.

Громадное распространение имело применение золота и в церковном обиходе. Сохранились ещё кое-где списки церковных сокровищ: сосудов, кадильниц, лампад. Но куда исчезли эти тысячи килограммов обработанного золота и серебра? Часть, конечно, могла расплавиться при пожарах, утварь разграблена и смята во время войн, но большая часть была переплавлена в монету и в слитки для государственных нужд.

Что же дало золоту такое большое преимущество перед другими металлами? Конечно, не только сравнительная редкость его нахождения, но главным образом его физические свойства — тягучесть и вязкость, которые делали его пригодным для обработки молотом в холодном состоянии, а также его специфическая красота, которая не имеет себе равных среди других металлов, — его солнечная желтизна, или ярко сверкающая, или нежно бархатистая на зеркально гладкой поверхности. К этому надо ещё прибавить свойство золота сохранять свою красоту неизменной в течение очень долгого времени: оно не окисляется и не ржавеет ни на воздухе, ни при действии на него разных кислот. Но так как золото в чистом виде очень мягкий металл, ему приходится придавать необходимую для технической обработки твёрдость.

Примесь посторонних металлов изменяет цвет золота, что иногда очень важно для выделки украшений. В сплаве с медью золото делается краснее, с серебром — бледнее. Но этими двумя оттенками не ограничиваются, когда хотят украшениям придать разноцветный вид. Это достижение, которое в ювелирном искусстве носит название золота «в четыре цвета», производит очень сильное впечатление. Зеленоватое золото получают сплавлением 32 частей чистого золота с 11 частями серебра и 5

частями меди; жёлтое — сплавлением золота, серебра и меди в отношении 4:3:1; примесь серебра и стальных опилок даёт серое золото. Голубой оттенок получается при сплавлении равных количеств чистого золота и стальных опилок; для получения белого золота смешивают 11 частей золота с одной частью платины.

Употребление и обработка золота известны с глубочайшей древности. О широком распространении золота среди малоазиатских народов говорят ветхозаветные книги древних иудеев, а у египтян — раскопки, относящиеся к самым ранним династиям.

Золото высоко ценилось и в Древнем Шумере (Двуречье) уже в XXVI веке до нашей эры. В царских погребениях этого периода найдено большое число золотых и серебряных предметов и украшений. Погребальные камеры могилы царицы Шубад, как и других царей и цариц, были заполнены золотой посудой, кубками, предметами украшений, золотым оружием.

В списках ремесленников с самых древних пор встречаются ювелиры и золотых дел мастера не только в Египте, но и в древнейшем городе Двуречья — Уре, в Ассирии и Вавилоне.

Что древние греки широко пользовались золотыми изделиями, доказано раскопками Шлимана в Трое и Микенах. Но употреблявшиеся в Греции золотые украшения и утварь выделывали финикияне. И хотя в гомеровских песнях приёмы работы над золотом рассматриваются как нечто известное, они всё же были в руках «сидонских обитателей» — жителей финикийского города Сидона. Только после Гомера обработка золота распространилась в Греции.

В Италии племя этрусков было первым, начавшим обработку благородных металлов, но к ним это искусство также пришло из Финикии. Позднее этруски в этом отношении были учителями римлян.

Для самородного и мягкого золота древнейшей техникой была холодная обработка металла путём ковки, давления и вытягиванья; уже позднее привилась горячая обработка посредством литья. Чтобы расплющить кусок самородного золота молотком в тонкий лист, не требовалось никакого особого искусства, так что существование листового золота в период каменного века не кажется странным. Из листового золота вырезывались плоские украшения и делались сосуды. Для этого сгибали золотой лист просто рукой и молотом плотно прибивали его к деревянной форме. Края соединялись или заклёпками, или путём загибания и сколачиванья швов. Так же старо, как изготовление сосудов из листового золота, и его употребление

для украшения жилищ, когда выступающие части деревянных построек покрывались досками из благородных металлов — серебра и золота. Позднее стали создавать золотые выпуклые изделия; для этого в каменные формы вбивалось листовое золото или выдавливался рисунок, вырезанный на твёрдом металле, который потом отпечатывался на мягком золоте.

Раскопки в Греции и на Черноморском побережье обнаружили массу мелких дисков и дощечек из чеканного золота, которые нашивали на платье, укрепляли на оружии и служили для украшений. У римлян эти чеканные дощечки на вооружении солдат имели, по-видимому, такое же значение, как наши ордена.

Филигранная работа принадлежит тоже к древнейшим обработкам золота у египтян, народов Малой Азии и Средиземноморья. Позднее стало применяться литьё расплавленного золота в заранее приготовленные формы.

Проследить историческое развитие производства золотых украшений и утвари очень трудно. Если золото и не принадлежит к тем металлам, которые портятся от времени, то именно в этой ценности золотых изделий как раз и заключается опасность для их долговечности. С одной стороны, украшения так тесно связаны с модой, что при изменении покроя одежды должны измениться и они. Из-за их ценности украшения, вышедшие из моды или ставшие неудобными, не выбрасывались и не сохранялись, а просто переделывались. Таким образом, утрачены многие формы древних украшений. Кроме того, во время войн их захватывали как драгоценную добычу или при недостатке в деньгах их расплавляли в слитки и чеканили монету. Поэтому сохранению украшений и утвари мы всецело обязаны существовавшему у большинства народов обычаю хоронить знатных особ со всей присущей им при жизни пышностью.

Как мы уже видели, этот обычай был особенно распространён у древних народов — в Египте, в Древней Греции, на берегах Чёрного моря, на Крымском и Таманском полуостровах и в Колхиде, где издревле добывалось и обрабатывалось золото. Почва Италии также сохранила некоторые сокровища, но ничтожно мало, если сопоставить их с колоссальной роскошью римских императоров. К тому же при раскопках многое было переплавлено вследствие жадности и невежества.

О сокровищах, накопленных в Византии, известно из указаний древних писателей и по предметам, которые в виде покупок или подарков попадали в Западную Европу. Однако эти остатки не дают никакого представления о той роскоши и любви к благородным металлам, которыми отличались византийские дворцы и храмы. Только благолепие богатейших русских церквей

с их позолоченными иконостасами, золотыми ризами икон со вставленными самоцветами, позолоченными дароносицами и кадильницами до некоторой степени является слабым напоминанием о древних византийских храмах.

Замечательные золотые изделия неведомых древнескифских и греческих ювелиров были найдены в скифских курганах на юге нашей страны и в Сибири. Эти золотые изделия составляют сейчас замечательную коллекцию Особой кладовой Эрмитажа в Ленинграде.

О скифском золоте сохранился рассказ, записанный Геродотом. Он писал, что первым человеком в стране скифов, тогда ещё совсем пустынной, был Таргитай, у которого родились три сына. При их жизни с неба упали на скифскую землю золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша. Первым увидел эти предметы самый старший из братьев. Он подошёл к ним, чтобы взять, но при его приближении золото воспламенилось, и он отступил. Потом подошёл средний брат — с ним произошло то же самое. Золото своим огнём не допустило к себе двух братьев. С приближением же третьего — самого младшего, золото потухло, и он отнёс его к себе в дом. Поэтому старшие братья согласились уступить младшему всё скифское царство.

С тех пор это золото стало «священным». Каждый последующий скифский царь ревниво охранял его. Скифы ему поклонялись как божеству, спустившемуся с неба, и приносили ему жертвы.

В VII и VI веках до нашей эры на скифских золотых вазах, кубках и украшениях главным образом изображались животные, которых скифы почитали как священные существа. Скифы выработали свою особенную манеру в искусстве. К наиболее ранним произведениям их стиля относятся чеканные золотые фигуры пантеры и оленя, найденные в могилах скифской знати на Кубани. Эти массивные большие пластины служили украшением воинских щитов. Позже излюбленным сюжетом стало изображение борьбы зверей. Например, на золотой культовой чаше для возлияний из кургана «Солоха» рельефно изображены два льва и пантера, терзающие лань. Ювелиры Боспорского царства (восточный Крым и Тамань), зная вкусы своих заказчиков-скифов, воспроизводили сцены из их жизни, тщательно изображая все подробности одежды и оружия.

В III и II веках до нашей эры появляется стремление не только к красоте формы, но и к богатству расцветки, поэтому золото стали комбинировать с драгоценными камнями и эмалью.

В фонд Особой кладовой Эрмитажа входит и сибирская коллекция царя Петра I из Кунсткамеры.

В конце XVII и начале XVIII веков жители Западной Сибири начали раскапывать древние курганы и нашли в них много золотых украшений. Большое количество их купил владелец Тагильских заводов Демидов. В 1715 году он преподнёс их императрице. Пётр I ими очень заинтересовался, и тогда же составил свою знаменитую коллекцию из 250 древних золотых украшений, которые принадлежали сарматам и скифам.

Кроме того, в Особой кладовой имеются изделия западноевропейских и русских мастеров XVI–XVIII веков. Среди них — золотая табакерка, принадлежавшая Николаю Зубову. По преданию, этой табакеркой Зубов оглушил Павла I в Михайловском замке, перед тем как его задушили.

Здесь же лежат золотые, усыпанные бриллиантами корона и скипетр — регалии русских царей. В1900 году, когда открывалась в Париже Всемирная выставка, её устроители просили прислать подлинную царскую корону, сделанную знаменитым мастером Позье для коронации Екатерины II (XVIII век). Но по правилам царские регалии не должны были покидать Российскую империю. Поэтому известный ювелир Фаберже изготовил точную копию короны и скипетра, уменьшенные в десять раз. Эти копии и лежат сейчас в Эрмитаже.

Западное средневековье в течение долгого времени находилось под влиянием художественного вкуса античного мира. Во время Меровингов прославился франкский золотых дел мастер монах Элогиус в Лиможе (VI в.), который позднее был причислен католической церковью к лику «святых». В последующие века золотых дел мастерами тоже были монахи. Церковь была первой и самой главной заказчицей золотой и серебряной церковной утвари, а монастыри — мастерскими для всех отраслей художественной промышленности, особенно для выделки золота.

Наиболее известным в этом отношении был монастырь святого Галлена с мастерами-монахами. Другая золотых дел мастерская процветала в городе Трире (X в.). Во всех странах попечение о золотом мастерстве находилось в руках духовенства.

В XIII веке с ростом городов и золотое мастерство перешло в городские артели ремесленников — в золотоделательные цехи. Эти цехи возникли во всех западноевропейских странах.

Особенно сильно развилась церковная обработка золота после крестовых походов.

Это было время «домашних сокровищ», которые вместе с землями и вассалами считались важным признаком княжеского могущества.

В Италии золотых дел мастерство было связано со стоящими

вне цеховой зависимости искусствами: ваянием, живописью и архитектурой. В XVI веке многие известные мастера живописи начали свою карьеру с изучения золотоделательного мастерства.

Среди многочисленных имён золотых дел мастеров имя знаменитого художника XVI столетия Бенвенуто Челлини (1500–1572) сияет так ярко, что почти заслоняет все остальные имена. Он, как и многие другие флорентийские художники, начал с золотых дел мастерства и всю свою жизнь продолжал ювелирные работы. Но большинство его гениальных ювелирных произведений, к сожалению, утрачено.

Слава Бенвенуто Челлини гремела далеко за пределами его отечества. Его вызывали даже во Францию ко двору короля Франциска I для выполнения специальных заказов. Из его работ сохранилось кое-что в музее Лувра в Париже, в музеях Флоренции, а золотая солонка Франциска I сохраняется в Венском историческом музее. Ювелирные произведения Челлини отличаются большим вкусом и изяществом. Последние двадцать лет своей жизни Челлини работал во Флоренции, выполняя заказы герцога Медичи.

Много сделал для развития золотого мастерства известный базельский художник Гольбейн. Он состоял на службе у английского короля Генриха VIII и создал для его двора большое количество украшений и художественных сосудов.

В XVI–XVII веках все жилища убирались с большой роскошью. На первом месте в этом отношении стояла Венеция. Там каждый капитан судна отделывал свою каюту резным деревом с позолотой и золотой утварью. В Испании человека не считали богатым, если у него не было нескольких тысяч золотых и серебряных тарелок. Историки называют богачей, у которых было до 15 ООО золотых блюд! Франция и Германия не отставали в этом отношении от Испании. В Аугсбурге был, например, дом банкира Фуггера, в котором потолки были выложены листовым золотом.

В XVIII веке, кроме отдельных прекрасных работ выдающихся мастеров, появились целые столовые убранства в стиле барокко, к которым в любящих пышность дворах духовных и светских властителей иногда присоединялась массивная золотая и серебряная посуда. Большая часть золотых и серебряных изделий во время войн XIX столетия была переделана в монеты. Во Франции почти ничего не сохранилось, так как во время революции 1789 года все церковные и частные сокровища были конфискованы и переплавлены.

В России, кроме древних скифских сокровищ, найденных в курганах, мало что сохранилось до наших дней. После крещения

Руси князем Владимиром прибыли в Киевскую Русь вместе с духовенством из Византии зодчие, золотых дел мастера и иконописцы. Были построены православные храмы, в которых, несомненно, была богатая золотая и серебряная утварь, но частью они сгорели, частью были разрушены и разграблены татарами. Самым древним памятником XI века нужно считать храм Софии в Киеве. Но София два раза горела, а Батый разграбил всё, что можно было разграбить и даже выбросил из могил кости князей, видимо надеясь найти в могилах золотые украшения.

После перенесения столицы в Москву были построены новые богатые церкви. Но чем большее значение приобретала Москва, тем большей опасности подвергались её церкви и дворцы. Сперва междоусобия удельных князей, затем полчища татар грабили и жгли Москву до основания. В Смутное время казаки и поляки грабили кремлёвские «святыни», и, наконец, в 1812 году полчища Наполеона разграбили церкви, соборы, дворцы. Всё золотое и серебряное убранство, посуда и утварь, а в церквах ризы на иконах, канделябры, кадильницы и всякие «священные» сосуды из золота и серебра были украдены, переплавлены, смяты. Сохранилось от бывшего церковного великолепия очень мало. Каким-то чудом кое-что уцелело, например большое золотое кадило из Архангельского собора в Москве, замечательной художественной работы, и ризы на старинных иконах.

В сокровищнице Эрмитажа в Ленинграде сохраняются немногие золотые изделия исторического значения. Имеются некоторые в Грановитой палате Московского кремля и в Историческом музее.

Проклятие золота

Жажда золота, грабежи и преступления, совершённые ради золота, — всё это не ново, встречалось среди людей постоянно и нашло отражение в литературе.

Случайно разбогатевшие люди часто пропивали и проигрывали всё своё состояние. Таких было много. Но были и другие, которые хранили золото в сундуках, тряслись над накопленным сокровищем, любовались им и боялись с ним расстаться.

Плюшкин в произведении Гоголя, отвратительный и гадкий в своей скупости человек, или скупой Мольера кажутся скорей сатирическими карикатурами на людей. В жизни это довольно редкое явление, но скупой рыцарь Пушкина уже заставляет содрогаться от гадливости. Всех их одинаково пожирает гнусная страсть к золоту, но у каждого она выражается по-разному.

В «Скупом рыцаре» есть какое-то трагическое величие этой страсти и своя логика. Владея сундуками, наполненными золотом, барон чувствует своё могущество над миром, власть над людьми и наслаждается этим. Любуясь золотом, он восклицает:

«Что не подвластно мне!..
Как некий демон
Отселе править миром я могу;
Лишь захочу — воздвигнутся чертоги;
В великолепные мои сады
Сбегутся нимфы резвою толпою;
И музы дань свою мне принесут,
И вольный гений мне поработится,
И добродетель и бессонный труд
Смиренно будут ждать моей награды;
Я свистну — и ко мне послушно, робко
Вползёт окровавленное злодейство,
И руку будет мне лизать, и в очи
Смотреть, в них знак моей читая воли.
Мне всё послушно, я же — ничему;
Я выше всех желаний; я спокоен;
Я знаю мощь мою: с меня довольно
Сего сознанья…»

В этих словах скупого всё кажется логичным. Но трагедия его состоит в том, что он никогда ничего не предпримет, что он никогда не сможет проявить своего могущества. Золото — это его страсть; любуясь его блеском, он приходит в восторг, говорит о нём с благоговением, служит ему как преданный жрец, но истратить золото, чтобы по-настоящему насладиться своей властью над людьми, он не может. Его даже ужасает мысль, что его сокровище может стать достоянием другого после его смерти. Представляя мысленно своё могущество, он наслаждается им, но

не в его воле захотеть и выполнить хотя бы малейшее действие, чтобы на опыте почувствовать и убедиться в своей неограниченной власти.

У Бальзака в повести «Гобсек» описан ростовщик, который перепробовал в жизни всё, чтобы разбогатеть: он был в Индии, был связан со знаменитыми корсарами, пытался найти золото, зарытое индейцами где-то в Америке, и наконец стал ростовщиком в Париже. Гобсек говорит: «…из всех земных благ есть только одно, достаточно надёжное, чтобы стоило человеку гнаться за ним. Это — золото. В золоте сосредоточены все силы человечества… Переживает все наслаждения только одна утеха — тщеславие. Тщеславие! Это всегда наше “я”. А что может удовлетворить тщеславие? Золото! Потоки золота… Чтобы осуществить наши прихоти, нужно время, нужны материальные возможности или усилия. Ну что ж! В золоте всё содержится в зародыше, и всё оно даёт в действительности».

Гобсек считал, что деньги — это товар, который можно продавать дорого или дёшево — в зависимости от обстоятельств. Он давал деньги в долг на определённый срок, получая за них в залог драгоценности, вещи или расписку — вексель. Вернуть деньги надо было ему с процентом в известный срок, и тогда он возвращал заложенные вещи. Он всё время таким образом богател и считал, что ростовщик, берущий большие проценты за ссуду, такой же капиталист, как и всякий другой участник прибыльных предприятий и спекуляций.

«Что такое жизнь, как не машина, которую приводят в движение деньги?.. Золото — вот духовная сущность всего нынешнего общества», — говорил Гобсек. Он был скупым и на себя ничего не тратил, как и скупой рыцарь, но он действительно наслаждался своей властью над людьми. Он сам ходил к своим клиентам, наблюдал их жизнь, изучал их характеры, предвидел судьбу многих и никого не щадил. Но когда ему сказали, что сын разорённой им графини несчастен, он ответил:

«Несчастье — лучший учитель. В несчастье он многому научится, узнает цену деньгам, цену людям — и мужчинам и женщинам. Пусть поплавает по волнам парижского моря. А когда станет искусным лоцманом, мы его произведём в капитаны».

Когда Гобсек умер, в соседней комнате были найдены целые груды всевозможных гниющих припасов и вещей, среди которых были самые разнообразные редкости, дорогая мебель, гравюры, драгоценности. Это были невыкупленные вещи, подарки и взятки, которые он получал от своих клиентов. Гобсек копил свои сокровища, не тратил их, дрожал над каждым грошом, но умел наслаждаться властью над людьми и проявлял её.

Примеров волчьей жадности и скупости в мировой литературе очень много. Все эти скупые рыцари, Плюшкин, Гобсек, Шейлок жили, окружённые волчьей действительностью, жили и живут по тем же законам, которые приняты за порогом их дома.

Мы, в нашей стране социализма, понять этого не можем, и когда советские люди слышат о преступных спекулянтах и стяжателях, «накопивших золотишко», это вызывает чувство глубокой брезгливости и отвращение.

В рассказе Шелеста правдиво показано отношение к золоту советских людей, которые были заключены в лагере на Колыме во время культа личности. Они нашли самородок золота при работе на приисках. Самородок лежал на синей тряпке, поблёскивая неровными красками. В нём было килограмма полтора. Однако что делать с ним дальше? Сдавать или не сдавать? Запрятать так, что и сам сатана не найдёт, и ежедневно сдавать только норму — тогда появится хлеб, махорка, можно будет достать чаю, газету, мыло. А на работе волынить. Всё это было соблазнительно, ведь можно будет легче жить.

Один из осуждённых сказал, что самородок надо сдать, потому что они все коммунисты. «А настоящие ленинцы мыслят по-коммунистически. Ильич говорил: марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты действительности. Понимаете, что это значит? Учитывать точные факты действительности! Там идёт война. Чьей-то злой волей нас обвинили, оболгали и запрятали сюда искать самородки. Но там война! Надо помогать. Что бы с нами ни было, мы коммунисты. В этом наша жизнь».

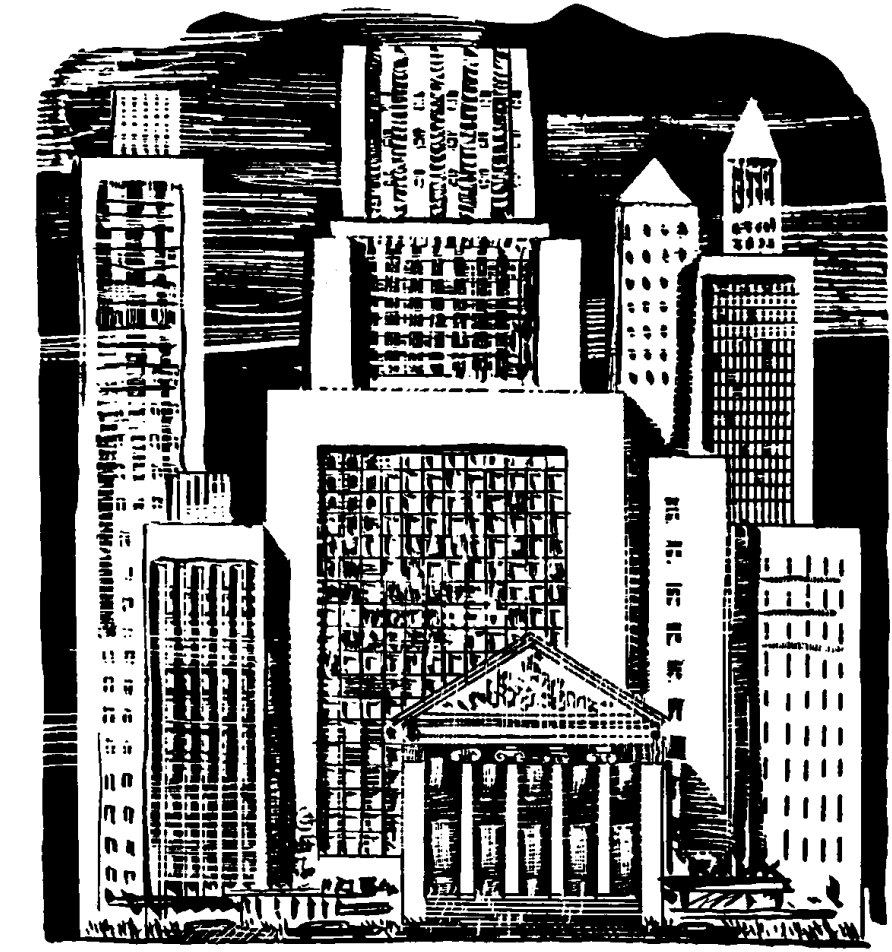
Горел костёр. Розовые языки пламени полыхали, пожирая сухую сосну и ель, потрескивая и искря. Привезли обед.

Самородок лежал на синей тряпице, и все старались на него не глядеть. Потом думали и немного поспорили и наконец решили сдать самородок, потому что надо помочь советскому народу в трудные дни.

В книге Б. Полевого «Золото» описано, как двое служащих банка, старик и молодая девушка, спасали от фашистов мешок с золотом и драгоценностями во время Великой Отечественной войны. Они случайно остались в тылу врага и все силы свои положили на то, чтобы сохранить золото для советского правительства, для Родины. Они хотели перейти линию фронта, который быстро двигался на восток. Партизаны им помогали. Но, не выдержав трудностей, старик по дороге умер. Девушка, от всей души презирая золото и драгоценные украшения, самоотверженно тащила на своей спине тяжёлый мешок сотни километров. Штаб партизанского отряда сообщил в Москву о

золотом грузе. После многих лишений и опасностей девушку доставили через линию фронта на прилетевшем самолёте в Москву.

Слуги золота



В мире капитализма до сих пор процветает поклонение «золотому тельцу». В настоящее время во всех странах золотые монеты изъяты из обращения, потому что золото слишком быстро стирается и гибнет. Но по-прежнему золото является мерилом ценности. И каждая страна принимает все меры к тому, чтобы сохранить своё золото, бережёт его в виде слитков под замками в стальных сейфах, а суда, перевозящие золото, сопровождаются конвоем из военных кораблей. В каждом государстве есть свой золотой запас.

Золото США хранится на одинокой неприступной скале, отделённой от материка морским проливом. Здесь стоит угрюмый форт. Многочисленная стража с пушками и пулемётами охраняет его. Несколько рядов проволоки с током высокого

напряжения окружают форт, и никто не может подойти к нему незамеченным.

Глубоко в скале под фортом находится подземелье, в нём расположены камеры в несколько этажей. Если сюда проникнет злоумышленник, то одним нажимом кнопки камеры мгновенно могут быть затоплены водой. Здесь хранится золотой резервный фонд Америки. Здесь дремлет сокровище, которое обеспечивает в государстве стоимость всех денег и всех товаров.

В мире капитализма есть два центра, которые управляют финансами капиталистических стран. Это Сити в Лондоне и Уолл-стрит в Нью-Йорке. Они занимают всего по одному кварталу города, но в них сконцентрированы все финансовые учреждения, и эти два квартала являются центрами британского и американского финансового владычества. В этих двух чувствительных механизмах как бы бесшумно вращаются многочисленные замкнутые в себе круги, поддерживающие друг друга в движении, как колёсики часового механизма, и превращающие планы правительства, планы промышленности, торговли, транспорта, одним словом, превращающие все в деньги и золото.

В центре Сити стоит почтенный Английский банк. Вблизи находится Биржа ценных бумаг, большая часть страховых компаний, конторы и банки. Пятьсот тысяч человек, работающих в Сити, заняты только деланьем денег и погоней за золотом. Четыре тысячи человек остаются в этом квартале на ночь для охраны зданий и сейфов, наполненных ценными бумагами, деньгами, драгоценностями.

Каждый круг этих слуг золота и денег как бы замкнут в себе, но ни один не может существовать без другого. Например, маклеры, специалисты государственных займов и дирижирующие капиталами на далёких фронтах живут тем, что дают сведения о покупке ценных бумаг, самых лучших, конечно, для себя и своих друзей, похуже — для остальных клиентов.

Банкиры финансируют внешнюю торговлю, достают для промышленности чужие деньги в виде кредитов на разные сроки. Страховщики, готовые застраховать всё на свете, даже здоровье тёщи или палец скрипача, и эксперты крупных страховых компаний командуют не только миллионными суммами, но и полководцами. А магнаты капиталистического мира одним движением бровей решают успех или неуспех выпущенных акций.

До сих пор четыре пятых торговли золотом приходится на Лондон, две пятых всей мировой торговли идёт через Сити, и это ядро капиталистической крепости пока ещё неприкосновенно.

Уолл-стрит — сердце империи финансовых воротил Америки.

Здесь между гигантским многоэтажным зданием Банка и зданием Казначейства помещается Биржа — главный американский рынок по продаже ценных бумаг.

Американцы считают, что у них «народный капитализм», потому что в США каждый может быть одним из собственников производства путём приобретения акций этого производства. В Америке это называется «акционерной демократией». Но, конечно, демократией тут и не пахнет, это просто новый вид или метод выкачиванья денег у населения.

В США игра на бирже привлекает не только людей с большими доходами, но и простых трудящихся и пенсионеров, студентов и даже школьников.

Экономя на самом необходимом, люди в надежде что могут разбогатеть, под влиянием рекламы покупают акции на свои последние заработанные гроши. Они прочли в газете или слышали, что акции такого-то предприятия непременно поднимутся в цене, и их можно будет продать с огромной прибылью. Или инженеры этого предприятия сделали какое-то мировое открытие, или в земле такой-то компании нашли урановую руду, нефть или драгоценные металлы. Человек, который всю жизнь живёт в нужде, поддаётся действию рекламы или уговорам и покупает акции.

Но урана в земле не оказывается, нефть и металлы иногда находят, но в таких количествах, что добывать их невыгодно, и изобретенье инженеров не идёт в ход. Акции резко падают в цене, и люди, их купившие, совершенно разоряются.

Миллиардеры легко переносят дни крахов. У них есть большие свободные капиталы, они знают все закулисные дела в стране и во всём мире и сами влияют на биржевой рынок. Мелкие же держатели акций часто доходят до нищеты и нещадно проклинают Уолл-стрит. Но через некоторое время все успокаиваются, и Уолл-стрит, этот молох капитализма, по-прежнему продолжает перекачивать деньги из карманов трудящихся в карманы капиталистов.

Помимо взрослых держателей акций, в США насчитывается около пятисот тысяч несовершеннолетних школьников, которые, экономя на завтраках, обычно целым классом покупают несколько недорогих акций. Затем ежедневно они следят по газетам, как меняется на них цена. Общим собранием класса они решают, когда надо продать акции или купить новые. Если есть прибыль, особенно ко времени окончания школы, её делят между собой пропорционально вкладам. Всё это поощряется и школой и правительством, потому что будто бы служит хорошей практикой для будущей деловой жизни и бизнеса. И с каждым годом Уолл-

стрит втягивает в игру на бирже всё больше молодёжи, развращая её, воспитывая в них рабов золота.

Миллиардеры

Действительно, миллионы американцев покупают акции, но никакого демократизма, никакого общественного владения средствами производства в Америке нет. В общем, так называемый народный капитализм обслуживает не трудящихся, а капиталистов. Истинными вершителями судеб страны является не народ, а группы магнатов-миллионеров, вроде Рокфеллеров, Морганов, Лебов, Дюпонов и других со всеми их крупнейшими корпорациями и сетью банков, которые густой паутиной обволакивают всю страну.

Группа восьми главных финансовых «династий» распоряжается общим капиталом в размере 264 миллиарда долларов. В эту восьмёрку входят четыре финансовых империи

Морганов, Рокфеллеров, Дюпонов и Меллонов. Группа Дюпонов после первого заказа на порох, полученного от Наполеона, так и осталась главным поставщиком военных заказов. На богатстве Дюпонов — на каждом долларе военных поставок — прежде всего видны следы крови. В годы первой мировой войны Дюпоны поставили союзникам сорок процентов всех взрывчатых веществ, а во время второй мировой войны их прибыль равнялась 800 миллионам долларов! Дюпоны создали крупнейшую в мире химическую монополию и довели личное состояние своей семьи почти до пяти миллиардов долларов.

У семьи Меллонов личный капитал равняется четырём миллиардам долларов. Древние короли нефти Рокфеллеры владеют шестью крупнейшими нефтяными компаниями, самая крупная из которых принесла чистой прибыли за десять лет пять миллиардов долларов.

Общий капитал всех предприятий семьи Морганов превышает шестьдесят пять миллиардов долларов. Влияние имени Моргана в финансовой жизни США неотразимо. Все важные виды производства, торговли, транспорта, радио, телевидения, пресса — всё захвачено капиталистическими монополиями.

В старину говорили про каждого американского миллионера, что он начал свою деятельность без всяких средств и лишь с помощью упорного труда и несокрушимой энергии достиг богатства. И теперь американцы любят распространяться о том, что Эдиссон и Форд вначале были «ничем», а потом стали «всем», и что каждый трудящийся в Америке может при достаточной энергии и предприимчивости превратиться в одного из руководителей американского бизнеса. Но обладателей состояний свыше миллиона долларов насчитывается в США около четырёх тысяч человек, а обладателей упорного труда и несокрушимой энергии там десятки миллионов. Очевидно, кроме энергии и желания, ещё нужна удача, либо не совсем чистоплотная изворотливость, а то и просто преступление.

Символ капитализма

Основоположником рода европейских архимиллионеров Ротшильдов был ловкий ростовщик Мейер Амшель, который начал своё дело в еврейском гетто города Франкфурта. Там, в Еврейском переулке, в доме с красной вывеской проживала его семья. Красная вывеска на немецком языке называется «рот

шильд», отсюда и произошла его фамилия. Мейер Амшель Ротшильд сумел достать курфюрсту Гессена Вильгельму I несколько старинных и редких монет, которые тот собирал. Этим он приобрёл его благосклонность и в 1769 году был произведён в придворные маклеры.

Гессенский курфюрст жил тем, что продавал своих солдат Англии, которая платила за людей векселями, а Ротшильд спекулировал этими векселями.

У Амшеля было пять сыновей. После смерти отца они все владели крупнейшими европейскими банками. Когда начались наполеоновские войны, братья обделывали такие дела, которые потом назывались «гешефтом века». Англия должна была посылать огромные суммы денег на материк, чтобы платить жалованье своим войскам и поддерживать своих союзников. Но из-за наполеоновской блокады все связи были прерваны, и только Ротшильды взялись, получая, конечно, за это высокие проценты, переправлять контрабандой через Францию английские деньги. Но самую крупную спекуляцию Ротшильды осуществили в 1815 году после битвы при Ватерлоо.

Банкир Натан Ротшильд к тому времени был уже известен среди английских финансистов. Когда он получил известие о победе при Ватерлоо от одного из своих агентов из Остенде, он распространил на бирже ложные слухи о поражении Англии в решающем сражении. Началась биржевая паника. Английские акции продавались за любую цену, и Натан Ротшильд дал распоряжение своим агентам их покупать. Когда на другой день все узнали о победе, биржа бросилась в другую крайность — акции стали покупать, и цена на них повысилась. Тогда Ротшильд продал свои акции, которые задёшево купил накануне, и нажил на этом более миллиона фунтов стерлингов.

В первой половине XIX века влияние Ротшильдов было огромно. В то время пять братьев Ротшильдов стояли во главе пяти банков в Европе: в Париже, Лондоне, Вене, Франкфурте и Неаполе. Они окутали финансовой паутиной чуть ли не все существовавшие государства. Братьев называли «пять пальцев», и эти «пальцы» крепко держали за горло всю Европу. Уже тогда Ротшильды были символом колоссального финансового могущества, тончайшего чутья на то, где пахнет золотом, удивительной ловкости, пронырливости и мёртвой хватки.

После свержения Наполеона через банки Ротшильдов осуществилась выплата Францией ста двадцати миллионов фунтов стерлингов военной контрибуции. Затем «пять пальцев» предоставили обескровленным государствам, в том числе и Франции и Англии, займы на кабальных условиях. Так пролитую

во время наполеоновских войн кровь Ротшильды превращали для себя в золото. «Лишь немногие правительства могут сказать о себе, что они не несли золотых цепей этого дома банкиров», — сообщал немецкий посол из Парижа фон Арним.

Сто тридцать лет тому назад немецкий поэт Генрих Гейне посетил в Париже банковского и биржевого владыку барона Джеймса де Ротшильда. К тому времени Ротшильды были уже возведены в дворянское сословие и получили баронский титул за то, что давали деньги в долг государству.

Ожидая приёма у Ротшильда, немецкий поэт Гейне увидал ливрейного лакея, проносившего по коридору ночной сосуд барона, и оказавшегося здесь же биржевого спекулянта, который почтительно снял шляпу не то перед лакеем, не то перед ночным сосудом, принадлежащим могущественному человеку. «Вот до чего доходит почтительность некоторых людей, — писал Гейне. — Деньги — бог нашего времени и Ротшильд — пророк его!»

Позднее три банка Ротшильдов прекратили своё существование, а парижский и лондонский банки стали вести дела отдельно.

Вторая мировая война нанесла не слишком большой ущерб Ротшильдам. Их семья с чемоданами, полными ценных бумаг, золота и драгоценностей, через Испанию и Португалию бежала в Америку. А теперь в Париже продолжает жить в блеске славы и богатстве глава парижского банка барон Ги де Ротшильд. Он намеревается объединить капиталы французского и английского банков и организовал общество концентрации капитала и акций ста пятнадцати фирм. Чтобы ещё больше поднять финансовую мощь своего банка, Ги де Ротшильд стремился привлечь всех своих богатых родственников. Прежде всего он обратился к своему двоюродному брату Эдмонду де Ротшильду, которому отец оставил наследство — более миллиарда франков. Но Эдмонд, которому всего 35 лет, отказался участвовать в предприятиях кузена.

После отказа Эдмонда Ги де Ротшильд обратился к своим лондонским родственникам. Они согласились объединиться, и теперь обе ветви этого рода хотят совместно завоевать «общий рынок». Своей ближайшей целью они наметили проведение туннеля под проливом Ла-Манш с двумя железнодорожными колеями. Строительство обойдётся около двух миллиардов франков, и Ги де Ротшильд гордо заявляет, что он «главный банкир».

Совместно со своим бельгийским родственником, владельцем крупнейшего бельгийского банка, Ротшильд организовал

объединение крупных банкиров, которое называется «Евросиндикат». «Ни одна другая семья за все пятьсот лет существования капиталистической экономики не имела такой исключительной власти на биржах и в европейских банках, ни один финансист никогда не имел в списке своих должников такое количество князей и государств… Поэтому нет ничего удивительного в том, что Ротшильды рассматривались как символ капиталистического мира», — писал немецкий биржевой специалист Рихард Левинсон.

История рода Ротшильдов — это непрерывная цепь рискованных и хитроумных спекуляций и мошенничеств. Они делали всё во имя обогащения, во имя власти, которую даёт золото! Недаром Ротшильдов считают теперь символом капитализма.

«Золотая Америка»

Кроме архимиллионеров и просто миллионеров, не знающих, куда девать деньги, в капиталистических странах существует ещё масса очень богатых людей — купцов и промышленников, жизнь которых заключается в постоянной погоне за золотом. Всевозможными ухищрениями, выдумкой разных комбинаций, игрой на бирже они стараются победить и уничтожить своих конкурентов.

Одним из способов борьбы с конкуренцией в наживе является реклама, которая особенно эффектна и остроумна в США. Люди, ходящие с большими рекламными плакатами по улицам

европейских городов, — это уже устаревший метод. Большой успех имеет реклама, когда она передаётся по телевизору, перемежаясь с интересным фильмом или спектаклем. Ещё успешней — когда проектируется волшебным фонарём или кино на облаках, особенно когда вдруг появляются цветные огромные объявления, что в таком-то магазине, положим готового платья, в известный день в одном из распродающихся костюмов в кармане будет зашита ассигнация в 1000 долларов. Тогда с утра начинают стекаться к магазину толпы любопытных, которые подчас и купить-то ничего не могут, зато говорят, возбуждают и заинтересовывают прохожих, и в результате магазин за несколько часов распродаёт весь залежавшийся товар.

Хуже всех в капиталистических странах живут мелкие служащие и рабочие. Благодаря широко развитой машинной технике, рабочий, особенно в Америке, является лишь частью огромного механизма. Он должен поспевать за ходом машины, иначе будет выброшен, как стёршийся, негодный обломок. Фабриканты это знают и нередко, желая извлечь из рабочих как можно больше выгоды, ускоряют не заметный для глаза темп машины. В результате производительность возрастает на 5–10 процентов, но ценою нечеловеческих усилий рабочих.

Стариков поэтому среди рабочих не встречается, и когда одного фабриканта спросили, куда они деваются, он вместо ответа предложил проехаться вдоль кладбища. Это и понятно: усовершенствованная машина так изнуряет человека в молодости, что в старости он уже никуда не годен.

В США в настоящее время имеются только бедные и богатые. Американские рабочие и служащие никогда не бывают уверены в завтрашнем дне. Они стремятся любым путём сохранить лишний доллар на «чёрный день» и поэтому вынуждены хвататься за каждую возможность поработать сверх сорока часов в неделю, потому что средняя рабочая неделя в США составляет сорок часов. А сверхурочная работа, если её можно достать, оплачивается по полуторной ставке за час. Американский рабочий никогда не откажется и от второй работы или просто случайного заработка на стороне. Американцы умеют работать и работают много. Если после тяжёлого рабочего дня разбудить крепко спящего американца в 4 часа ночи и предложить ему подработать, он может сперва отказаться. Если предложить оплату в два раза больше, — он начнёт подсчитывать. А если предложить в три раза больше, он вскочит с постели и пойдёт на любую работу. Это не жадность, а боязнь пропустить случай, потому что он всегда помнит, что в любой момент может потерять свою обычную работу и поэтому «надо ковать железо,

пока горячо».

Страх потерять работу мучает в США всех трудящихся: и рабочих, и служащих. Если человек потеряет работу в сорок лет, то найти новую ему уже почти невозможно, если он не является высоким специалистом. По выражению одного экономиста: «Капитализм любит пить молодую кровь». Но и для молодого потерять работу иногда означает остаться с семьёй и детьми на улице, так как на пособии для безработных далеко не уедешь.

Самая большая безработица в США была в 1932–1935 годах. В те годы в Нью-Йорке можно было насчитать тысячи многоэтажных домов, в которых среди жильцов не было ни одного работающего человека. На улицах богатого города можно было встретить людей, больших специалистов, которые продавали поштучно красивые крупные яблоки. Это был изысканный способ просить милостыню, так как за каждое яблоко брали заведомо высокую цену. В те годы в стране были целые большие промышленные районы, например в Пенсильвании — район угольной промышленности, где всё население целиком состояло из безработных. В 1957 году в США насчитывалось более 60 процентов безработного населения.

В капиталистических странах всегда существует безработица. Даже в годы высшего расцвета промышленности есть постоянная резервная армия труда — армия безработных. В США она превышает своим количеством армию безработных любого другого государства и никогда не бывает меньше четырёх миллионов человек; в годы же промышленного кризиса она вдвое и втрое увеличивается.

С одной стороны, капиталисты знают, что если безработица дойдёт до какого-то предела, трудящиеся более не смогут терпеть висящего над ними кнута и капитализм будет сметён. Это заставляет их бояться безработицы и бороться с ней. Но, с другой стороны, ликвидировать безработицу, даже если бы они и могли, капиталисты не хотят и никогда на это не решатся, потому что знают, что безработица — это их могучее оружие в борьбе с трудящимися, и лишиться этого оружия они боятся. Капиталисты прекрасно знают, что если все будут обеспечены работой и спрос на труд станет превышать предложение труда, тогда рабочие станут диктовать нанимателям свои условия, например размер заработной платы и количество рабочих часов. Заставить человека работать можно только угрозой потери работы, считают капиталисты. В финансовых кругах Уолл-стрита говорят, что для того чтобы американская экономическая система работала гладко, необходимо всегда иметь три — четыре миллиона безработных. Если дело доходит до пяти миллионов, — надо быть

начеку. Если же число безработных будет увеличиваться и приблизится к десяти миллионам, надо не жалеть денег и бросать миллиарды на общественные работы, так как во второй раз такой громадной безработицы, как в 1932–1935 годах, Америка не переживёт, и где-то на грани пятнадцати миллионов система капитализма погибнет.

Беднота Нью-Йорка, а её более миллиона, живёт в перенаселённых грязных трущобах, которые кишат крысами, мышами, тараканами и клопами; в домах со сломанными оконными рамами, шатающимися лестницами без перил; в зданиях, уже годами объявленных властями опасными для жизни. По количеству крыс с Нью-Йорком и Чикаго не может сравниться ни один город мира.

Тысячи квартир представляют допотопные, построенные на скорую руку помещения из маленьких комнат, в которые еле проникает дневной свет. Строительство домов в США идёт в крупных размерах, но жилищный вопрос остаётся неразрешимым. Для частных компаний, владеющих сотнями, а иногда и тысячами домов, не только снос, но и ремонт старых трущоб является невыгодным. В этих трущобах живут миллионы людей, которые не имеют средств на оплату лучших квартир. Роберт Фишер — редактор журнала «Современный город» — писал, что при существующем темпе государственного жилищного строительства, начатого в 1937 году, потребуется 280 лет, прежде чем будут ликвидированы квартирные трущобы в США, потому что нет средств. Ведь десятки миллиардов долларов пожирает только одна гонка вооружения.

Многие иностранцы приезжают в США с наивной мечтой найти в «золотой Америке» лёгкую жизнь, возможность разбогатеть, получить за малые часы работы большую зарплату, которую им будут подносить на золотом блюде. Но, вкусив прелесть с трудом найденной и потогонной работы и потеряв её не один раз, они стараются хоть что-нибудь отложить на чёрный день.

Из каждой полученной зарплаты откладывают всё что возможно на сберегательную книжку в «надёжный» банк и мечтают скорее приобрести в рассрочку домишко и кусочек земли, чтобы в случае, чего было где «склонить голову».

Американцы относятся к таким иностранцам с пренебрежением. Вся жизнь США вращается вокруг доллара, но ненасытная жадность к богатству, роскоши, золоту характерна только для капиталистической верхушки. Остальным же американцам важен «успех». А «успех» всегда связан с количеством «сделанных денег». И за ним американцы гоняются

всю жизнь с азартом картёжных игроков. В погоне за «успехом» настоящий американец меняет свои профессии, меняет своё местожительство, начинает новое дело, рискует, проигрывает и несётся дальше.

Газеты и журналы в США всё время поучают, что долго работать на одном месте для жизненного успеха невыгодно, что работу нужно менять немедленно, если где-то в другом месте представилась возможность заработать на несколько долларов больше. Иногда следует брать и хуже оплачиваемое место, если оно сулит в будущем скачок кверху и, во всяком случае, следует начинать при первой же возможности хоть не большое, но собственное дело.

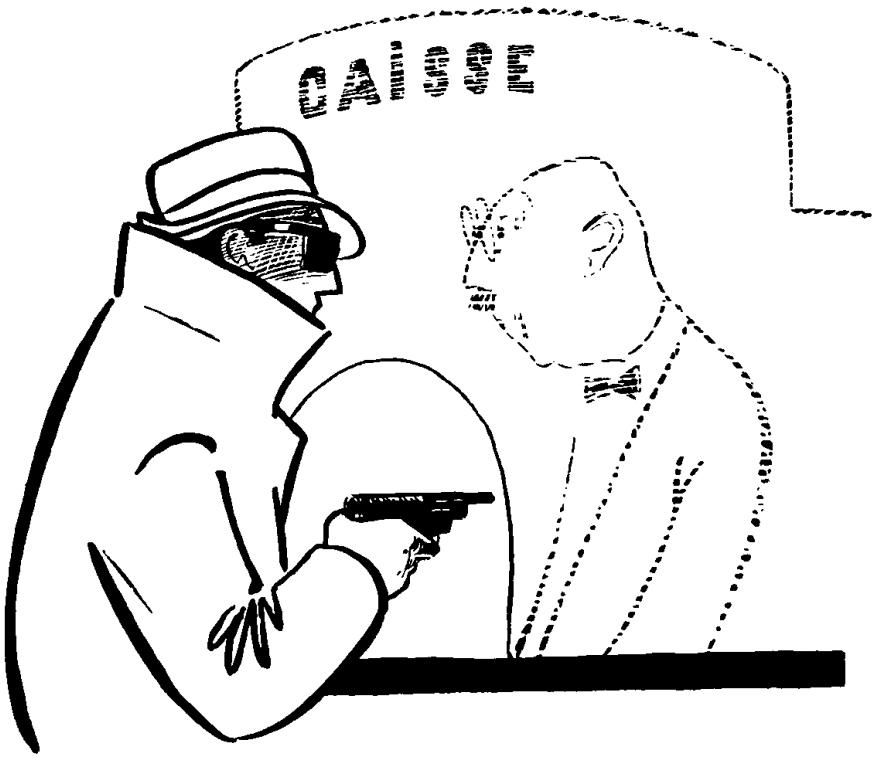
По статистике известно, что семьдесят два процента всех американцев имеют собственные автомобили. Но в условиях американской жизни автомобиль не является предметом роскоши, это только предмет первой необходимости.

В США, например, есть категории кочующих чернорабочих, о которых иногда пишут в газетах и журналах. У них нет постоянного местожительства, они не имеют избирательных прав и их дети не ходят в школы. Получив работу на несколько недель, они её теряют и едут искать в другое место. И так они вынуждены переезжать за работой всю жизнь. Главным средством их передвижения, как ни странно, является собственный автомобиль. Это, конечно, не такая красивая машина, которой щеголяют в Европе американские туристы. Это просто старая «галоша», которая пыхтит, трещит по всем швам, поглощает много горючего и часто ломается, но всё же передвигается. Такие машины иногда продаются на окраинах Нью-Йорка с плакатом: «Продаётся за 25 долларов» (а то и за двадцать!).

В ранние утренние часы, когда грузовики очищают выставленные на улицы баки с мусором, около них роются нищие. Те, которые остались без работы, не брезгуют доставать из мусорных баков целые буханки хлеба, едва начатые банки с консервами и вполне свежие фрукты и овощи, выброшенные богатой, избалованной хозяйкой только потому, что они ей показались чрезмерно крупными или, наоборот, слишком мелкими. Количество выбрасываемых продуктов в больших городах просто невероятно.

Никакая техника не даёт американскому трудящемуся обеспеченности и не может охранить его от безработицы и дать уверенность в завтрашнем дне. Ни массовое производство товаров, ни техника в США не могут создать ту устойчивость жизненных условий, без которых нормальная и счастливая жизнь человека невозможна.

Скрытое господство «жёлтого дьявола»



Ещё ни в одном государстве мира невозможно прожить без денег. Но тогда как в социалистических странах все имеют работу и в старости обеспечены пенсией, в странах капитализма одни стремятся к обогащению ценой спекуляций, обмана и преступлений, другие принуждены голодать и только существовать.

В странах капитализма повсюду правят деньги, процветают неравенство, несправедливость и спекуляции, повсюду ещё жив культ «золотого тельца».

Возьмём, например, жизнь известного шведского спортсмена боксёра Инго (Ингемара Юхансона). Он настолько же спортсмен, как и делец.

Каждая его спортивная встреча за океаном превращается в миллионную сделку, после которой следуют скандалы с американскими налоговыми властями. Чтобы избежать американских и шведских сборщиков податей, боксёр-швед перешёл в швейцарское подданство. И боксёр-делец откровенно

признаёт, что ему крупные барыши едва ли не приятнее, чем слава боксёра.

И в то же время знаменитый рекордсмен мира Эрик Лундквист прозябает в конуре, которую продувает холодный ветер, больной и голодный, совсем без денег. Он пробовал продавать свои призы и кубки, но никто их не покупал. Теперь он вынужден продать свою олимпийскую золотую медаль, потому что золото всегда в цене. И он познал только теперь, что в мире спортивного бизнеса, такого же жестокого и безжалостного, как всякий бизнес капиталистических стран, старый и больной человек становится ненужным и выкидывается за борт.

В Западном Берлине учитель одной из средних школ Вольфганг Хельвиг подделывал почерк своих учеников, чтобы вписывать в их диктовки грамматические ошибки и на этом основании ставить им плохие отметки. После этого он вызывал родителей и домогался взятки, угрожая в противном случае оставить детей на второй год.

Джо Бенсон в Англии, директор фирмы по производству замков, заявил в лондонском суде после своего ареста, что чем чаще люди узнают о грабежах, тем больше они заботятся о приобретении надёжных замков. Поэтому в целях рекламы он решил сам ограбить ювелирный магазин. Такая реклама грабежа со взломом обошлась директору фирмы в два года тюремного заключенья. Зато после его незавидной «славы» дела его фирмы действительно пошли на лад.

Джо Пейер из американского города (штат Висконсин), избранный своими согражданами на должность начальника полиции, заявил, что он сможет приступить к своим новым обязанностям лишь после того, как… отсидит в тюрьме штата положенный ему срок за неудачную попытку ограбления склада.

«Тысячу песо — и я продам сына» — с таким объявлением на улицах Манилы (Филиппины) появилась женщина, которая вела за руку мальчика. Женщина объяснила, что она и муж вынуждены пойти на этот шаг, чтобы на вырученные деньги купить продукты для остальных детей.

Безработный маляр Розарио Туриоко из Пальмы (Южная Италия) после долгих поисков работы попал к владельцу апельсиновой плантации Винценцо Боцумато, которому нужны были батраки для сбора нового урожая. Однажды изголодавшийся Розарио сунул за пазуху один апельсин. Разъярённый плантатор, заметивший это, убил Розарио выстрелом из ружья.

А в Гамбурге скоропостижно скончался сорокалетний шведский инженер Э. К. Юттерель, когда выиграл по лотерее шестьсот тысяч марок. Он не смог перенести такой неожиданной

удачи.

Таких примеров можно привести множество, чтобы показать, что скрытое господство золота вносит хаос и полную анархию во все сферы общественной жизни, что «жёлтый дьявол» проник даже в святая святых человеческих отношений и, как ржавчина, разъел их.

Блюстители закона капиталистических стран часто бессильны бороться с преступлениями, которые связаны с ненасытной жаждой обогащения.

Например, в 1920 году в Нью-Йорке на Уолл-стрит неожиданно взорвалась бомба громадной силы. В полдень к банку известного архимиллионера Моргана подъехал фургон, окрашенный в жёлтый цвет. Он остановился на углу улицы перед Пробирной палатой, против банка. Возница спокойно привязал лошадей к железному столбу и ушёл.

Через несколько минут, когда на улице как раз было много народа, в фургоне взорвалась бомба. Грандиозный взрыв убил тридцать девять человек, искалечил несколько десятков и ранил не менее четырёхсот прохожих. Бомба повредила и частью разрушила здание банка Моргана, Пробирной палаты, казначейства США и других финансовых учреждений.

Во время всеобщего смятения и паники банк был ограблен. Полиция тщательно принялась за розыски преступников. Собрали осколки бомбы, по которым удалось воссоздать её оболочку. Это, видимо, был стальной цилиндр, стянутый стальными обручами, прикреплёнными к цилиндру заклёпками. Всё это походило на часть какой-то машины, имеющейся в продаже и использованной вместо оболочки бомбы.

Неизвестно, на какие препятствия натолкнулась дальше полиция, но преступники так и не были пойманы, несмотря на премию в восемьдесят тысяч долларов. Видимо, преступники подкупили полицию, предложив ещё большую сумму.

1 декабря 1962 года в Париже средь бела дня на Большом бульваре на глазах нескольких сот прохожих был ограблен банк «Жордан». За несколько минут до закрытия банка у тротуара против его дверей остановилась роскошная серо-голубая легковая машина. Несколько человек в нелепых карнавальных масках с фальшивыми носами и усами вышли из машины и вошли в банк. Двое из них остались на улице, один — за рулём машины, другой — на тротуаре, наставив автомат на прохожих.

В банке грабители действовали с молниеносной быстротой, видимо заранее ознакомившись с помещением. Один из них держал под прицелом служащих, другие два набивали чемоданы деньгами. Но пришедший в себя после потрясения кассир вдруг

нажал педаль сигнала тревоги. Педаль, как на зло, не сработала, и кассир получил пулю в ногу. Грабители бросились на улицу, закрывая на ходу чемоданы. Тем временем у банка собралась громадная толпа зрителей. Они приняли налёт на банк за съёмку детективного фильма и оживлённо обменивались впечатлениями о грубой подделке «актёров» под грабителей, о их гротескной маскировке и «плохой» игре.

Грабители вошли в машину, по дороге пригрозив пытавшемуся их сфотографировать любителю, и уехали. Банк был ограблен на общую сумму в 200 000 франков золотом. А в Канаде в городе Монреаль под Новый, 1963 год был ограблен банк человеком, одетым под деда-мороза.

Жажда золота настолько велика, что гангстеры в Америке часто грабят банки и большие магазины. Они вооружены автоматами, гранатами и для координации своих действий пользуются портативными радиостанциями. Вся жизнь капиталистических стран в настоящее время полна не только прямыми преступлениями и грабежами, но и целиком пронизана непрерывной цепью рискованных спекуляций, хитроумных мошенничеств и, в том числе, контрабандой.

Контрабанда золотом

Контрабанда золотом особенно сильно развилась в последние годы. Главари контрабандистских шаек настолько богаты и могущественны, что создают целые «синдикаты» (общества) и действуют через своих агентов во многих государствах. Как настоящие банкиры, они обычно снабжают деньгами преступников и бандитов других «специальностей» и таким образом контролируют контрабанду и спекуляцию наркотиками, драгоценными камнями, золотом и другими товарами во всех странах.

Золото перевозится контрабандным путём из капиталистических стран главным образом в Индию, где его

сбывают по спекулятивной цене на чёрном рынке, нелегально. В случае успеха такая продажа приносит контрабандистам стопроцентную прибыль, потому что цены на золото в Индии вдвое выше, чем в западных странах.

В конце 1961 года в австрийской столице Вене был убит индийский дипломат, работавший в индийском посольстве, Аджай Митра. Утром 13 декабря за ним, как всегда, заехала машина, чтобы отвезти его в посольство. Обыкновенно дипломат никогда не задерживал шофёра и тотчас спускался из своей квартиры, как только автомобиль подъезжал к подъезду. В это же утро шофёр ждал довольно долго и, наконец, поднялся в квартиру дипломата. Слуга открыл дверь и сказал, что его господин ещё не вставал с постели.

Труп Митры, уже посиневший, лежал на диване.

После вскрытия оказалось, что Митра скончался от огромной дозы снотворного порошка, смешанного с сильным неизвестным восточным ядом. Было похоже на самоубийство, но никаких причин для этого не было: Митре было всего 36 лет, он был жизнерадостным, здоровым и весёлым человеком, преуспевающим йа службе.

При рассмотрении его деловых бумаг, спрятанных в стальном сейфе, полиция обнаружила зашифрованный список имён, фамилий и адресов главарей контрабандистов, которые, по данным сыскного полицейского отделения, были организаторами нелегальных перевозок золота из Европы в Индию. Кроме этого списка, были обнаружены расписки в получении больших сумм денег этими главарями от Митры.

После дальнейших расследований установили, что Митра, кроме прямой дипломатической работы в посольстве, занимался ещё секретной работой — выслеживаньем контрабандистов, перевозящих золото в Индию. Видимо, Митра недостаточно искусно вёл свою игру, и главари контрабандистов, раскусив её, решили его убить.

Вечером 12 декабря Аджай Митра должен был встретиться с человеком, который будто бы интересовался различными торговыми операциями с золотом. Вместо одного к нему пришли два незнакомца, с которыми, как установило следствие, Митра распил бутылку коньяку. После этого Митру нашли мёртвым.

Венская полиция арестовала главарей венских контрабандистов, но убийц Митры так и не нашли.

На заседании парламента в Индии министр финансов сообщил (в мае 1962 года) депутатам, что Аджай Митра всё же успел сообщить в Индию о кознях европейских контрабандистов. В результате в 1962 году были обнаружены и обезврежены

руководители нескольких крупных контрабандистских банд, например служащие Британской авиационной корпорации — бортмеханики, лётчики, стюарды.

Так же, благодаря сведениям, полученным от Митры, индийским таможенникам удалось установить, что автомобили, которые доставлялись в Индию из Генуи, были частично сделаны из золота: рули, крылья и рамы были золотыми и только закрашены эмалевой лаковой краской.

Однажды на окраинах Калькутты в одном из тёмных переулков полиция подобрала тело молодого человека, лежащего на мостовой без сознанья. В полицейском участке выяснилось, что это сын богатого человека, который подозревался в связях с контрабандистами. Когда молодой человек пришёл в себя, он рассказал, что его похитили из дому несколько неизвестных, приволокли в какой-то притон, где его пытали и били в отместку за то, что он сообщил властям о дате прибытия в Индию «золотых автомобилей».

На теле юноши оказалось несколько глубоких ножевых ран. Видимо, преступники, уверенные в том, что их пленник убит, выбросили тело на улицу.

Первая «золотая» машина, с виду ничем не отличавшаяся от обыкновенных автомашин, появилась на границе между Индией и Восточным Пакистаном 10 сентября 1962 года. У пограничного поста из машины вышел здоровенный американец. Его паспорт, печати на нём и визы — всё было в полном порядке. Ничего подозрительного при тщательном осмотре не оказалось ни в чемоданах путешественника, ни в его машине. Но накануне полиция получила сообщение от одного молодого калькуттца, что в сентябре в Калькутту прибудут три «золотых машины», управляемые американцами, и что с ними будет привезено контрабандного золота на 12,8 миллиона рупий (рупия приблизительно равна 85 копейкам). К тому же почти одновременно такое же сообщение поступило из парижского отделения Международного полицейского агентства. Поэтому, не доверяя первому, хотя и очень тщательному осмотру, американец с его машиной были взяты под стражу и доставлены в Калькутту.

Там машину обследовали специальными приборами и в результате нашли вместительный тайник в дверце машины, где лежали 185 золотых пластин, каждая весом в один килограмм, общей стоимостью в 2,2 миллиона рупий. На допросах американец заявил, что привёз свою машину пароходом из Франции и выгрузил её в пакистанском порту Читтагонг. Своих сообщников американец отказался назвать. Но, видимо, они узнали о провале американца, и следующие две «золотые

машины» на границах Индии так и не появились.

Американца посадили в тюрьму, следствие по его делу ведёт высший калькуттский таможенный чиновник с большим опытом — Шривастана. Ещё в 1960 году под его руководством в калькуттском порту было обнаружено на торговом американском судне контрабандного золота на 3,8 миллиона рупий. Этот чиновник известен в Калькутте как неподкупный и мужественный человек. Мужество ему особенно необходимо, потому что он систематически получает угрожающие письма с обещаниями его убить, если дело арестованного американца не будет немедленно прекращено. Ему почти ежедневно звонят по телефону и советуют прекратить дело американца, если он не хочет разделить участь убитого Аджая Митры. Но Шривастана не сдаётся.

Летом 1963 года английские газеты сообщили о приключениях таинственного человека, по кличке Родди. Журналистам рассказал об этом полицейский сыщик Джон Горман, который теперь занимает пост начальника службы безопасности Британской авиационной корпорации.

Началось всё с того, что весной 1963 года в Бирмингеме встретились два человека: стюард Родди с самолёта Британской авиационной корпорации и главарь крупнейшей шайки международных контрабандистов. Родди сказал главарю шайки, что, как стюард самолёта, он может быть полезен для нелегальной перевозки ценностей за границу. Предводитель контрабандистов принял это предложение, но предварительно приказал своим подручным тщательно проверить, не подослан ли стюард полицией. Проверка ничего подозрительного не дала, и Родди сказали, что он будет перевозить на самолёте контрабандное золото. За каждый благополучный рейс он будет получать вознаграждение в двести пятьдесят фунтов стерлингов.

На конспиративной квартире Родди встретился со своим новым шефом и получил приказ переправить за границу на пятьдесят тысяч фунтов стерлингов металлического золота. Шеф заявил стюарду, что надо спешить, потому что все члены шайки уже находятся в столицах иностранных государств, где будет приземляться самолёт Родди. Груз для первого авиарейса — несколько золотых пластин — был тут же уложен в чемодан.

Самолёт благополучно приземлился в Карачи (столице Пакистана). Экипаж и пассажиры без каких-либо неприятностей миновали таможенный осмотр, и Родди со своим драгоценным грузом прибыл в один из центральных городских отелей. Было условлено, что в шесть часов вечера он встретится с представителем шайки, передаст ему золото и получит свои двести пятьдесят фунтов стерлингов.

Но тут Родди поступил совершено неожиданным образом. Войдя в свой номер в гостинице, он запер за собой дверь на ключ, быстро выдвинул нижний ящик гардероба и извлёк оттуда мощный коротковолновый радиопередатчик, настроил его на нужную волну и передал в эфир:

— Говорит Родди, говорит Родди!.. Слушайте меня, слушайте меня! В восемнадцать ноль-ноль на Мак-Леод-Роуд у вокзала назначено свидание! Повторяю: в восемнадцать ноль-ноль назначено свидание!

Радиограмма была принята теми, кому и предназначалась, — офицерами пакистанской таможенной полиции и сотрудниками службы безопасности Британской авиационной компании. Контрабандисты золотом были арестованы. А Родди в действительности не был ни стюардом, ни контрабандистом. Это был сыщик, нанятый Британской авиационной компанией для выслеживания контрабандистов, потому что в течении последних четырёх лет 84 служащих этой компании были разоблачены как агенты международных контрабандистских шаек, и всё же тайная перевозка золота на самолётах этой компании продолжалась. А это серьёзно подрывает авторитет компании в тех странах, где приземляются её самолёты, и грозит большими судебными неприятностями.

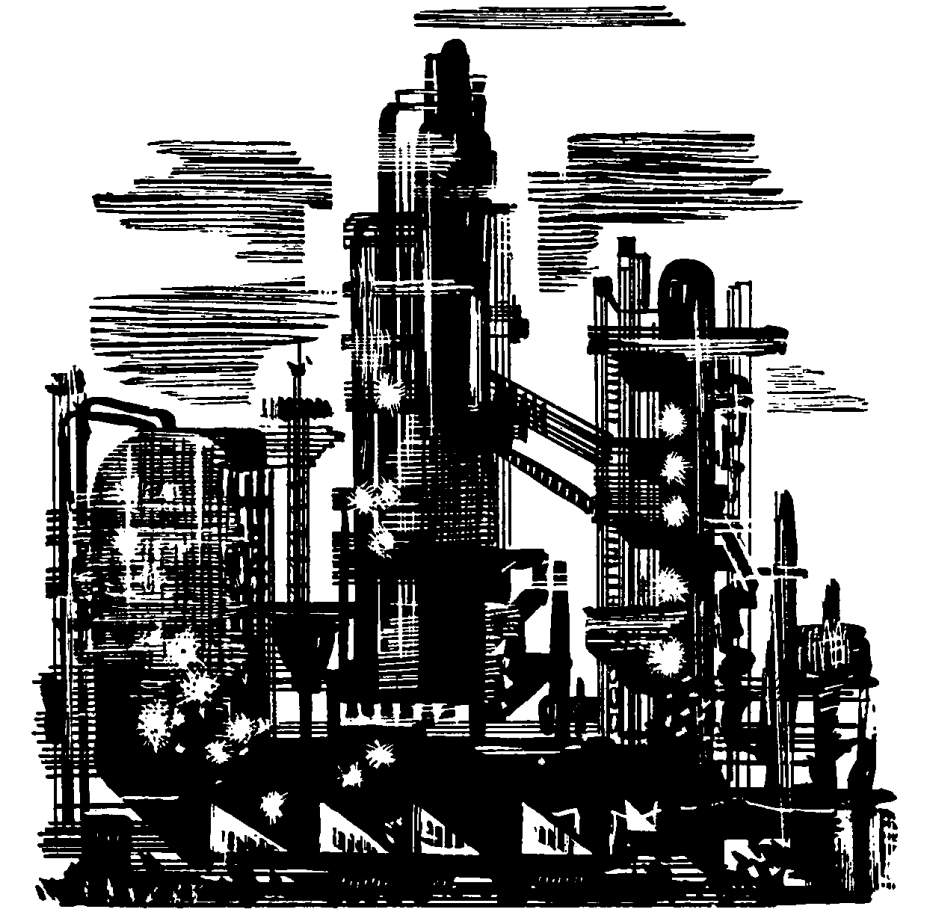
Благодаря работе Родди полицейские захватили двух контрабандистов и чемодан с золотом. Преступники сознались, что собирались нелегально перевезти это золото в Индию и сбыть там на чёрном рынке по спекулятивной цене.

Контрабандисты золота стали настолько богаты и могущественны, как утверждает Международное полицейское агентство, и так тесно связаны с политическими и финансовыми верхами ряда капиталистических стран, что западные блюстители закона совершенно бессильны в борьбе с ними.

Если верить криминалистам Международного полицейского агентства, главари уголовного мира ведут свои доходные дела примерно теми же методами, что и воротилы Сити и Уолл-стрита.

И, может быть, именно поэтому и заявили многие делегаты мадридской конференции о тщетности борьбы с контрабандой золота. Это бессилие западных блюстителей закона перед своей «отечественной» уголовщиной, может быть, объясняется и тем, что главари контрабандистов золота связаны с политическими и финансовыми верхами некоторых капиталистических стран. Иными словами, современный уголовный мир настолько прочно и почти неразрывно сросся с капиталистическим буржуазным строем, что трудно разобрать, где кончается один и начинается другой.

Современная добыча и применение



В 1915 году во всём мире было добыто 708 тонн золота. В 1922 году, после первой мировой войны, золота добыли ещё больше. Во время всеобщего экономического кризиса в капиталистических странах Западной Европы и Америки добыча всех металлов резко сократилась. Но добыча золота в годы кризиса была наибольшей, потому что промышленники часто бросали свои предприятия и тратили капиталы только на добычу золота. Они считали, что можно разориться на производстве стали, хлопка, нефтепродуктов, резины и чего угодно, но только не на золоте. Ведь золото — капитал, на который можно купить решительно всё.

В настоящее время вся добыча золота механизирована. Появились новые промывательные приборы (скрубберы и драги), которые позволяют проводить промывку песков с малым

содержанием золота в очень больших объёмах. Благодаря этим механизмам старые отвалы, образовавшиеся при прежних разработках, снова стали давать золото.

При разработках рудного золота, когда оно лежит на большой глубине и когда приходится бурить твёрдые горные породы, теперь стали употреблять буры с алмазными коронками и стальную дробь, которая засыпается в скважину перед бурением. Дробь при бурении катается под коронкой бура и высверливает породу.

При добыче рудного золота теперь применяется целая система дробильных установок и отсадочных машин и, кроме того, руда обрабатывается ртутью, которая растворяет золото (амальгамация).

При нагревании такой амальгамы до 800 градусов ртуть испаряется и остаётся чистое золото. Тысячу с лишним лет это было единственным способом извлечения золота из разных руд. Но золото растворяется в ртути лишь тогда, когда оно с ней соприкасается обнажённой поверхностью. Для этого приходилось мелко дробить золотоносную руду. Но иногда металлы, находящиеся в руде, окисляются. Тогда ртуть покрывается плёнкой, которая мешает ей растворять золото. В таких случаях говорят, что ртуть «заболела» и амальгамации не происходит. Иногда же, наоборот, попадаются частички золота с плёнкой посторонних окислов на своей поверхности. Такое золото называется «золотом в рубашке» и тоже не амальгамируется.

Уловленное ртутью золото находится в смеси с другими металлами и называется «черновым». Чтобы получить чистое золото, расплавляют «черновое» и пропускают через этот расплав струю хлора. Хлор легко соединяется в расплавленной смеси с присутствующими металлами, например с цинком, свинцом, оловом, серебром, медью. Все соединения хлора с металлами из расплава улетучиваются, кроме хлористой меди и хлористого серебра. Золото же при высокой температуре с хлором не соединяется, а остаётся на дне тигля в металлическом виде. Тогда расплав охлаждают и легко отделяют золото от остальной массы.

Теперь почти повсеместно перешли к извлечению золота из руд процессом цианирования. Для этого измельчённую руду в огромных чанах подвергают действию цианистого калия или цианистого натрия, причём туда же пропускают воздух, потому что для реакции необходим кислород. Золото, соединившись с цианистым натрием или калием, остаётся в растворе и легко отделяется от руды. Потом на раствор действуют цинком, который вытесняет золото, и оно выпадает в виде металла на дно чана. Цианирование даёт возможность извлекать золото в

больших количествах даже из руд мало его содержащих.

Иногда в природе золото встречается в соединении с другими элементами. Такие руды были найдены в Австралии. В них золото было в соединении с элементом теллуром. Эти руды пришлось вначале подвергать обжигу, при котором теллур улетучивался в виде окисла, а золото оставалось в металлическом состоянии. Предварительный обжиг руды приходится иногда делать и у нас, например когда в руде много мышьяка, сурьмы, серы, которые выгорают при обжиге золотоносной руды.

У некоторых природных минералов была открыта способность, при пропускании через них воды, обменивать один входящий в их состав элемент на другой, растворённый в воде. Например, минерал глауконит применяется теперь для того, чтобы не допустить соли кальция в котлы, где они образуют накипь. Глауконит помещают в трубу перед котлом и пропускают через него воду. При этом глауконит поглощает кальций из воды и заменяет его своим натрием, соединения которого не дают накипи. Такие материалы в наше время называются ионитами, или ионообменниками. Их научились приготовлять и искусственным способом. Это так называемые ионообменные смолы. При помощи этих смол учёные попробовали улавливать золото из речных вод на Урале, Памире и в Сибири, где в речной воде имеется немного растворённого золота. Однако изготовление ионообменной смолы стоит очень дорого, а чтобы потом извлечь из неё золото, смолу надо сжечь.

Тогда учёные после многих проб нашли новый способ концентрации золота и серебра на смолах. После того как ионообменная смола захватит какое-то количество золота из раствора, её промывают химическим растворителем, например гидросульфитом натрия. При этом металлическое золото осаждается на смоле, застревая в её порах. А очищенная таким способом поверхность смолы снова получала свои ионообменные свойства и снова могла улавливать золото. Так повторяли несколько раз, пока все поры смолы не были забиты золотом и уж не могли пропускать через себя воду. Тогда сжигали смолу и получали чистое металлическое золото. Таким способом один килограмм смолы улавливал два килограмма золота или три килограмма серебра.

В Забайкалье на Тасеевской фабрике в Балее ничего не осталось от былых способов извлечения золота, которые ещё применялись до Отечественной войны. Теперь в этом царстве современной химической аппаратуры и сложных приборов, где руда измельчалась и золотинки растворялись в цианистой среде и затем осаждались в виде металла, балейцы работают совсем

новыми методами.

С открытием тасеевского золота оказалось, что золотинки так малы, что отделить их от примесей можно было, лишь превратив кварц в пудру, и цианирование объединили с обогащением руды. В последнее же время на фабрике все увлечены извлечением золота с помощью ионообменных смол, которые в виде золотистых зёрен, похожих на капли мёда или окатанные шарики янтаря, запускаются в ионообменную установку.

Благодаря этому способу ликвидированы также пропажи золота, которые невольно происходят при полировке и шлифовке золотых изделий: часть золота улетает в виде пыли, а частью оно исчезает с промывной водой. Теперь разработан метод улавливания золота из промывных вод, где оно находится в мелкораздробленном виде. Частички металла настолько малы, что их не видно даже под микроскопом (коллоидный раствор). В этих растворах золотые частицы несут на себе отрицательные электрические заряды. Раствор пропускают через смолу с избытком положительных электрических зарядов, и поэтому частицы золота оседают на смоле. При этом применяют пылевидные отходы смолы, получающиеся при её производстве. В настоящее время сконструированы промышленные установки улавливания золота на ювелирных фабриках. Это выгодно ещё и потому, что смола улавливает только благородные металлы — золото, серебро, платину, а все остальные остаются в растворе независимо от их концентрации.

Надо сказать, что основой золотой промышленности современности является добыча не россыпного, а рудного золота.

Больше всего его добывают в Южно-Африканском Союзе. За ним следуют Канада, США и Австралия, где в последние годы в горах Барингтон была открыта богатая золотая жила. В Африке, помимо Южно-Африканского Союза, рудное золото добывается в Южной Родезии и в Гане, которая раньше называлась Золотым Берегом. Имеется рудное золото и в республике Конго. Добывают его также на Филиппинах, в Мексике, Колумбии, Японии и в Новой Зеландии.

В Советском Союзе, где золото стало достоянием народа, а не кучки богачей, золота очень много.

В наши дни, кроме того, что золото необходимо каждому государству как посредник в международной торговле, где оно играет роль выразителя стоимости, золото всё больше стало применяться в современной новейшей технике и в приборостроении. Уже много лет назад из золота стали делать золотые «вечные» перья для авторучек, вошедшие в массовое производство.

Большая электропроводность и химическая стойкость золота сделали его незаменимым металлом в новейшей электронной технике и в специальной аппаратуре. В деталях реактивных двигателей, ракет, ядерных реакторов сплавы золота употребляются как сварочный материал. В электропечах и различных приборах, также для изготовления волосков хронометров, гальванометров, для изготовления термопар (аппарат для измерения температур различных веществ, состоящий из двух спаянных проводников или полупроводников из разнородных металлов) золото используется для плавких и электрических контактов.

Уже давно золото употребляется для росписи по стеклу, фарфору и для золочения архитектурных деталей. Хлорное золото имеет широкое применение в фотографии.

Так как поверхность, покрытая золотом, отражает тепло и свет, в настоящее время золотом покрывают аппаратуру, которая запускается в космическое пространство. В Америке мелкие искусственные спутники Земли покрывались золотом, чтобы предохранить их от влияния коррозии и тепла. Кроме того, разные золочёные детали употребляются в радиоаппаратуре и рентгеновских установках.

Употребляется золото и в медицине. При некоторых заболеваниях препараты золота повышают защитные свойства организма. Кроме того, в настоящее время широко применяется лучевая терапия, которая использует стерженьки-иглы из радиоактивного золота для разрушения злокачественных опухолей.

Можно сказать, что сейчас двадцать пять процентов всего добываемого в мире золота идёт на технические нужды. И надо надеяться, что в будущем в каждой стране золото перейдёт из банковских кладовых и сейфов на заводы и в лаборатории, как стойкий и неизменяющийся, вечный металл.

Заключение

Весной 1963 года было сообщение, что страшная эпидемия золотой лихорадки может вновь вспыхнуть на нашей планете, и на этот раз в Саудовской Аравии, где неожиданно открыты сто шестьдесят богатых месторождений золота. Эти сообщения подтверждены официально. Однако саудовские власти хранят в тайне местонахождение этих россыпей, боясь волны хищничества и грабежа, которая может обрушиться на их страну. Ведь повсюду в капиталистическом мире до сих пор правят деньги, процветают неравенство, несправедливость и культ золотого тельца!

В странах капитализма банковские заправилы определяют судьбы акционерных компаний и цену золотой валюты. Стяжатели копят золото на том основании, что «дом может сгореть, скот — околеть, а золото будет вечно сиять и цениться!» Всюду гангстеры и взяточники! В парламентах и конгрессах заседают люди, чьи руки испачканы взятками. Представителям

власти в городах и сельских местностях ничего не стоит обойти любой закон, если за это им заплатят. И что можно ждать от властей, когда результаты выборов определяются не достоинствами кандидатов, а количеством денег, которые они вкладывают в предвыборные кампании? В любом деле считается, что заплатить полиции, чтобы она не совала нос в твои дела, совершенно естественно. Ведь если взятки не дать, то под угрозой разоблачения будет всё твоё дело — бизнес! Считается, что взвинчивать цены аморально, но не сделать этого значит проиграть сражение в борьбе за деньги.

Все охвачены единым желанием нажиться во что бы то ни стало! Деньги — это бог капиталистического мира. Золото и деньги — предмет поклонения, в них видят залог счастья и их боготворят больше самого бога. Уменье делать деньги оправдывает всё, и все любыми средствами делают деньги. Если в результате обмана человек получает крупную сумму, на его обман смотрят сквозь пальцы. Мошенничество стало нормой. А на тех, кто предпочитает жить честно, смотрят как на слабоумных. И так будет продолжаться, пока не изменится основная структура капиталистического мира, которую создало золото.

В странах социализма всё это невозможно: золото стало богатством народа и не служит предметом обогащения отдельных людей. Частникам и стяжателям нет места там, где кипит борьба не за деньги, а за человека, за его свободную и счастливую жизнь!

В странах социализма нельзя на золото купить рабочую силу и власть над людьми! Советское золото помогает росту благосостояния всего народа, служит строительству коммунизма!

После второй мировой войны вырос и окреп лагерь социалистических стран, и Советский Союз перестал быть одиноким. С братскими государствами мы можем торговать уже без участия золота, обмениваясь товарами. Но с капиталистическими государствами, где всё поклоняются золотому тельцу, в торговле необходимо золото, и поэтому мы должны поддерживать и увеличивать наш золотой запас.

Однако на всей нашей планете уже дует свежий ветер свободы и мирного труда. Он развевает яркие флаги освободившихся колоний и даёт уверенность в победе справедливого правого дела, в победе нового над старым, и надо надеяться, скоро сметёт на земле без остатка власть «жёлтого дьявола», игравшую в течение тысячелетий такую трагическую роль в жизни людей и народов!